

ДИСКУРС 3/2016

DISCOURSE

Научный журнал.
Издается с сентября 2015 г.,
выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет „ЛЭТИ“ им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. М. Кутузов (председатель),
Н. К. Гигаури (зам. председателя), А. В. Звонцов (зам. председателя),
А. Ф. Иванов (главный редактор), О. Н. Артунян (отв. секретарь),
А. О. Бороноев, А. В. Волков, В. Д. Губин, П. П. Дерюгин, О. Ю. Маркова, Т. Д. Маслова,
А. Р. Плоткина, В. П. Семенов, Е. В. Строгеецкая, И. В. Цвигун, В. В. Щербина,
Б. С. Мырзалиев (Казахстан), Т. Ронгинска (Польша), д'Аскензо Фабрицио (Италия)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

Философские науки

Маркова Ольга Юрьевна, д-р филос. наук, профессор
каф. философии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Экономика и управление народным хозяйством

Семенов Виктор Павлович, д-р экон. наук, профессор,
зав. каф. менеджмента и систем качества СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Социологические исследования

Строгеецкая Елена Витальевна, канд. полит. наук, доцент,
зав. каф. социологии и политологии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс 71225
по объединенному каталогу
«Пресса России».
Том 1 «Газеты и журналы».
Подписка производится в любом
почтовом отделении России

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, в соответствии с требованиями приказа Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793

Электронный адрес журнала:

на сайте СПбГЭТУ «ЛЭТИ»:
в системе РИНЦ:

<http://www.eltech.ru/ru/universitet/izdatelstvo/zhurnal-diskurs>
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=55485

Адрес редакции журнала:

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 234-10-13
E-mail: discourse@etu.ru

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 346-28-56
Тел.: +7 (812) 346-45-23

Редакторы:

Е. О. Вережкина, О. Р. Крумина, Н. В. Кузнецова

Компьютерная верстка

Е. С. Николаевой

Подписано в печать 21.06.16. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 15,25.
Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.) Заказ 56.

Содержание

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Радеев А. Е.</i> К вопросу об аксиоматике эстетического опыта	3
<i>Мамина Р. И., Пирайнен Е. В.</i> Национальная электронная библиотека и ее значение в формировании единого информационного пространства России	10
<i>Короткий С. В.</i> Гносеологическая феноменология Э. Маха	21

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

<i>Медынская И. В.</i> Экономические аспекты международной деятельности университетов в современных условиях	33
<i>Брусакова И. А., Косухина М. А., Фомин В. И.</i> Введение в управление адаптивными бизнес-процессами наукоемкого производства	40
<i>Швецова О. А.</i> Проблемы мотивации ключевого персонала наукоемких предприятий	50
<i>Маслова Т. Д., Чигирь М. В.</i> Опыт и проблемы реализации магистерских программ по направлению «Менеджмент»	59
<i>Джайлов З. М., Звонцов А. В.</i> Формирование и развитие инфраструктуры поддержки производственного предпринимательства в Хатлонской области Республики Таджикистан	67

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Пивоваров А. М.</i> Коммуникативный анализ креативного процесса в арт-сообществах	72
<i>Solheim Karsten, Середа В. М.</i> Распад СССР как фактор новой волны беспризорности в России (по материалам журнальных публикаций 1985–1996 гг.)	84
<i>Дерюгин П. П., Шияева А. С., Сивоконь М. В., Рассказов С. В.</i> Ценностно-целевая рефлексия как основание диагностики организационной культуры в стратегии сетевого подхода	99
<i>Черны В., Глухих В. А.</i> Внедрение Болонской системы как фактор повышения качества европейского университетского образования (на примере Чешского университета естественных наук в Праге)	111
<i>Сведения об авторах</i>	116
<i>Правила представления рукописей авторами</i>	119

УДК 7.01 + 165.18

А. Е. Радеев

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ АКСИОМАТИКЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Современная эстетика имеет тенденцию к созданию «большой теории», в основе которой лежит преодоление постмодернистской иронии и определение новых оснований для ключевых эстетических вопросов. Одним из аспектов этой тенденции является теория эстетического опыта. Определяются аксиоматика и проблематика эстетического опыта и основные их варианты в современных эстетических исследованиях. Делается вывод, что обращение к аксиоматике эстетического опыта позволяет поставить вопрос о самом же статусе эстетики как теории.

Большая теория, эстетический опыт, аксиоматика, Р. Шустерман, Дж. Дики

Постмодернистский ураган, пройдя по территории философских дисциплин, уже утих. Постмодерн как «недоверие к метанаррациям» уходит в прошлое и его сменяет тоска по чему-то противоположному тотальной иронии, а отказ от постмодерна оборачивается не столько пресловутой бесконечностью «пост-», сколько идеями, получившими наименование метамодернизма.

И хотя последнее еще не получило того концептуального закрепления, которое позволило бы о нем говорить как о свершившемся факте (работы же Т. Вермюлена, Р. Ван дер Аркера [1] и других адептов метамодернизма следует признать лишь первыми, но не окончательными в этом направлении), можно с большой долей вероятности предположить, что «новая наивность», о которой так много говорят теоретики метамодернизма, в случае с философскими теориями выражается в поиске так называемой «большой теории». Споры о возможности, необходимости и о самом содержании «большой теории» для гуманитарных наук еще не достигли своего апогея, но все же представляется, что преодоление постмодернистской иронии, новая наивность и «большая теория» в случае с философией – разные стороны одного и того же процесса.

Эстетическая теория тесно связана в своем существовании со всем комплексом философских дисциплин, поэтому нет ничего удивительного в том, что она переживает сегодня тоску по «большим теориям». Можно по-разному относиться к прагматической эстетике (Р. Шустерман), нейроэстетике (В. Рамачандран) и айстетике (В. Вельш) (если называть лишь некоторые из набирающих силу), но каждая из них подразумевает преодоление иронии и стремление обратиться к основаниям (обновленным в том или ином отношении) ключевых эстетических вопросов. Современная эстетика все чаще предлагает переосмыслить собственные основания, чтобы определить те, что послужат отправной точкой для нового ее вектора и перехода к статусу «большой теории».

Однако одного только стремления обратиться к основаниям для развития эстетической теории недостаточно. Чтобы ясно осознавать, каким же образом складывается «большая теория» в эстетике, необходимо, помимо самого поворота к основаниям иметь в виду как минимум два аспекта.

Первый из них состоит в том, что поворот к «большим теориям» неразрывно связан с историей и практикой: переосмысление эстетической теории неизбежно приводит к изменению представлений о ее истории, а также о способе ее отношения к практике. Поэтому каждый из элементов триады «теория – история – практика» лишь в том случае обеспечивает движение вперед, если имеется взаимное влияние, и вопрос о «большой теории» в эстетике неразрывно связан с тем, какой видится ее история и отношение к практике.

Действительно, основания для изменения представления об истории и практике эстетики имеются. В том, что касается *истории эстетики*, можно заметить, как сильно изменились ее контуры за последние 20–30 лет. Если со времен первых работ в этой области (к которым следует отнести работы Дж. Коллера [2] и Ф. Циммерманна [3]) и до конца XX в. история эстетики трактовалась как история академических исследований, круг проблем которых был более-менее очерчен (эстетические категории, философия искусства, прикладные аспекты эстетики), то в последнее время налицо стремление расширить диапазон истории эстетики за счет включения в нее истории арт-практики, вопросов сомаэстетики, эстетики виртуального, политической эстетики. И хотя это расширение по большей части выглядит случайным, нельзя не признать, что в современных работах по истории эстетики все чаще наблюдается отказ от устойчивого круга тем. Так, М. Вудманси подчеркивает, что историю эстетики следует рассматривать не столько в связи с тем, что «собственно внутренние философские вопросы играют важную роль в эволюции эстетики» [4, с. 101], сколько в связи с социальными, правовыми и экономическими составляющими, что позволяет в конечном счете рассматривать историю эстетики как одну из форм культурной политики. А. Берлеант настаивает на переосмыслении истории эстетики под углом понятия вовлеченности [5], а в ставшем хрестоматийном сборнике статей «Переоткрывая эстетику» [6] каждый из авторов (А. Данто, В. Вельш, Т. де Дюв и др.) по-своему обозначает новые линии развития эстетики и ее истории. История эстетики перестает быть историей учебной дисциплины для вузов, а становится лабораторией по изучению актуальных проблем эстетики, в которой исторический аспект участвует в формировании самого проблемного поля эстетики.

Можно говорить и об изменениях контуров *практики эстетики*: эстетика уже давно перестала связываться с «философией красоты и искусства», а становится неотъемлемой частью политической и повседневной жизни. Еще сохраняется представление, что практической стороной эстетики является эстетическое суждение или оценка, вследствие чего практическое значение эстетики видится преимущественно в анализе аксиологического отношения к предмету, но постепенно (в XX в. в особенности) это представление вытесняется иным, согласно которому практическая сторона эстетики – это эстетический способ существования, бытие эстетиком (как об этом писали С. Киркегор или Ф. Ницше), это практикование «эстетики существования» (по выражению М. Фуко). И если придавать значение столь популярному термину, как *Homo Aestheticus*, то трактовать его следует не как «человека чувствующего» и подвергать анализу эволюцию человеческой способности судить о прекрасном (как это было дано у авторов термина Э. Диссанайка и Л. Ферри), а как «человека, обладающего эстетическим опытом», и рассматривать вопросы развития этого опыта, не сводимого к другим формам и выражаемого преимущественно в самом испытывании этого опыта, а не в его оценке. Лишь принимая во внимание, что не об инстанции вкуса в отношении красоты или искусства, а об особом испытывании эстетического опыта идет речь в современных формах практики эстетики, можно понять значение таких проектов, как

«эстетика политического» (Ф. Анкерсмит), «эстетика взаимодействия» (Н. Буррио) или со-маэстетика (Р. Шустерман). Само же определение эстетики как философии красоты и искусства уже не может сегодня не восприниматься как атавизм и наследие той эстетической теории, которой давно не соответствуют история и практика.

Изменения, происходящие в характере истории и практики эстетики, можно связать с тем, что и сама теория готова сделать несколько шагов вперед, чтобы стать «большой теорией». Однако, чтобы обозначить этот вектор движения, недостаточно определения отношения между теорией, историей и практикой. Скорее, следует рассмотреть, что же в самой теории может послужить основанием, опираясь на которое эстетическая теория становится «большой».

В этой связи вторым аспектом понимания того, как же возможна «большая теория» в эстетике, может служить понимание, что любая теория, с одной стороны, придерживается явных или скрытых *аксиом*, с другой, подразумевает определение и решение круга *проблем*, производных от этих аксиом. Эстетическая теория, претендуя на статус «большой», возможна только в случае, если она задает новую аксиоматику и связанную с ней проблематику, и от того, насколько то и другое дает возможность для движения вперед, и зависит становление эстетики как «большой теории».

Безусловно, как аксиоматика, так и проблематика эстетической теории имеют тесные отношения с ее историей и практикой. Эстетические рассуждения можно встретить в истории мысли с тех же самых пор, как эта мысль приобрела свою письменную форму, поэтому нет ничего курьезного в том, чтобы анализировать эстетические представления Древнего Востока или эстетические взгляды Гомера. Однако право именоваться теорией эстетика завоевала лишь с середины XVIII в., когда стал складываться устойчивый круг проблем, получивших наименование эстетических. В это же время складывается и аксиоматика эстетической теории, т. е. ряд положений, которые представляются очевидными для тех, кто ставит задачу определения проблем, связанных с этими аксиомами, и предложить их решение. Несмотря на то, что история эстетики существует более двух столетий, сама аксиоматика эстетической теории еще не стала предметом исторического изучения. Между тем исследования об очевидных положениях в эстетике, которые разделяли между собою И. Кант и Г. Гегель и которые предстают не столь уж очевидными для А. Шопенгауэра или Ф. Ницше, а уж тем более для Я. Мукаржовского или У. Эко, позволили бы иначе взглянуть не только на историю эстетики, но и на способы отношения теории к практике.

XX в. дает богатый материал для изучения аксиоматики и проблематики эстетической теории, но есть среди этого материала одно понятие, которое не только создало вокруг себя традиции осмысления и дискуссий, но и само служит одним из оснований для становления «большой теории» в эстетике. Таким понятием является «эстетический опыт», переоткрытие которого, можно надеяться, еще предстоит эстетической теории.

Понятие эстетического опыта возникает в начале XX в., а его закрепление произошло в работе Дж. Дьюи «Искусство как опыт» и вызванных ею дискуссиях. К этому времени в эстетике сложился определенный круг проблем, для обозначения которого и возникает это понятие. Среди этих проблем следует назвать такие, как вопрос об особенностях эстетического переживания (каково оно? следует ли его понимать как вчувствование? связано ли эстетическое переживание со знанием о предмете?), вопрос об эстетическом отношении (является ли незаинтересованность его необходимой характеристикой? подразумевает ли эстетическое отношение оценку?), вопрос о связи эстетического опыта и удовольствия (необхо-

димо ли удовольствие для эстетического опыта? возможно ли негативное удовольствие? является ли удовольствие единственным эффектом эстетического опыта?). Этот круг проблем не ограничивается перечисленными, но именно вследствие активного обсуждения вопросов, на которые указывало понятие эстетического опыта, сформировалась аксиоматика, а также обозначился ряд положений, оставшихся проблематичными и составляющих суть современных дебатов относительно эстетического опыта.

Поэтому возможно, во-первых, выделить положения, составившие аксиоматику для современного анализа эстетического опыта, и рассмотреть, насколько эти положения самоочевидны; во-вторых, обратиться к положениям, определяющим проблематику современного анализа эстетического опыта и выявить ее границы.

Итак, какова аксиоматика современной аналитики эстетического опыта?

Несомненно, первой аксиомой является то, что эстетический опыт вообще существует. Новейшая история эстетики знает ряд возражений против этой аксиомы: это и заверения В. Кенника, что поиск сущности эстетического опыта является попыткой, обреченной на провал [7], и утверждения Дж. Дики, что эстетический опыт – фантом [8], и современные нейроэстетические исследования, утверждающие, что «эстетический опыт – лишь определенные нейронные процессы, лежащие в основе эстетического поведения» [9, с. 3].

Между тем, если и возможна аналитика эстетического опыта, то лишь при допущении, что он каким-либо образом все же существует (каким именно – это предмет отдельных исследований), что есть в нем то, что позволяет называть его именно опытом и что он чем-либо отличается от иных возможных опытов (и потому есть в нем то, что делает опыт эстетическим). Именно это – способ существования опыта, основания отличия опыта от иных, в каком смысле опыт и в каком смысле эстетический – и составляет первый круг проблематики эстетического опыта, в основе которой – аксиома самого существования этого опыта. История эстетики XX в. знает немало примеров отстаивания этой аксиомы: это и работы М. Бердсли, вызвавшие во второй половине XX в. волну критики и опровержений, но в то же время инициировавшие само обсуждение того, что же такое эстетический опыт; это и исследования М. Дюфренна, в которых обосновывается идея существования эстетического опыта среди многообразия форм человеческой активности; это и работы Т. Адорно и Р. Шустермана, провозгласивших существование эстетического опыта как особого состояния, особенности которого выводятся из самого характера протекания этого опыта, и рассматривающих произведение искусства, связанное с этим опытом, как процесс и становление опыта. Ряд этих и аналогичных рассуждений из истории эстетики XX в. позволяет заключить, что именно *аксиома существования* эстетического опыта составляет первое, хотя и не единственное основание для любой теории эстетического опыта.

Другой аксиомой современной теории эстетического опыта является представление о том, что аналитика этого опыта вообще возможна, т. е. имеются основания для того, чтобы раскладывать представление об опыте на составляющие. И, как и в первом случае, существуют, безусловно, сомнения в том, что аналитика эстетического опыта возможна, что может существовать адекватный аналитический аппарат для этого анализа, что вообще этот опыт познаваем в каком-либо виде. Как правило, эти сомнения опираются на кантовское понятие незаинтересованности, своей значимостью для эстетики, но в то же время апофатичностью по формулировке позволяющее многим заявить, что эстетический опыт непознаваем; кроме того, в основе этих сомнений лежит представление, что «посредством эстетического опыта... мы воспринимаем бесконечное в конечном, сверхчувственное в чувственном, абсолютное в его проявлениях»

[10, с. 73], из чего можно заключить, что познание эстетического опыта лишь отчасти охватывает то выражающееся в нем бесконечное. Об этом же можно встретить и бытовые романтические рассуждения, что эстетический опыт настолько уникален и неповторим, что никакая аналитика относительно него невозможна. Если перефразировать знаменитое изречение М. Вейца, то можно сказать, что со стороны этих критиков аналитика эстетического опыта представляет собою тщетную попытку определить то, что определить невозможно. Между тем если и может существовать аналитика эстетического опыта, то только в виде подхода, состоящего в разложении этого опыта на определенные моменты (а именно разложение и имеется в первую очередь, если идет речь об анализе). Каковы моменты этого опыта, есть ли у него строение, сингулярен ли эстетический опыт или же подразумевает ряд фаз как моментов строения – все это составляет второй круг проблематики эстетического опыта, в основе которого – аксиома о возможности самой аналитики опыта. К тем, кто отстаивает аксиому возможности аналитики эстетического опыта, следует отнести исследования Р. Ингардена, а также ряд современных исследователей (прежде всего – Б. Уайт, выдвинувший идею о возможности создания «эстетиграмм» эстетического опыта [11]). Именно допущение этой *аксиомы возможности* позволяет анализировать строение эстетического опыта, без чего теория его немыслима.

Наконец, следует признать и третью аксиому для аналитики эстетического опыта, состоящую в том, что такая аналитика необходима. Безусловно, существует целый ряд теоретиков, выражающих сомнения в том, что если и существует эстетический опыт, если и возможна его аналитика, то никакой необходимости в ней нет, поскольку этот анализ оперирует понятиями, никак не соотносимыми с художественной практикой или же с процессами, имеющими место в современности. Особенно сильным выглядит это сомнение у Дж. Дики при рассмотрении такой формы эстетического опыта, как эстетическое отношение. В ставшей хрестоматийной работе «Миф об эстетическом отношении» Дики показывает, что это понятие (а вместе с ним и все рассуждения об эстетическом опыте) не дает ничего или почти ничего для анализа искусства, а потому все попытки угнаться за тем, что же имеется в виду под эстетическим опытом, пусты и не имеют отношения к действительности [12, с. 64]. Более спокойным сомнением относительно аналитики эстетического опыта может служить позиция У. Эко, согласно которой, если и есть необходимость в анализе каких-либо эстетических проблем, то иных, нежели проблема эстетического опыта; проблема эта вторична, поскольку не столько об эстетическом опыте, сколько об эстетической коммуникации необходимо вести речь при анализе эстетических проблем [13, с. 85].

Между тем аналитика эстетического опыта не может не допускать своей необходимости, основание которой видится в том, что есть что-то настолько исключительное в самом опыте, что его анализ необходимо провести как для самой эстетики, так и для многого из того, что выходит за пределы ее проблемного поля. Этой необходимостью, исходя из самой же эстетической теории, может выступать предмет эстетического опыта, называемый эстетическим объектом или же производящий характер эстетического опыта; из того же, что выходит за пределы проблемного поля эстетики, необходимостью этой аналитики может выступать влияние эстетического опыта на иные формы опыта и в целом на различные виды активности человека. В самом деле, существует ли эстетический объект, с которым связан опыт, и если да, то каков статус этого объекта? Что прежде – эстетический опыт или же объект, с ним связанный? Имеется ли необходимость атрибутировать этот объект как художественный? Выражает ли понятие эстетического опыта особое практическое измерение

эстетики? Все это составляет третий круг проблематики эстетического опыта, прояснить который возможно, только если допустить *аксиому необходимости* аналитики эстетического опыта. И история современной эстетики знает примеры раскрытия этой необходимости: в последних работах В. В. Бычкова и Н. Б. Маньковской постоянно говорится о необходимости анализировать эстетический опыт для понимания современной арт-практики [14], А. В. Фэйрчайлд рассматривает необходимость понимания «парадигм эстетического опыта» для изучения современных арт-институтов [15].

Нетрудно заметить, что названные три аксиомы замкнуты в своей модальности: первая исходит в анализе из существования эстетического опыта, вторая – из возможности анализа, третья – из его необходимости. Все они – своеобразный ответ на знаменитое сомнение Горгия: вместо «ничего не существует» утверждается, что существует эстетический опыт; вместо «ничего не познаваемо» утверждается, что возможна аналитика эстетического опыта; вместо «знание не передаваемо» утверждается, что аналитика эстетического опыта может претендовать на всеобщность, т. е. она необходима. В то же время очевидно, что названные три аксиомы тесно связаны между собою и являются не тремя разными векторами развития понятия эстетического опыта, а единым сгустком проблем, дискуссии вокруг которых составили одну из ярчайших страниц в истории эстетики XX в.

Таким образом, в круг проблем современной эстетической теории возможно внести ясность, если выделить в этом круге аксиоматику и связанную с ней проблематику теории. Становится ясным, что дискуссии об эстетическом опыте возможно вести, если, во-первых, принять определенные аксиомы и, во-вторых, рассматривать такие проблемы, как вопрос о способе существования эстетического опыта (и отличие этого опыта от иных), вопрос о его строении и вопрос об эстетическом объекте (и его отношении к опыту).

Но дело не только в том, что это понятие вызвало разные способы осмысления, но и в том, что именно внимание к понятию эстетического опыта, его аксиоматике и проблематике может выступить шагом в направлении «большой теории» в эстетике.

Это возможно показать, если вновь обратиться к роли истории и практики для эстетической теории. Если практический аспект современной эстетики состоит в отходе от аксиологического отношения к предмету и смещении в сторону эстетического способа существования, то именно понятие эстетического опыта (понимая под опытом испытывание, а не оценку) представляется наиболее адекватным для обозначения поворота в сторону такого понимания практики эстетики. Приняв, что эстетический опыт выражается вовсе не в эстетической оценке (хотя и может иметь к ней отношение), а в самом эстетическом способе существования, т. е. в испытывании определенных моментов этого опыта, для исследования открываются новые вопросы, которые составляют круг проблем «большой теории» эстетики: в чем же именно состоит эта «эстетика существования», какие процессы, складывающие эстетический опыт, его характеризуют, какие границы представления об эстетическом опыте возможно выделить.

Точно таким же образом и в отношении истории эстетики возможно поменять ракурс. Если представить ее не как историю понимания эстетической оценки, а как историю понимания эстетического опыта, а также как историю складывания аксиоматики и проблематики этого опыта, то этим ставятся новые вопросы, мимо которых академическая история эстетики со времен Дж. Коллера проходила: что составляло очевидность в понимании эстетического опыта во времена Канта или Ницше, а что – сегодня, за счет каких внутренних и внешних причин изменялись представления о моментах эстетического опыта, в какой момент и почему в академической эстетике закрепилось представление об эстетике как «философии красоты и искусства».

Итак, обращение к аксиоматике эстетического опыта позволяет поставить вопрос о самом же статусе эстетики как теории. Все это не значит, что только через обращение к темам и проблемам эстетического опыта возможна «большая теория» эстетики, но без внимания к аксиомам и проблемам, связанным с этим понятием, эстетическая теория многое упустит из виду и, возможно, утратит один из ресурсов для своего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vermeulen T., Akker R. van den. Notes on metamodernism // J. of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: <http://www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/view/5677/6304> (дата обращения: 13.03.2016).
2. Koller J. Entwurf zur Geschichte und Literatur der Aesthetik. Regensburg, 1799. 111 p.
3. Zimmermann R. Ästhetik: Geschichte der Ästhetik als philosophischer Wissenschaft. Wien, 1858. 809 p.
4. Woodmannsee M. The Author, Art, and the Market: Rereading the History of Aesthetics. New York: Columbia UP, 1994. 200 p.
5. Берлеант А. Историчность эстетики // Феноменология искусства / отв. ред. К. М. Долгов. М.: ИФ РАН, 1996. С. 241–261.
6. Rediscovering Aesthetics: Transdisciplinary Voices From Art History, Philosophy, And Art Practice / Eds. F. Halsall, J. Jansen, T. O'Connor. Stanford University Press, 2008. 336 p.
7. Кенник В. Основывается ли традиционная эстетика на ошибке? // Американская философия искусства. Основные концепции второй половины XX в. – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм: антология / под ред. Б. Дземидока, Б. Орлова. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 87–112.
8. Dickie G. Beardsley's phantom aesthetic experience // J. of Philosophy. 1965. № 62 (5). P. 129–136.
9. Neuroaesthetics / eds. M. Skov, O. Vartanian. Baywood Publishing Company, 2009. 312 p.
10. Beiser F. C. The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism. Harvard University Press, 2004. 262 p.
11. White B. Aesthetigrams: Mapping Aesthetic Experiences // Studies in Art Education. 1998. Vol. 39, № 4. P. 321–335.
12. Dickie G. The Myth of the Aesthetic Attitude // American Philosophical Quarterly. 1964. Vol. 1, № 1. P. 56–65.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
14. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Феноменолого-рецептивные аспекты эстетического опыта // Искусствоведение. 2015. № 2 (36). С. 179–194.
15. Fairchild A. W. Describing Aesthetic Experience: Creating a Model // Canadian J. of Education. 1991. Vol. 16, № 3. P. 267–280.

A. E. Radeev

Saint Petersburg State University

ON THE QUESTION OF AXIOMATICS IN AESTHETIC EXPERIENCE

Modern aesthetics tends to create a «Grand theory» based on overcoming of postmodern irony and quest for a ground of new aesthetic problems. One aspect of this trend is the theory aesthetic experience. The article defines axioms and problems of aesthetic experience theory and their basic variants in contemporary aesthetic studies. The author of the paper argues that appealing to the axioms of aesthetic experience enables to put in question the status of aesthetic theory.

Grand theory, aesthetic experience, axiomatics, R. Shustermann, G. Dickie

УДК 021

Р. И. Мамина, Е. В. Пирайнен

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Рассматривается специфика информационного пространства Национальной электронной библиотеки, его структура и функции, а также роль и значение библиотеки в формировании единого информационного пространства России.

Единое информационное пространство, информационная революция, клиповое мышление, Национальная электронная библиотека, электронная книга, датификация, больше данные

Национальная электронная библиотека (НЭБ) – проект Российской государственной библиотеки, призванный предоставить доступ к оцифрованным документам, содержащимся в архивах, а также обеспечить возможность сбора, архивации и описания электронных документов в свободном доступе через Интернет. Презентация портала НЭБ состоялась в Москве в январе 2015 г. Проект разрабатывался ведущими российскими библиотеками при поддержке Министерства культуры РФ, начиная с 2004 г. На сегодняшний день в проекте участвуют около 60 библиотек-партнеров, среди которых Российская государственная библиотека (РГБ), Российская национальная библиотека (РНБ), Государственная публичная научно-техническая библиотека (ГПНТБ России). Общий объем электронных документов НЭБ составляет 15 млн страниц в электронном виде, и библиотека постоянно пополняется.

Для доступа читателей на сегодня собрано уже более 90 % всех оцифрованных публичными библиотеками книг, объединены каталоги печатных изданий 33 библиотек. В дальнейшем предполагается массовый перевод изданий в текстовый формат, появление возможности брать электронную книгу в аренду в режиме офф-лайн, расширение сервисов для работы с текстовыми книгами, подключение до 1000 новых виртуальных читальных залов НЭБ в региональных библиотеках. Поэтому сегодня именно НЭБ ассоциируется в глазах общественного мнения с образом современной библиотеки, поскольку отражает специфические особенности цифровой эпохи.

Первая Национальная электронная библиотека – это еще один важный шаг на пути формирования единого информационного пространства России. В свою очередь единое информационное пространство России является частью мирового информационного пространства, отсюда и особая роль и значение НЭБ. Однако прежде определимся, что же представляет собой понятие «информационное пространство».

Информационное пространство, его структура и функции. Определение информационного пространства можно свести к трем концептуальным вариантам – атрибутивному, функционально-кибернетическому и антропосоциоцентрическому. В атрибутивных концепциях информация рассматривается как атрибут материи, т. е. как всеобщее и существенное средство, пред-

ставляющее собой меру определенности, организованности, упорядоченности, сложности и многообразия; в функционально-кибернетических – информация представляется как особая форма функциональной связи, присущая самоуправляемым системам; в антропосоциоцентрических концепциях информация трактуется как атрибут социальных систем [1, с. 172]. Согласно антропосоциоцентрической концепции, информационное пространство не существует само по себе, оно является важной составляющей социального пространства. В рамках этой концепции для определения понятия информационного пространства необходимо в первую очередь определиться с понятием «социальное пространство». Остановимся подробнее на этом понятии.

Автором и разработчиком категории «социальное пространство» является известный французский ученый, социолог Пьер Бурдьё. Бурдьё рассматривает социальное пространство как форму, выражающую определенные отношения, которые проявляются как способы координации состояний предметов исследования. Содержанием данной формы выступают изучаемые социальные явления и процессы, характер которых и определяет основные свойства социального пространства. Социальное пространство конструируется каждый раз как форма выражения и обобщения имеющейся эмпирической информации. В каждом конкретном случае оно может быть и одномерным, и многомерным пространством с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различного рода социологических величин, характеризующих социальные явления. В социологии П. Бурдьё социальное пространство есть, прежде всего, структура социальных позиций. Социальное пространство структурируется объективно (существующими социальными отношениями) и субъективно (представлениями людей об окружающем мире). «Люди, понимаемые как агенты социального процесса, производят практики... и через них влияют на изменение социальной структуры» [2].

В дальнейшем теория социального пространства получила свое достойное продолжение и развитие в работах других известных ученых, занимающихся проблемами общественного развития, в частности, в работах М. Кастельса [3]. Однако именно Бурдьё первым увидел социальное пространство как совокупность других взаимосвязанных и взаимозависимых пространств или полей (политическое, экономическое, информационное, коммуникативное и др.), в которых живет и функционирует общество. Являясь компонентами системы, каждое отдельно взятое пространство обладает как конкретными, присущими только данному пространству свойствами, так и свойствами социального пространства, то есть свойствами самой системы.

Таким образом, пространство социума представляет собой сложную систему, состоящую из других взаимосвязанных пространств, и особое место в этой системе принадлежит информационному пространству. Сегодня «информационное пространство» понимают как пространство, сформированное научно-техническим прогрессом и выраженное в развитии средств передачи информации от книгопечатания, телефона, телеграфа, радио до появления телевидения, компьютера, Интернета [4].

Главная функция информационного пространства – информативная. В свою очередь информационное пространство в качестве неотъемлемой части социального пространства выполняет целый ряд функций, составляющих категорию «общее». Среди этих функций коммуникативная, регулятивная, интегрирующая и др., а также ряд системообразующих функций. В частности, в качестве одной из основных системообразующих функций специалисты называют функцию социальной памяти. Эта функция в рамках информационного пространства выражается в необходимости использования новых методов работы с информацией, накопленной за всю историю существования общества. Проблема в настоящее время решается ис-

пользованием новых информационных технологий, обеспечивающих поиск, обработку и хранение информации. По мере возрастания уровня общественного развития значение информационного пространства, в том числе и с точки зрения выполнения им функции социальной памяти, постоянно возрастает.

Помимо функции социальной памяти информационное пространство выполняет и другие важные системообразующие функции, например функцию формирования социальной структуры общества, функцию обеспечения социальных коммуникаций и др. Все функции информационного пространства, отражая различные стороны жизни общества, взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому уровень развития информационного пространства – это и результат, и одновременно фактор социально-экономического развития общества. Данное обстоятельство, как подчеркивают аналитики, отражает повышение роли не только знаний, но и информационно-коммуникационных технологий в обеспечении развития и самого общества в целом, и каждой отдельно взятой личности [5]. Новая роль информации в развитии общества определяется революционным характером новой, четвертой информационной революции.

Четвертая информационная революция и ее особенности. Началом первой информационной революцией считается изобретение письменности в Месопотамии (территория современного Ирака) 5–6 тыс. лет назад, а позднее и в Китае. Вторую революцию относят к периоду 1300–500 гг. до н. э. с появлением рукописных книг в Китае и восемью веками позднее в Греции, несмотря на то, что письменность, по свидетельству историков, появилась в Древней Греции задолго до изобретения книг. Третью информационную революцию связывают с изобретением Гуттенбергом ручного печатного станка и наборного типографского шрифта (1450–1455). Благодаря именно этому изобретению, впервые в истории появилась возможность массового производства книг, брошюр и другой печатной продукции.

Началом четвертой информационной революции принято считать появление микрочипов и компьютеров. Однако согласно П. Друкеру, автору фундаментальных трудов по менеджменту, ставших классикой современного управления, ученого и практика, которого называют отцом современного менеджмента, наибольшее влияние на эту революцию оказали Интернет и е-коммерция. По мнению Друкера, именно благодаря Интернету и е-коммерции, исчезли преграды в виде территориальных и временных факторов, в результате чего, по его оценке, «каждый бизнес должен быть глобально конкурентоспособным, даже если его производственная или сбытовая деятельность направлена на обслуживание местного или регионального рынка. Конкуренция перестает носить местный характер – она больше не знает границ» [6, с. 13].

Однако в условиях глобализации конкурентоспособным должен стать не только каждый бизнес, но и каждый отдельный работник. Всего лишь несколько десятилетий назад человеку незачем было знать о своих способностях: основными активами и движущими силами индустриального общества были машины и капитал, а самым главным достижением менеджмента – повышение производительности труда. Самым ценным активом любой организации XXI в. как коммерческой, так и некоммерческой, согласно Друкеру, станут работники умственного труда и их производительность [6, с. 181–182]. В то же время ученый подчеркивает, что в новых условиях не только современная организация должна мотивировать своих работников на эффективный творческий труд: успешный личностный и карьерный рост во многом зависят и от самого человека, его способностей, навыков и умений, а также от желания их развивать и совершенствовать. Друкер называет этот новый вид социальной ответственности перед собой и обществом «менеджментом собственной личности».

Таким образом, глобализация конкуренции необходимо влечет за собой не только новый уровень менеджмента организаций, но и умение каждым отдельно взятым работником управлять своим личным и карьерным ростом, поэтому парадигма XXI в. рассматривает менеджмент и организаций, и собственной личности. Отсюда повышенная потребность в получении знаний и индивидуализации личности. Однако в настоящих условиях это еще и повышенное внимание к репутации, поскольку одним из свойств информации является то, что после своего использования она не исчезает бесследно, а век цифровых технологий еще более актуализируется, ведь любая информация об организации или ее сотруднике становится доступной со скоростью одного клика. Сегодня тема репутации как корпоративной, так и персональной становится одной из наиболее обсуждаемых тем и в научном, и деловом сообществах.

Однако революционный характер последней информационной революции определяется не только процессами глобализации, но целым рядом других факторов, главным из которыхистики называют скорость. Именно увеличение скорости обработки информации и быстрота доступа к ней привели к появлению таких процессов и явлений как: 1) экспоненциальный рост информации, то есть рост и увеличение объемов информации впрок; 2) приоритетное значение визуального канала восприятия по отношению к аудиальному и вербальному; 3) появление такого феномена современного информационного пространства, как виртуальная реальность, то есть среды, максимально приближенной к реальной действительности; 4) актуализация клипового мышления и др. В частности, именно клиповое мышление с его многозадачностью, эмоциональностью в ущерб рациональности, высокими потерями смысла при отсутствии контекста, сжатием мира до сиюминутной реальности стало следствием замены традиционного восприятия книжного текста на электронный, скорочтение, востребованность непосредственно коротких произведений, а также коротких изложений больших произведений, появление новых форматов публичных выступлений, особая популярность развлекательного жанра и др.

В целом характер последней информационной революции, по свидетельству аналитиков, существенно повлиял не только на экономику, политику, общество, философию, но и на наше мировоззрение, поскольку во многом изменились существующие представления о самом человеке, его возможностях и пределах этих возможностей, а также о смыслах и ценностях бытия самого социума.

Четвертая информационная революция и ее последствия для человека и общества в целом. Особое влияние информационная революция оказала на нашу повседневную жизнь, поскольку возможности сети практически безграничны. Сегодня через Интернет можно не только проявить себя, высказать свою позицию, позиционировать себя через создание собственной страницы или участвовать в различных форумах, но и дистанционно вести диалог с аудиторией или партнером по общению в режиме реального времени, зарабатывать деньги, рекламировать свои товары и услуги, совершать покупки, узнавать последние новости и т. п. Однако при всей внешней привлекательности сетевых технологий ученые обращают внимание на их негативное влияние на современного человека и общество в целом [7, с. 164–167].

В первую очередь специалисты указывают на резкое снижение коммуникативных способностей у молодого поколения. Оказавшись в цифровом мире с самого рождения, они проводят большую часть своей жизни в Интернете и не делают различия между жизнью в сети и вне ее. В то же время в условиях такого непрерывного взаимодействия между пользователями меняется не просто характер взаимодействия, но даже само понятие дружбы. В основе сетевой дружбы

лежат общие интересы и частые контакты, однако такие отношения носят быстротечный и весьма скороспелый характер, они легко заводятся и так же легко заканчиваются, поэтому фактически не обрastaют эмоциональными связями и отношениями, что как раз и составляет важнейшую основу понятия «дружба» в общечеловеческом понимании и значении.

Современное цифровое поколение по-другому взаимодействует и с информацией. Информация пластична, ею можно управлять и изменять ее новыми способами. Например, легко можно создать свой профессиональный профиль в сети, написать статью в Википедию, разместить свой видеоролик на YouTube и т. п. С помощью современных компьютерных программ можно изменять аудиовизуальную информацию и многое другое. Однако в условиях реальной действительности бесконтрольная жизнь в виртуальном мире может иметь весьма пагубные последствия для самооценки и возможностей личностного роста молодых людей. Возникает вопрос и о качестве получаемой информации. В Интернете действительно можно получить ответ на любой интересующий нас вопрос. Современное поколение, как правило, просматривает веб-страницы до тех пор, пока не находит нужный ответ. Поиск информации означает поиск в Google или Yandex и просмотр соответствующей статьи в Википедии. Однако такое взаимодействие с информацией, с одной стороны, не всегда предполагает ее достоверность, с другой, – ведет к весьма поверхностному владению темой или пониманию событий. Только глубокое и детальное изучение вопроса гарантирует качество знаний и профессионализм [8].

Особую озабоченность в этой связи выражают медики. Они обращают внимание и на наиболее распространенные психические расстройства, которые, как правило, развиваются у людей, активно использующих Интернет и мобильную связь, и на новые нарушения в поведении человека, которые вызваны негативным воздействием развивающихся информационных технологий. Отдельное беспокойство у специалистов вызывает явление интернет-зависимости, выражающееся в постоянном желании получить доступ в Сеть. Эта зависимость часто полностью вытесняет любые другие потребности человека. Сегодня уже доказано, что чрезмерное увлечение Интернетом вредит и способности концентрировать внимание на одном тексте более тридцати секунд. Людям становится все сложнее читать длинные тексты со сложными предложениями и концентрироваться на их содержании. Исследователи выявили и такой новый вид заболевания у постоянных пользователей сети, как снижение интеллектуальной активности, так называемый «Google-эффект» – уверенность, что знания не нужны, поскольку любая информация находится на расстоянии клика. При этом данному заболеванию подвержены сегодня даже те, кто не разделяет таких убеждений, просто мозг отказывается запоминать большие объемы информации независимо от человеческой воли.

Свое негативное влияние глобальная сеть оказывает и на другие сферы общественной жизни, например, образование. Педагогическая основа современной системы образования в настоящее время уже отстает от изменений цифрового пространства. Некоторые навыки, которые педагоги старались прививать своим ученикам, либо утрачены, либо устарели. Например, в финских начальных школах уже решено отменить преподавание письма как неактуального предмета, поскольку все записи ведутся на планшетах. Библиотекари также вынуждены пересмотреть свою роль в библиотечном деле: вместо формирования читательской компетенции они все чаще выступают в роли гидов по разнородной информационной среде и др.

Однако, несмотря на весь этот негатив, компьютеры прочно вошли в жизнь современного социума, и мы уже не мыслим себя вне интернет-пространства, которое постоянно

насыщает нас все новой и новой информацией. Накопление информации в настоящее время достигло небывалых размеров, и эти размеры постоянно возрастают. Изменение масштабов привело к изменению состояния, то есть количественные изменения привели к качественным. В начале 2000-х гг. в таких науках, как астрономия и геномика, впервые столкнувшись со всплеском информационных данных, появился термин «большие данные». Сегодня феномен больших данных – одно из самых обсуждаемых явлений в индустрии информационных технологий. По мнению аналитиков, концепция больших данных или «Big Data» в ближайшее время проникнет во все сферы человеческой жизни.

Специалисты подчеркивают, что в настоящее время для «больших данных» пока еще нет строгого определения. Первоначально идея состояла в том, что объемы информации в мире настолько выросли, что уже фактически не помещаются в памяти компьютера, поэтому потребовались более совершенные технологии обработки данных. Такими технологиями стали, например, модель MapReduce компании Google, ее аналог Hadoop от компании Yahoo и др. Новейшие технологии обработки данных имеют возможность собирать не только огромные массивы информации, но и работать с этими массивами без жесткой иерархии и однородности. В основе больших данных лежат прогнозы, которые осуществляются при помощи корреляционного анализа.

Сегодня на Западе в качестве одного из способов применения методов работы с большими данными активно задействован поиск закономерностей в социальной сфере, здравоохранении, медицине. Например, в медицине такой поиск ведется для выявления пациентов, находящихся в зоне риска, для контроля и профилактики инфекционных заболеваний, определения различного рода заболеваний у недоношенных детей. Корреляция между большими данными находит все более широкое применение и в других сферах жизнедеятельности людей, например, в розничной торговле, сфере услуг, строительстве, страховании, промышленности, бизнесе и др. [9, с. 80–104]. По свидетельству аналитиков, практическое применение прогнозов со временем будет еще более активно расширяться как в сферах своего действия, так и по географии. Однако в целом речь идет о преобразовании в формат данных всего, что есть на планете, при помощи количественного анализа, и этот процесс получил название *диффузии*. Полным ходом ведется и «поиск сокровищ», под которым понимают извлечение ценных идей из данных и раскрытие их потенциала на основе корреляции [9, с. 23]. В ближайшем будущем, по мнению специалистов, новым источником ценности станет не мощность компьютерного оборудования, а получаемые им данные и способ их анализа.

Ученые подчеркивают, что главным шагом на пути к большим данным стало *появление оцифровки* – перевода аналоговой информации в информацию, доступную для чтения на компьютерах, что важнейшим образом способствовало переходу на большие данные. Однако оцифровка это еще не большие данные. По оценке специалистов, большие данные – это переход количества накопленной информации в качество решаемых задач, стоящих перед социумом. Большие данные – это растущая способность общества обрабатывать огромные массивы информации, мгновенно их анализировать и получать новую, ценную, часто неявную информацию, новые смыслы, новые ценные, часто неожиданные выводы и результаты [9].

Таким образом, четвертая информационная революция началась с микрочипов и компьютеров, Интернет связал все компьютеры в единое информационное поле, а большие данные, по мнению аналитиков, ознаменовали момент, когда «информационное общество», наконец, стало оправдывать свое название.

Информационное пространство Национальной электронной библиотеки. Информационное пространство НЭБ – это, прежде всего, его технологическая база, поэтому в первую очередь определимся с этим понятием.

Технологической базой информационного пространства современного общества. выступают информационно-коммуникационные технологии, которые состоят из следующих важнейших компонентов: коммуникации, Интернет, компьютеры, информационные ресурсы на электронных носителях, а сегодня и технологии Big Data. Совокупность этих компонентов образует технологическую базу – *инфокоммуникационную среду современного информационного пространства*, а значит и информационного пространства НЭБ. В то же время специалисты подчеркивают, что при всей важности процесса развития информационной среды, нельзя упускать из внимания то обстоятельство, что *информационно-коммуникативные технологии* (ИКТ) реализуются не сами по себе, а при определенных организационных условиях, т. е. непосредственно в социальных организациях. В свою очередь потребность в использовании современных средства обработки информации также формируется под влиянием социальных институтов общества [5].

Таким образом, социальные институты выступают, с одной стороны, в качестве *фактора развития* ИКТ, с другой, – в качестве *условия для их развития*. Как фактор развития ИКТ социальные институты активно участвуют в формировании информационных потребностей общества. Создание условий для развития ИКТ заключается в создании нормативно-правовой и этической базы, системы финансирования и подготовки кадров для сферы информатики и т. п. Непосредственное удовлетворение информационных потребностей индивидов обеспечивают социальные организации, но специфические для каждого конкретного вида деятельности информационные технологии внедряются в зависимости от специфики деятельности социальных организаций. Покажем эту зависимость на примере современной библиотеки.

Специфика деятельности библиотеки как социального института предполагает внедрение современных информационных технологий в соответствии с ее потребностями, целями и задачами. В частности, в настоящее время библиотеки для сохранности своих книжных фондов и раритетных коллекций используют разные материальные носители, в том числе и активы современных информационно-коммуникативных технологий. Сегодня библиографические списки составляются в электронном виде, широко распространена электронная доставка документов из других библиотек страны, активно используются возможности спутниковой связи и т. д. Однако исключительно новую эру в развитии библиотечного дела в нашей стране ознаменовало открытие Национальной электронной библиотеки и Интернета.

Основная цель НЭБ – обеспечение свободного доступа ко всем изданным, издаваемым и хранящимся в фондах российских библиотек публикациям и научным работам, – от книжных памятников истории и культуры, до новейших авторских произведений. Это означает, что в ближайшем будущем любой гражданин России сможет найти электронную копию интересующего его печатного издания, а также получить квалифицированную консультацию в поиске информации или книги от сотрудников библиотек. В частности, для эффективного использования ресурсов НЭБ была разработана информационно-поисковая система доступа к полнотекстовым электронным ресурсам – НЭБ-ридер, главной целью которой является обеспечение доступа к богатейшему научному, культурному и образовательному наследию России.

В то же время, поскольку одной из основных задач НЭБ является интеграция библиотек РФ в единую информационную сеть, объем электронного фонда НЭБ ежегодно увеличивается

на 10 %. Кроме того, каждый год оцифровывается 12–13 тыс. наименований новой образовательной и научной литературы. С 1 января 2015 г. вступили в действие поправки в IV часть ГК РФ, в частности, новая редакция ст. 1275, согласно которой любая общедоступная библиотека может производить оцифровку произведений научно-образовательного характера, не спрашивая разрешения автора или правообладателя, но выполняя условие: должно пройти не менее 10 лет после издания книги без переизданий.

Таким образом, внедрение в библиотеку современных информационно-коммуникативных технологий является и важным фактором развития ИКТ в рамках библиотечного дела и условием развития как ИКТ, так и самой библиотеки, в частности НЭБ.

В целом, внедрение инновационных технологий в деятельность современной библиотеки значительно разнообразит сферу предоставляемых ею услуг и повышает ее востребованность и рейтинг в обществе. Сегодня библиотека уже представляет собой многофункциональный культурный и социальный институт. Однако укрепление позиций современной библиотеки связано не только с появлением электронных ресурсов и расширением сферы услуг, но и с укреплением позиций самой книги.

Книга как важная составляющая современного информационного пространства библиотеки. В новых условиях печатная книга не только не утратила своей привлекательности, но и значительно повысилась в статусе, хотя молодое поколение, как правило, выбирает книгу электронную. Ученые выполнили сравнительный анализ электронного и печатного текста с точки зрения их воздействия на человека. Исследования показали, что установка на скоростное потребление информации приводит к разрыву между восприятием образа и его осмыслением и, как следствие, снижается интеллектуальная активность человека, ухудшаются память, речь и коммуникативные способности, что в целом отрицательно влияет на формирование ментальных образов, которые складываются в его сознании. Следовательно, по сравнению с электронным текстом печатная книга обладает целым рядом преимуществ, благодаря которым она лидирует и как источник знаний, и как технология хранения данных и доступа к ним. К *неоспоримым достоинствам печатной книги*, прежде всего, относят:

- внешний вид и формат печатной книги удобен в использовании и, благодаря исторической традиции и навыкам, выработанным в детстве, кажется нам наиболее гармоничным;
- чтение печатной книги напрямую связано с развитием памяти;
- чтение печатной книги способствует повышению интеллектуальной и эмоциональной активности, развитию творческого мышления и культуры речи;
- печатная книга в качестве хранилища информации неотделима от самой книги;
- печатная книга в отличие, например, от рукописной, может издаваться большими тиражами и иметь большую географию распространения и др.

Именно эти преимущества печатной книги помогли ей пройти сквозь череду революций и событий в технологиях хранения и передачи информации (береста, пергамент, бумага, рукопись, печатное издание и т. п.) и устоять против предшествовавших е-книге «претендентов на престол» – фото и микроплёнки, слайдов, микрофишей и т. п. Однако, несмотря на все преимущества печатной книги, новое поколение выбирает электронный текст. Сегодня достойной заменой печатной книги становится книга электронная.

Теперь обратимся к электронной книге, ее истории и современности. С развитием информационных технологий широкое распространение получают электронные версии печатных книг, которые можно читать с помощью компьютеров, планшетов, смартфонов или ридеров. Самая первая е-книга выглядела как перфолента, на которую помещалось сразу несколько книг.

Первая аппаратная е-книга, сравнимая по удобству чтения с бумажной книгой (Rocket ebook), имеющая большой монохромный жидкокристаллический экран, обеспечивающий как максимальное время работы, так и максимальную комфортность чтения, появилась в конце прошлого века и до сих пор пользуется устойчивым спросом. Однако развитие электронной книги продолжается: появились электронные книги, базирующиеся на бумагоподобном дисплее с использованием сенсорной технологии, устройства с гибким дисплеем на электронной бумаге, оснащенные интегрированной солнечной батареей, цилиндрические устройства на основе технологии электронной бумаги (Roll Me), Java-книги для мобильных телефонов. Электронные книги становятся в ряд с обычными, бумажными печатными изданиями – с 2010 г. утверждается первая литературная премия в области электронных книг «Электронная буква». Таким образом, электронная книга прошла большой путь от технологического изыска до вполне повседневного явления, но, как и все электронные носители информации, электронные книги имеют свои плюсы, и свои минусы.

В первую очередь – *о некоторых основных плюсах электронной книги*. В ридерах используются экраны на электронных чернилах. Они работают в отраженном свете, т. е. не требуют подсветки. Отсутствие подсветки и невероятная четкость букв благоприятно сказывается на глазах – они не устают от долгого чтения. Несомненным плюсом является и то, что с электронной книгой вся библиотека всегда под рукой и всегда весит около двухсот граммов. Современные ридеры позволяют расширять память с помощью SD-карточек до 32 Гб, куда поместятся несколько сотен книг. Одно из самых главных достоинств электронных книг – возможность полноценного поиска. Кроме того, ридеры дают возможность оставлять бесконечное число «замечок на полях» – это удобно, когда книга используется в работе, и, наконец, во многие устройства встроены словари, которые помогают читать литературу на иностранных языках.

Все больше и больше ридеров оснащаются GSM/Wi-Fi-модулями, позволяющими выходить в интернет. Обычно доступ ограничен специальными сайтами, где пользователь может легко найти, купить и сразу же загрузить новую книгу. Также на ридер могут автоматически приходить свежие выпуски электронных версий газет и журналов. Таковы основные плюсы электронной книги.

Теперь *немного о минусах электронной книги*. Электронные книги – это достаточно простой прибор и ему присущи все недостатки электронных устройств, в числе которых восприимчивость к воздействию внешней среды и сложность в обслуживании. Бумажной книге не нужно обновлять прошивку, думать о совместимости, покупать карты памяти, привыкать к расположению кнопок и следить, чтобы не кончился заряд. Ридер нужно периодически заряжать, синхронизировать и «бэкапить» на случай, если с ним произойдет что-то непоправимое (будет украден или утоплен), к тому же, в прошивке ридера могут содержаться ошибки, для устранения которых придется озаботиться его своевременным обновлением и т. п.

К минусам электронных книг специалисты относят и чисто психологический эффект – от электронных книг не исходит привычного ощущения книги, а для многих читателей, особенно старшего поколения, очень важно держать в руках настоящую книгу, в которой можно перелистывать страницы, слышать их шелест, чувствовать запах типографской краски, видеть, сколько страниц прочитано, сколько осталось. От ридера нельзя добиться таких ощущений: есть только экран, корпус и несколько кнопок.

Таковы в целом некоторые основные плюсы и минусы электронной книги, о которых следует знать ее пользователям. В то же время следует еще раз особо подчеркнуть, что, несмотря на существующие минусы электронной книги, современное поколение выбирает именно е-книгу.

Однако востребованность е-книги самым серьезным образом отражается на проблемах, с которыми сталкивается современная библиотека. В частности, библиотеки вынуждены думать о том, каково будет соотношение печатных и «непечатных» документов в фонде, какие печатные издания будут наиболее востребованы, какие менее. Кроме того, по прогнозам специалистов, вполне вероятно, что параллельно с тенденцией удорожания бумаги, сохранится тенденция удешевления универсальных и специализированных устройств, с помощью которых можно читать е-книгу. В таких условиях, по мнению аналитиков, печатная книга постепенно начнет сдавать свои позиции. Особенно это касается сектора учебной литературы, где государству будет целесообразнее централизованно выкупать авторские права, разрешив при этом бесплатный доступ к электронным копиям учебной литературы. Эту задачу можно решить не только внедрением инновационных технологий, но и квалификацией, интеллектом и массированными инвестициями в «человеческий фактор» – в образование, культуру и, безусловно, в библиотеки, где не только печатная книга, но и е-книга становится важной составляющей ее информационного пространства.

Роль и значение НЭБ в формировании единого информационного пространства России. Итак, современное поколение выбирает возможности новых информационных технологий. Однако электронные носители информации не отрицают и не уничтожают книгу, как устаревшую на сегодняшний день информационную структуру. Напротив, они успешно сосуществуют с книгой, взаимно дополняя друг друга и давая свободу выбора читателям, поскольку каждый человек удовлетворяет свои интересы и потребности в информации и знаниях в зависимости от собственных предпочтений и возможностей.

Существование разных носителей делает защиту информации более надежной и, как следствие, повышает степень ее сохранности и безопасности. Например, Java-книги функциональны для библиотек, потому что они могут быть настроены на конкретный заводской номер устройства, предотвращая этим несанкционированное копирование. Аналогично возможно самоуничтожение файла после истечения определенного срока, что гарантирует «возврат» выданных книг в виртуальную библиотеку. Это существенно снижает вероятность проблем с авторским правом и повышает «посещаемость» таких библиотек. Перевод печатного текста в электронные носители, дублирование электронной информации – важный шаг в сохранении и приумножении социальной памяти. Однако и новые информационные технологии не ограждают общество от утраты необходимой информации, в том числе и культурно-исторического характера, в случае кибервойн, кибератак, сетевого шпионажа, техногенных катастроф или, например, в результате случайных технических и технологических сбоев в электросети. В таких случаях рукопись и книга – более надежные виды хранения информации. Конечно, возможен, например, пожар, как это случилось в библиотеке ИНИОН РАН 31 января 2015 г. Пожар уничтожил, по свидетельству администрации библиотеки, более 15 % уникальных изданий, и некоторые из них не подлежат восстановлению. Однако такой печальный исход только еще раз подтвердил необходимость дублирования информации на разных носителях. Как советует половица, хранить информацию надо «в разных корзинах».

Сегодня такими «разными корзинами» являются структурные составляющие инфосферы современной библиотеки – рукописи, книги, другие разнообразные печатные издания, а также все виды электронных носителей информации. Местом их постоянной дислокации является сама библиотека и ее электронный формат. Сегодня главное место постоянной дислокации всех видов электронных носителей информации – НЭБ. В 2016 г. предполагается оцифровать еще 11 тысяч книг для НЭБ, что значительно повысит возможности многомиллионной читательской

аудитории в удовлетворении ее литературного спроса. Поэтому миссия библиотеки и на уровне социальной памяти, и на образовательном и просветительском уровнях постоянно возрастает.

Сегодня, в эпоху цифровых технологий и больших данных у современной библиотеки возникает еще одна важная миссия, назовем ее условно *миссией датификации* (прим. авторов), которая выражается в том, что после оцифровки текста применение технологий больших данных дает возможность выйти на новый уровень получения информации и работы с ней. Процесс датификации всей информации, которая накоплена и сконцентрирована на сегодняшний день в библиотеках нашей страны, – это дело будущего, но уже совсем недалекого. Подготовка к этой новой миссии фактически идет уже сейчас через внедрение новых технологий, развитие материально-технической базы библиотеки, открытие электронных библиотек, первой из которых стала Национальная электронная библиотека. Именно на нее возлагаются большие надежды и в плане дальнейшей оцифровки текстов, и в плане датификации всей оцифрованной литературы, что в свою очередь позволит говорить о качественно новом уровне информационного пространства НЭБ как важной составляющей информационного пространства России. Отсюда и возросшая необходимость в обучении и подготовке высококвалифицированных библиографов, способных изучать и раскрывать все эти богатства, оценивать качество источников (их достоверность, полноту, актуальность, объективность и т. п.) и оказывать персонализированные информационно-технологические услуги.

В эпоху всеобщей информатизации и построения информационного общества единое информационное пространство становится одним из важнейших государствообразующих признаков и обязательным условием и характеристикой самого информационного общества. При этом роль первой Национальной электронной библиотеки как культурного и социального института в формировании этого пространства становится все более и более значимой. Конечно, существует целый ряд проблем, в частности, крайне неравномерное распределение основных научных и информационных центров России, недостаточно проработанная законодательная база, отсутствие конкретных схем взаимодействия библиотек в рамках действующего законодательства, четких представлений об авторском праве и т. д. Без этого невозможна современная библиотека, которая должна соответствовать всем вызовам времени и находиться в постоянном поиске новых форм работы, отвечающих интересам, потребностям и ценностным установкам своей многомиллионной читательской аудитории. История и традиции библиотеки, активное использование в ее деятельности новых информационных технологий, в том числе и технологий Big Date, полностью отвечает эти требованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Алетейя, 2005. 288 с.
2. Друкер П. Управление в обществе будущего. М.: Вильямс, 2007. 320 с.
3. Иванов А. Ф. Онтологические проблемы информационной реальности // История информатики и философия информационной реальности: учеб. пособие / под ред. Р. М. Юсупова, В. П. Котенко. М.: Акад. Проект, 2007. С. 171–188.
4. Игнатов В. С., Пименова Д. В. Информационное пространство. Структура и функции // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский рег. Обществ. науки. 2007. № 3. С. 3–10.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.
6. Костюк В. Н. Информационные процессы в постиндустриальном обществе // Обществен. науки и современность. 1996. № 6. С. 101–110.
7. Майер-Шенбергер В. Большие данные: революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М.: Манн, Иванов и Вербер, 2014. 240 с.

8. Мамина Р. И. Деловой этикет в системе имиджа: философско-культурологический анализ. СПб.: Петрополис, 2012. 232 с.
9. Пэлфри Дж. Дети цифровой эры. М.: Эксмо, 2011. 368 с.

R. I. Mamina, E. V. Pirainen
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

NATIONAL DIGITAL LIBRARY, ITS IMPORTANCE IN THE FORMATION OF A UNIFIED INFORMATION SPACE OF RUSSIA

Describes the specifics of information space of the National digital library, its structure and functions, as well as the role and importance of libraries in the formation of a unified information space of Russia.

Information space, information revolution, clipping thinking, national electronic library, e-book, datefikation, Big-Data

УДК 165.6

С. В. Короткий

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ Э. МАХА

Предлагается анализ сущности философских взглядов Э. Маха, который пытался разрешить кризис в физике с помощью нового подхода к истолкованию исходных понятий классической физики. Подробно рассматриваются аспекты махизма: амбивалентность познавательного отношения человека к миру, отношение между физическим и психическим с точки зрения цели познания и интересов субъекта, теория чувственных данных, подход к определению источника познания, роль и двойственность опыта, проблема достоверности знания, равенства или неравенства объективного мира мирозерцанию и миропониманию, классификация типов мышления. Отмечается, что Э. Мах мало уделяет внимания методологической проблематике, считая, что научное знание можно добыть и без всякого метода, выделяя лишь один метод – метод изменения, а двумя основными методологическими требованиями науки Мах считает экономию мышления и идеал «чисто описательной» науки. Особое внимание уделяется гносеологии психического и физического познания в концепции Э. Маха и их соотношению.

Позитивизм, махизм, гносеология, экономия мышления, описательная наука

В 1903 г. Рихард Хенигсвальд сказал, что Эрнст Мах принадлежит «безусловно, к самым читаемым авторам нашего времени» [1]. Новый этап возрастания интереса к трудам Э. Маха начался в конце XX в. в связи с развитием экологического подхода в психологии восприятия и искусственного интеллекта.

В возросшем за последние годы интересе к работам Маха прослеживается востребованность заложенных в них идей. Выяснение сути этих идей и причины их востребованности современным обществом и являются целью данной статьи. Возможно Б. Л. Альтшулер прав, утверждая, что «идеи Маха, принцип Маха – это не только история науки, но и сама наука, актуальная сегодня» [1]. И возможно, именно из-за их «мегамасштабности» использование принципов, заложенных Махом, не так очевидно в наше время.

Стройное здание физической теории, созданное в XIX в. на основе классической механики, не выдерживало шквала новых открытий. На первый план вышли мировоззренческие

вопросы: что мы изучаем, каково соотношение наших знаний о мире с самим этим миром? Первые попытки ответить на эти вопросы привели к релятивизму и агностицизму. «В сущности, – писал М. Планк, – это своего рода реакция против тех смелых ожиданий, которые связывались несколько десятилетий назад со специальным механическим воззрением на природу... Философским осадком неизбежного отрезвления и был позитивизм Маха» [2].

Знаменитый австрийский физик Эрнст Мах (1838–1916) и швейцарский философ Рихард Авенариус (1843–1896) предложили вариант выхода из затруднений в физике, который состоит в том, чтобы «очистить» опыт от всего, что может быть истолковано как признание факта объективности, независимо от наших ощущений какой бы то ни было реальности.

Исходной точкой зрения Э. Маха была так называемая «монистическая концепция опыта», разработанная на основе «теории идей», нашедшей наиболее полное выражение в английском классическом эмпиризме и проведенная с наибольшей последовательностью Юмом. Согласно этой концепции, наше знание заключается в установлении отношений между «идеями-копиями», «бледными образами» впечатлений и внешних чувств («внутреннего опыта»). Мах предложил «понимание знания, согласно которому оно является не постижением реальности, существующей независимо от него, а простым описанием отношений между ощущениями, и на основании этой эпистемологической концепции сделал ряд методологических рекомендаций» [3].

При таком подходе за пределами знания оказываются не только убеждение в реальном существовании мира, но и убеждение в закономерном ходе процессов природы, убеждение, которое лежит в основе индуктивного вывода. Познание по Маху – это акт приспособления, имеющий своей задачей описание, систематизацию с помощью понятий, символическое изображение картины явлений.

Корни познания, по Маху, амбивалентны. С одной стороны, познание является биологическим явлением, обусловленным всем ходом эволюции человека как биологического вида. В своей работе «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» Мах подробно рассматривает тот путь биологического развития, который в конечном итоге детерминировал возникновение познавательного отношения человека к миру. Причиной возникновения познания являются инстинкты и так называемые экономические побуждения человека. «Познание – биологическое явление, зачатки и корни которого можно проследить до простейших экономических побуждений и инстинктов людей и даже животных» [4]. Для своего выживания и развития человек нуждался в гармоническом сосуществовании с окружающей его средой. Это привело к развитию человеческой психики. «Мах смотрит на познание как на явление биологическое: психическое развитие есть явление приспособления» [4].

С другой стороны, человек – существо социальное. Он живет в обществе, и процесс взаимодействия с природой носит более социальный, нежели индивидуальный характер, таким образом, процесс познания должен иметь и социальные черты. «Познание также является и социальным процессом, как процесс сотрудничества людей в деле покорения природы» [4].

Основой теоретической доказательности истинности знания выступает гносеология. Она занята конструированием факта знания, т. е. тем, как наше мышление познает действительный мир, как в наших представлениях и понятиях отражается действительность, насколько познавательные конструкции и реконструкции объективно значимы.

Центральная проблема концепции Маха – содержание знания есть отношение между физическим и психическим, решается с точки зрения цели познания и интересов субъекта. Мах игнорирует фундаментальное гносеологическое противопоставление материи и сознания. Материя – символ для констатации постоянных отношений внутри многообразного содержания нашего опыта. При этом он считает психические явления первичными, ибо их мы познаем непосредственно, а внешний мир вторичным, так как познаем мы его опосредовано, благодаря логическому выводу из нашего опыта.

Теория чувственных данных была изложена Э. Махом в работе «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1886). Суть своей философии Мах сформулировал следующим образом: «Вещь, тело, материя есть не что иное, как связь элементов, цветов, звуков и т. д., не что иное, как так называемые признаки... Вследствие большого развития механистической физики возникает манера приписывать пространственному и временному высшую реальность в противоположность цветам, звукам, запахам... Но физиология органов чувств делает очевидным, что пространство и время с тем же успехом могут быть названы ощущениями, как и цвета, и звуки» [5].

Мах уравнивает в правах психическое и физическое: «...рассматриваю обе области (и естествознание, и психологию) как однородные, равно важные источники нашего познания... Считаю психологические факты, по меньшей мере, столь же важными источниками познания, как и факты физические» [5].

Фактически, Мах определяет две различные области, каждая из которых имеет свои «простейшие элементы», в каждой действуют свои закономерности, каждой присущи свои методы и результаты познания. «Все данные, изучаемые методом и в рамках физической зависимости – элементы; те же элементы, изучаемые в пределах психической зависимости – ощущения» [5].

В процессе взаимодействия с природой человечеством приобретает опыт. «Опыт есть тесное взаимодействие, текучая связь субъекта и объекта» [5]. У Маха и Авенариуса опыт очищен от только ассоциативно связанных с ним и происходящих из прежнего опыта моментов и редуцирован или сведен к чистым данным ощущения (элементам), которые, в свою очередь, порождены определенными стимулами. «И вот, вся эта эмпирически-психологическая теория чувственного восприятия вместе с соответствующим каузально-генетическим объяснением полностью отвергается феноменологами как конструкция и заменяется другим пониманием восприятия, т. е. “внешнего” опыта» [6].

И этот опыт двойственен, что обусловлено двумя выделенными Махом областями, т. е. «...с физической точки зрения опыт есть воздействие объекта на субъект, то с психологической точки зрения опыт, в смысле его содержания, распадается на ощущения, так что все находимое в нем можно представить в виде тех или иных связей ощущений... Совокупность того, что в пространстве дано непосредственно для всех, обычно называется физическим; наоборот, то, что дано непосредственно лишь одному и что доступно всем другим лишь в силу аналогии, – психическим» [5].

Важнейшей проблемой теории познания является определение источника познания. Для Маха «чувственные возбуждения являются единственной, ничем не замещаемой основой нашего познания мира» [7]. «Все содержание нашего сознания складывается исключительно из возбуждений, исходящих из различных частей нашего тела...» [5]. А в своей работе «Популярные научные очерки» он пишет: «Мы знаем один только источник непосредственного откровения естественно научных фактов – наши чувства» [7].

Если исходить из существования двух различных областей – психической и естественнонаучной в процессе научного познания, то закономерно возникает вопрос об их взаимосвязи и взаимозависимости. Для Маха целью всех философских размышлений стало познание и установление этих отношений. Так как «...нет существенной разницы между физическим и психическим, то и в отношении между ними приходится признать существование той же точной зависимости, которую мы стараемся отыскать во всех явлениях физического мира. Мы тогда принимаем, что всем отдельным явлениям, установленным физиологическим анализом ощущений, соответствует столько же отдельных явлений физического нервного процесса, которые должны быть установлены. Вот это отношение я и попытался по мере сил установить» [5].

Для познания необходимо, по Маху, выделить общие обоим областям простейшие элементы. «Эти элементы известны в психической области как ощущения, а в области естественнонаучной – как физические свойства, но сами по себе они идентичны, а только различны в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются. Это приводит к дальнейшему упрощению и обобщению метода» [5].

Мах рассматривал ощущения в гносеологии как исходную данность: с ощущениями можно так или иначе манипулировать и только. Он стремился свести познание к восприятию как таковому, превратив ощущения в объекты. «Факт чувственного мира – вот исходный пункт, как и цель всех приспособлений мыслей физика... На этом основаны все гипотезы и приспособления естественных наук» [5]. Мах считал, что доказал прямую возможность полного познания «нейтральных элементов» мира, т. е. безличных ощущений, поскольку познание последних сводится к тому, что они воспринимаются.

Проблема достоверности знания, проблема равенства или неравенства объективного мира мирозерцанию и миропониманию – одна из важнейших проблем гносеологии. «Все, что нам может быть желательно знать, дается нам решением задачи математической формы, определением функциональной зависимости чувственных элементов друг от друга. Раз нам известна эта зависимость, знание «действительности» исчерпано» [5].

Важнейшим аспектом гносеологии является и вопрос о соотношении эмпирического и теоретического уровней познания. Между теорией и практикой Мах, также как психическим и физическим, не видит существенной разницы. «Отделить теоретическую деятельность от практической практически невозможно» [7]. Теория и практика – две половинки одного целого: «Деятельность теоретическая и деятельность практическая суть ведь две взаимно связанные между собой части одной и той же биологической реакции; вторая получает толчок от первой, проникнута ей и составляет ее естественное продолжение» [7].

Разница состоит лишь в выполняемых ими функциях. Рассмотрим отношение Маха к мышлению и определим ту роль, которую оно играет в процессе познания. Прежде всего необходимо отметить, что мышление возможно лишь на определенном этапе развития человечества, на определенном этапе развития психической жизни: «регулирующая и упрощающая функция логики может начать свою работу лишь там, где развитие психической жизни значительно продвинулось вперед, накопив богатую сокровищницу инстинктивных привычек. Вот с этим-то дологическим запасом инстинктивных привычек путем логики справится мудрено» [5]. «Наши мысли не составляют всей жизни. Они только кратковременный свет, освещающий путь воли. Но зато они самый чувствительный реактив на наше органическое развитие... Превращение мыслей ... есть часть общего развития жизни, приспособления к более широкому кругу действия» [7].

Анализируя мышление, Мах выделяет два его типа: обыденное и научное. Научное мышление развивается из обыденного и является «последним звеном в непрерывной цепи биологического развития, начавшегося с первых элементарных проявлений жизни» [8]. «Умственное дополнение факта» является общей чертой для научного и обыденного мышления. Но есть и значительные отличия в выделенных типах мышления. Обыденное мышление служит практическим целям, прежде всего удовлетворению физических потребностей. Ставшее же более сильным, научное мышление создает себе собственные цели, стремясь удовлетворить само себя, «устранить умственное стеснение». Научное мышление в своем развитии состоит в непрерывном исправлении мышления обыденного. А с ростом культуры, по Маху, обыденное мышление все более и более ограничивается и вытесняется научно дисциплинированным техническим мышлением. Кроме того, научное мышление бывает двух видов: мышление философа и мышление специалиста-исследователя. «Первый стремится к возможно полной всеобъемлющей ориентации во всей совокупности фактов, а второй первоначально занят ориентировкой и обобщением в одной какой-нибудь небольшой области фактов».

Мах полагал, что мышление лишь сокращает, экономизирует, упрощает обозрение опыта субъекта: «...экономия мышления есть также весьма ясный логический идеал, сохраняющий свое значение даже после заверченного логического анализа» [9]. Смысл всего процесса исключительно экономический. Научное познание не что иное, как экономное описание опыта, чем экономнее это описание, тем лучше. Поэтому в физике нужно предпочитать теории, которые не предполагают существования объектов за пределами опыта. «Это так называемые феноменологические теории, к числу которых относится классическая термодинамика. А вот предположения о реальности молекул, как это имеет место в молекулярно-кинетической теории тепла или тем более атомов, – это, по Э. Маху, не что иное, как выражение донаучного способа мышления» [3].

При воспроизведении фактов мы начинаем с более устойчивых, привычных и знакомых нам комплексов и сюда впоследствии прибавляем, внося поправки, и непривычное. Все суждения – суть дополнения и поправки существующих уже представлений. «Именно те идеи, которые прежний опыт сделал наиболее привычными нам, вторгаются, борясь за свое самосохранение, в понимание каждого нового опыта, и именно их постигает необходимое превращение. Метод объяснять новые непонятные явления при помощи гипотез основан всецело на этом процессе» [7].

Мах подробно анализирует мыслительную деятельность человека, выделяя особо два направления: приспособление мыслей к фактам и приспособление мыслей друг к другу. Первое приспособление есть наблюдение, а второе – теория. Между наблюдениями и теорией трудно провести четкую границу, ибо почти каждое наблюдение совершается уже под влиянием теории, а при достаточной важности наблюдение со своей стороны оказывает влияние на теорию. Что касается приспособления мыслей к фактам действительности, то Мах так описывает влияние факта на мыслительный процесс: «...итак, когда мы применяем абстрактные понятия к факту действительности, то этот последний действует на нас как простой импульс к чувственной деятельности, которая создает новые чувственные элементы, а эти последние могут определять дальнейший ход нашей мысли в соответствии с этим фактом. Нашей деятельностью мы обогащаем и расширяем слишком бедный для нас факт. Мы делаем при этом то же самое, что делает химик с бесцветным раствором какой-нибудь соли, осаждавая из него при помощи определенной операции желтый или бурый осадок, ко-

торый может дифференцировать ход его мыслей. Понятие физика есть определенная реакция, обогащающая какой-нибудь факт новыми чувственными элементами» [5].

Касательно второго направления мыслительной деятельности, т. е. приспособление мыслей друг к другу, Мах пишет: «Все новое, необычное и удивительное действует как раздражение, привлекающее к себе внимание. Те или иные практические основания либо просто одна лишь интеллектуальная неудовлетворенность могут побудить волю к устранению противоречия, к новому приспособлению мыслей. Таким образом возникает намеренное приспособление мыслей – исследование» [5]. Приспособление мыслей друг к другу обуславливает логическое очищение мышления и является характерным и преимущественным признаком науки, в отличие от обыденного мышления, которое довольствуется службой практическим интересам.

Представления постепенно так приспособляются к фактам, что дают достаточно точную, соответствующую биологическим потребностям их копию. Точность приспособления, соответствия представлений фактам определяется требованиями той конкретной ситуации, того момента времени, когда оно образовывалось. Но так как интересы и обстоятельства меняются от одного случая к другому, то и результаты приспособления в различных случаях не всегда точно совпадают друг с другом. Биологический же интерес вновь побуждает к поправке одних представлений другими. Между обоими процессами – приспособление мыслей к фактам и приспособление мыслей друг к другу – в действительности трудно провести резкую грань. Уже первые чувственные впечатления зависят от прирожденного и временного состояния организма, а позднейшие чувственные впечатления зависят от прежних впечатлений. Так почти всегда первый процесс усложняется вторым.

Интересно, что истоки и мышления, и самой науки Мах видит в органическом, биологическом развитии, определяя логику как идеальное мышление. «Я обратил свое внимание на отдельные явления: приспособление мыслей к фактам, приспособление мыслей друг к другу, экономию мышления, сравнение, мысленный эксперимент, постоянство и непрерывность мышления и т. д... Я рассматривал простое мышление, а также и всю науку как явление биологическое, органическое, а логическое мышление как идеальный предельный случай... Я признаю за всяким, чувствующим потребность в освещении процессов логических, и с точки зрения психологической» [10].

«Факты – воздух ученого», но постижение реальности невозможно без построения теорий. Эмпирическое исследование действительности не может начаться без определенной теоретической установки. Большое значение при познании Мах отводит цели. Цель в большей степени определяет те свойства, качества, параметры и т. д. познаваемых объектов, которые подвергаются теоретической фиксации. «Когда мы воспроизводим факты в наших мыслях, мы никогда не воспроизводим фактов вообще, а всегда воспроизводим их только с той стороны, которая для нас важна. Мы имеем всегда перед собою цель, выросшую непосредственно из какого-нибудь практического интереса. Наши воспроизведения всегда суть абстракции. И в этом находит свое выражение черта экономическая» [10]. Природа складывается из элементов, данных нам через посредство наших чувств. В природе нет вещи постоянной, неизменяющейся. Вещь есть абстракция, название, символ для какого-нибудь комплекса элементов, изменения которого мы не принимаем во внимание.

Ощущения тоже не «символы вещей». Скорее «вещь» есть мыслимый символ для комплекса ощущений относительной устойчивости. Не вещи (тела), а цвета, тоны, давления, пространства, времена (что мы обыкновенно называем ощущениями) суть настоящие эле-

менты мира. Причем изменение цели познания ведет к изменению теоретических конструкций и, в конечном счете, научной позиции. «Нет точки зрения, которая имела бы абсолютное, вечное значение, а каждая сохраняет свое значение только для определенной цели» [5].

Понятия, теории, гипотезы – лишь средства экономии мышления. «Цель физических исследований заключается в установлении зависимости наших чувственных переживаний друг от друга, а понятия и теории физики суть лишь средства для достижения этой цели, – средства временные, которыми мы пользуемся лишь в видах экономии мышления» [5]. Сами же по себе представления и понятия без отношения к возможному опыту – не более как бесполезные и праздные химеры.

Слова являются импульсами к действию, результатом которого является не слово, а чувственный элемент. «Если я пользуюсь некоторым словом для обозначения того или иного понятия, то в этом последнем кроется простой импульс к привычной чувственной деятельности, результатом которой является простой чувственный элемент (признак понятия)» [5]. Кроме того, вид результата (чувственный элемент) не зависит от сложности деятельности: «деятельность, которую вызывает слово, может состоять из нескольких операций; одна из них может заключаться в другой. Результатом же всегда бывает чувственный элемент, которого раньше не было» [5].

Какова же роль эмпирии при познании объективного мира? Э. Мах считал, что всякое научное знание есть знание эмпирическое и никаким другим быть не может, утверждал, что научные законы и теории – это лишь особым образом организованная, как бы спрессованная эмпирия. Таким образом, вся теоретическая познавательная деятельность основана на эмпирических данных. «Понимание здесь вполне основано на деятельности. Да и ни в одной области нельзя дойти до более или менее высоких степеней абстракции, если не заниматься отдельными подробностями. Итак, деятельностью нашего абстрактного мышления мы расширяем и обогащаем, а в конце концов опять-таки и упрощаем факты действительности» [5]. Здесь отражается диалектический характер взаимоотношений теоретической и эмпирической деятельности. Благодаря «эмпирическим подробностям» мы достигаем «высоких степеней абстракции», а затем деятельностью нашего образа мышления упрощаем эмпирические факты.

И эмпирический и теоретический уровни познания обладают своими специфическими методами исследования. Эмпирическое познание поставляет науке факты, фиксируя при этом устойчивые связи, закономерности окружающего нас мира. Важнейшими методами получения эмпирического знания являются наблюдение и эксперимент. Одно из главных требований, предъявляемых к наблюдению, – не вносить самим процессом наблюдения какие-либо изменения в изучаемую реальность.

В рамках эксперимента наоборот, изучаемое явление ставится в особые, специфические и варьируемые условия с целью выявить его существенные характеристики и возможности их изменения под влиянием внешних факторов. Понимая слово «эксперимент» в самом широком смысле, Мах довольно удачно различает два его вида. В одних случаях познающая мысль расширяет круг своих чувственных данностей, искусственно сочетая прежние или вызывая новые, дотоле неизвестные; это чувственное испытание (физический эксперимент в узком смысле). В других случаях мы расширяем круг не чувственных данностей, а собственных мыслей, изменяя их сочетание или вызывая новые; это мыслительный опыт (эксперимент мысли).

Важным методом эмпирического исследования является измерение, которое позволяет выявить количественные характеристики изучаемой реальности. Предшественники Маха принимали за основные функции научного исследования объяснение и предвидение. Мах

писал, что с его точки зрения и объяснение, и предвидение сводятся к описанию. «Дает ли описание все, чего может требовать научный исследователь? Я думаю, что да! Описание есть построение фактов в мыслях, которое в опытных науках часто обуславливает возможность действительного описания» [7].

Феноменологическое истолкование научной теории как описательной, как схемы, классифицирующей эмпирические данные, устраняет из нее объяснительную часть, а тем самым освобождает теорию от метафизики. «Не одно голое наблюдение может научить нас необходимости связи между А и В. Он (*исследователь*) принимает прирожденное рассудочное понятие, под которое подводит случай данный в опыте» [9]. Далее Мах дополняет: «...если стремление научного исследователя к объяснению увенчается успехом, то этот успех вовсе не всегда выражается в том, что ему удастся неизвестное еще свести к известному уже, но всегда однако оно сводится к одному: к констатированию фактов и связи между ними» [7].

Понятие причинности коренится в привычке человеческого существа, а не в фактах действительности. «Понятия причины и следствия возникают лишь вследствие стремления воспроизводить факты» [9].

Когда мы говорим о причине и следствии, то произвольно выделяем те моменты, на связь между которыми нужно обратить внимание при воспроизведении какого-нибудь факта в важном для нас направлении. «В природе нет причины и нет следствия. Природа нам только раз дана. Повторения равных случаев, в которых А было бы всегда связано с В, т. е. равные результаты при равных условиях, т. е. сущность связи между причиной и следствием, существуют только в абстракции, которую мы предпринимаем в целях воспроизведения фактов. Раз какой-нибудь факт стал нам привычен, мы не нуждаемся больше в этом выделении связанных между собой признаков, мы не обращаем больше внимание на новое, особенно бросающееся в глаза, мы не говорим более о причине и следствии» [9].

Область достоверного знания совпадает с полем непосредственного опыта. Все остальное является результатом гипотетических допущений, необъяснимых убеждений и психологических наклонностей индивидуума.

В своих работах Мах мало уделяет внимания методологической проблематике. Научное знание можно добыть и без всякого метода. Лишь ограниченность человеческой жизни и памяти диктует необходимость экономизации мышления. Метод и является той «палочкой-выручалочкой», которая помогает человеку достичь максимального эффекта с минимальными затратами: «...нет, можно сказать вовсе, такого научного результата, который принципиально не мог бы быть найден и без всякого метода. В действительности же в течение короткого времени одной человеческой жизни и в виду ограниченной памяти человека более или менее значительное знание достижимо только при величайшей экономии мысли. Поэтому сама наука может рассматриваться как задача на минимум, состоящая в том, чтобы возможно полнее изобразить факты с наименьшей затратой работы мышления» [9].

В действительности, по Маху, существует лишь один метод – метод изменения, состоящий в приспособлении мыслей либо к фактам (что обогащает и расширяет факт), либо к мыслям (что ведет к появлению гипотез и теорий). «Нарождение гипотез не есть результат искусственного научного метода, а это процесс, происходящий вполне бессознательно уже в период детства науки. Расширение нашего кругозора дает импульс к преобразованию мыслей. Все многообразные методы исследования природы, намеренного приспособления мыслей, методы как наблюдения, так и опыта, можно рассматривать как формы основного ме-

тогда, метода изменения. Продолжался бы без перерыва процесс, который в противоположность приспособлению мыслей к фактам, принадлежит к самой теории, продолжался бы процесс приспособления мыслей к друг другу» [7].

Вообще возможность познания, по мнению Маха, во многом зависит от случая. Если благоприятные обстоятельства направят наши представления так, что течение их следует или предшествует фактам, то мы получаем познание. Если же неблагоприятные обстоятельства направят наше внимание на несущественное, и будут поддерживать ассоциации, не соответствующие фактам и вводящие в заблуждение, то никакого познания не будет, т. е. возможность познания определяется обстоятельствами.

Средством, инструментом фиксации теоретического знания является слово. Так как слово – порождение интеллекта, то «слово, которое нам приходится по нужде применять для обозначения многих отдельных представлений, не покрывает еще понятия» [5]. Между понятием, названием какого-либо эмпирического факта или процесса нет однозначного соответствия: «Комплекс представлений или научное понятие – образование интеллекта; явление (феномен) – порождение органов чувств. Они могут соответствовать или нет» [5].

В заключение необходимо отметить, что умение вырваться из пленов сложившихся стандартов присуще далеко не каждому ученому, однако без этого невозможно развитие науки. Философское осмысление опыта научного познания позволяет ученым прокладывать новые пути в постижении действительности. Всякие достижения науки всегда были связаны с выдвижением смелых философских обобщений и оказывали воздействие не только на отдельные области науки, но и на развитие ее в целом. Одним из ученых, выбравшим такой путь в науке, был Эрнст Мах: «Я стремился лишь к одному: найти верную, ясную философскую точку зрения, которая осветила бы правильные пути в область как психофизиологии, так и физики, – пути, свободные от всякого метафизического тумана» [5].

Своими философскими размышлениями он стремился придать новый стимул развитию науки, освободив ее от сковывающих ее пут. Исключение метафизики из процесса научного познания и в целом из науки как недоступной контролю опытом должно, по мнению Маха, снять с пути научного прогресса целый ряд несуществующих проблем. «За последнее время в науке все более и более встречается признание тот взгляд, что назначение ее должно ограничиться обобщающим описанием фактов действительности. Признание этого взгляда логически приводит к исключению всех праздных допущений, недоступных контролю опыта и, прежде всего, допущений метафизических (в Кантовском смысле). С признанием этого взгляда основным исходным пунктом в самой широкой области – области, включающей в себя все явления как физические, так и психические, – необходимы дальнейшие шаги, и первым, ближайшим шагом вперед является взгляд на ощущения как общие «элементы» всех возможных физических и психических переживаний, вся разница между которыми заключается в различной зависимости их друг от друга. Этим устраняется с нашего пути целый ряд мнимых проблем, мешающих научному исследованию» [5].

Хотя эти идеи и были отвергнуты со временем, они внесли освежающую струю в традиционную научную деятельность и стали значительной вехой как в истории науки, так и в процессе становления современной теории познания.

Сам Мах позиционирует себя скорее не в качестве философа, а как человека лишь «живейшим и наивнейшим образом заинтересованного, чтобы понять рост физических идей» [1]. Э. Мах был физиком, автором ряда значительных работ по механике, акустике и оптике. Свое

учение вместе с Рихардом Авенариусом, естественнонаучные интересы которого лежали в области психофизиологии, они создают в попытке осмыслить в духе берклианско-юмистского феноменализма развитие науки своего времени, показывающее ограниченность механистического естествознания, основанного на классической механике Ньютона.

Важнейшими составными частями философии эмпириокритицизма были программа антиметафизического «очищения опыта», теория «нейтральных элементов опыта» и принцип «экономии мышления» [11].

В. И. Ленин писал: «Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами, – значит, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, быть не может. Так рассуждает не только весь махизм, но весь «физический» идеализм вообще» [12]. Махизм увидел метафизичность исходного варианта позитивизма, признававшего существование непознаваемой реальности, в попытке построить картину мира и его законов, основанную на науке, одновременно развив позитивистское ядро учений Конта и Спенсера в смысле отказа от проникновения «за» сферу чувственных явлений.

Если оценивать успешность философской концепции по тем практическим результатам, которые она принесла (несмотря на то, что такой подход делает несостоятельной саму философскую концепцию), то в случае Маха успех за сто лет очевиден. Если в механике Ньютона ряд физических явлений объясняется через отнесение их к абсолютному пространству, то Мах выдвигает следующий принцип: все, что происходит в мире, должно объясняться взаимодействием тел. Этот «принцип Маха», как его называл Эйнштейн, был использован для построения новой физики как Эйнштейном, так и другими крупными физиками XX в. Мах рассматривал этот «принцип» как выражение методологического требования эмпирического, чисто описательного определения исходных понятий науки. Помимо теории относительности его имя связано «с зарождением гештальт-психологии (фон Эренфельс), системного подхода в экономике (фон Хайек), науки о принципах и организации систем (А. А. Богданов) и др.» [1].

Махизм вызвал волну научного протеста. Особенно решительно восстал против учения Маха один из основателей современной физики – М. Планк, показав несостоятельность претензий Маха на преодоление метафизики и бесплодность принципа «экономии мышления» [13].

Двумя основными методологическими требованиями науки Мах считает: 1) экономию мышления, 2) идеал «чисто описательной» науки. Экономия мышления Мах объявляет основной характеристикой познания, выводя ее из изначальной биологической потребности организма в самосохранении, распространяя на человека и его познание учение Дарвина о борьбе за существование и естественном отборе. «Принцип экономии мышления, если его действительно положить в основу теории познания, не может вести ни к чему иному, кроме субъективного идеализма. «Экономнее» всего «мыслить», что существую только я и мои ощущения...» [12]. Из принципа экономии мышления вытекает идеал «чисто описательной» науки, в которой объяснительная часть и понятие причинности являются излишними и паразитическими, и потому должны быть удалены. Махистская философия вела к солипсизму, что является лучшим доказательством полнейшей несостоятельности махизма. «Нелепость этой философии состоит в том, что она приводит к солипсизму, к признанию существующим одного только философствующего индивида» [14].

Однако более значимы имманентно существующие подходы, отрицающие рациональность, а о духовных ценностях уже даже не упоминается при выбранном предмете исследования. «Мир есть наше ощущение, – вот эта основная посылка, затушевываемая, но несколько не изменяемая словечком “элемент”, теориями “независимого ряда”, “координации” и “интроекции”» [14]. Возможно ощущения, возникшие в момент познания розетки пальцами, и генерируют определенные психосоматические импульсы, которые по какой-то прихоти чувственных явлений озарят мозг формулой теории участка цепи Ома, а начавшийся дождь спустит с небес законы функционирования атмосферы, однако данный метод познания не получил широкого распространения после трудов Э. Маха. Тем не менее, учение Э. Маха в наше время востребовано и широко распространяется, правда, не в научных кругах и не с научными целями. В основе науки все же лежит прямо или косвенно отвергаемый махизмом разум.

Востребованность же идей Маха сегодня связана исключительно с политическими интересами. Ряд наукообразных теорий, к которым относится и теория Э. Маха, становятся инструментами в руках политиков, реализующих государственную программу подготовки добпорядочных граждан общества. Так, идеи Э. Маха просматриваются в проводимой реформе системы образования как в России, так и во всем мире. Миссию системы образования современной России экс-министр образования А. Фурсенко сформулировал так: «Недостатком советской системы образования была попытка формирования человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, что вырастить квалифицированного потребителя, способного пользоваться тем, что создано другими» [15]. Подобные цели очень удобно обосновать идеями Э. Маха, что и объясняет их востребованность в наше время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парамонов А. А. Философия науки Эрнста Маха: дис. ... канд. филос. наук / ИФРАН. М., 2005.
2. Планк М. Единство физической картины мира: сб. статей / отв. ред. Б. Г. Кузнецов; сост. и пер. У. И. Франкфурт. М.: Наука, 1966. 287 с.
3. Познание, понимание, конструирование / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2007. 167 с.
4. Валентинов Н. Э. Махъ и марксизмъ. М.: Сотрудник провинций, 1908. 116 с.
5. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: С. Сирмунта, 1908. 308 с.
6. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля / пер. А. Денежкина и В. Куренного. М.: Дом интеллект. кн., 1999. 336 с.
7. Мах Э. Популярные научные очерки. СПб.: Образование. 1909. 340 с.
8. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / под ред. проф. Ланге. М.: С. Сирмунт, 1909. 471 с.
9. Мах Э. Механика: историко-критический очерк ее развития / под ред. проф. Н. А. Гезехуса. СПб.: Общественная польза, 1909. 448 с.
10. Мах Э. Принцип сохранения работы: история и корень его / под ред. проф. Н. А. Гезехуса. СПб.: Общественная польза, 1909. 68 с.
11. Богомолов А. С., Мельвиль Ю. К., Нарский И. С. Буржуазная философия кануна и начала империализма: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1977. 421 с.
12. Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 18. М.: Полит. лит., 1968. 522 с.
13. Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. М.: Мысль, 1971. 790 с.
14. Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 14. М.: Полит. лит., 1972. 564 с.
15. Фурсенко честно рассказал о целях реформы образования. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237> (дата обращения: 15.05.2016).

S. V. Korotkii

National mineral resources university (Mining University)

EPISTEMOLOGICAL PHENOMENOLOGY OF E. MACH

An analysis of the essence of the philosophical views of E. Mach who tried to resolve the crisis in physics with a new approach to the interpretation of the original concepts of classical physics. The article considers in detail aspects of machismo ambivalence as a cognitive relation of a man to the world, the relationship between physical and mental from the point of view of knowledge goals and interests of the subject, the theory of sensory data, the approach to determining the source of knowledge, role and experience of duality, the problem of reliability of knowledge, the problem of equality or inequality of the objective world to the world view and Outlook, classification of types of thinking. It is noted that E. Mach pays little attention to methodological issues believing that scientific knowledge can be extracted and without any method, highlighting only one method – change method, and two main methodological requirements of science Mach believes economy thinking and the ideal of a «purely descriptive» science. Special attention is paid to the epistemology of mental and physical cognition in the concept of E. Mach and their ratio.

Positivism, machism, epistemology, economy of thinking, descriptive science

УДК 378:337.6

И. В. Медынская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проведен финансово-экономический анализ образовательной деятельности организаций высшего образования, который является неотъемлемой частью процесса управления образовательными услугами. На сегодняшний день в условиях жесткой конкуренции и в связи с широким использованием современных методов исследований его роль особенно возросла.

Образовательные услуги, иностранные граждане, экономический анализ, управление образовательными услугами, интеграция высшего образования, международная деятельность, интернационализация, система управления, региональный рынок образовательных услуг

Интеграция в мировой рынок образовательных услуг – важнейшее условие развития национального образовательного потенциала страны. Сотрудничество и взаимодополнительность стали средством для разделения растущих издержек и риска нововведений, а также для концентрации необходимого потенциала знаний и квалификации в процессе разработки новых образовательных услуг для иностранных граждан. В этих условиях возникает необходимость стратегического сотрудничества специализированных организаций, предоставляющих образовательные услуги для иностранных граждан с целью разделения расходов и уменьшения риска, для успешной борьбы с конкурентами.

Финансово-экономический анализ – один из важнейших инструментов получения информации, необходимой для принятия управленческих решений. Он представляет собой системное изучение и обобщение системы показателей работы образовательного учреждения, изучение влияния факторов на результаты данной деятельности с использованием различных приемов и методов.

Необходимость экономического анализа вытекает из того, что экономика практически любой отрасли народного хозяйства, в том числе и образования, является основой развития, а научно обоснованная методология анализа этого развития есть неотъемлемая часть хозяйственной деятельности.

Экономический анализ международной деятельности в сфере образования как средство познания всей совокупности фактов хозяйственной деятельности занимает в нем ведущее место. На практике экономический анализ позволяет (рис. 1):

Рис. 1

Характерной чертой развития высшего образования в настоящее время является его интернационализация, наиболее существенную часть которой составляет межгосударственный обмен студентами, аспирантами, стажерами, преподавателями. Интернационализация и интеграция высшего профессионального образования дает каждому государству экономическую выгоду, которая связана с рыночной стоимостью предоставления услуг на международном образовательном рынке. Фактически, ряд стран сделали образовательные услуги для иностранных граждан существенной частью своих стратегий социально-экономического развития, а взимание полной платы за обучение с иностранных студентов используется как источник получения дохода. Тем не менее рыночная стоимость интернационализации выходит за рамки доходов от платы за обучение, которые вместе с наличием сопутствующих расходов, связанных с пребыванием иностранных граждан в стране и составляющих существенный вклад в национальную экономику принимающей страны и каждого отдельно взятого региона, можно рассматривать как преимущества краткосрочного характера. Существуют также преимущества долгосрочного характера, выражающиеся в появлении новых рабочих мест, развитии инфраструктуры и потенциала системы образования [1].

Роль экономического анализа в управлении образовательными услугами занимает важное место в анализе хозяйственной деятельности. Основные задачи экономического анализа представлены на рис. 2.

Рис. 2

Международная деятельность – неотъемлемый, ключевой элемент эффективного функционирования любого учреждения высшего образования. Финансовые показатели внешне-экономической деятельности представлены в разных вузах с различной степенью детализации. Таким образом, используемые вузами показатели можно разделить на следующие основные группы (рис. 3):

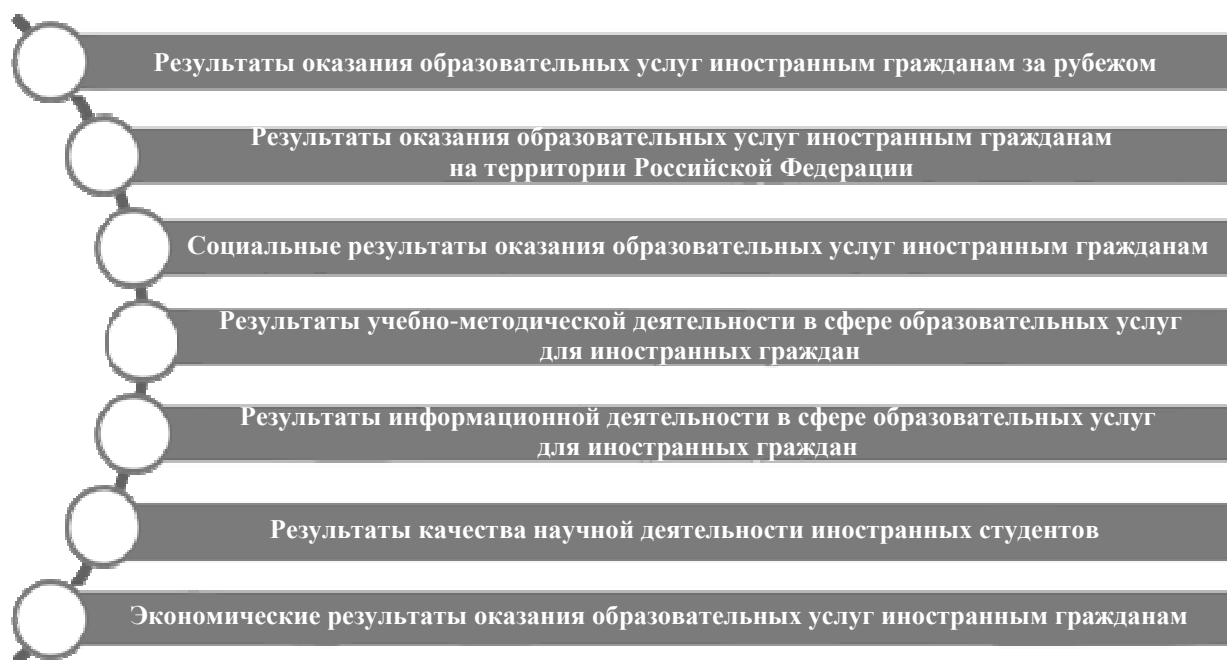

Рис. 3

Структурно-функциональная несбалансированность организаций высшего профессионального образования, участвующих в оказании образовательных услуг иностранным гражданам, проявляется в противоречии между состоянием их управления, поставленными задачами роста результатов деятельности и рыночной средой. Основные недостатки и проблемные аспекты управления их взаимодействием связаны с попытками ставить и решать принципиально новые для них задачи, используя старые принципы и методы управления [2].

Проблема трансформации системы высшего образования является одной из ключевых проблем обеспечения динамичного развития экономики в целом. Трансформирование образования путем европейской интеграции требует кардинальных изменений в управлении, применения специального научно-методического инструментария управления региональными системами высшего образования.

Специфической проблемой российских вузов является отсутствие гармоничного соотношения между стратегическими задачами продвижения российских образовательных услуг на мировые рынки сбыта и контроля над распространением знаний и технологий двойного назначения, между поддержанием академических свобод, свобод доступа к информации и задачами в области безопасности государства.

Проведенное автором исследование практики оказания образовательных услуг иностранным гражданам в ряде российских регионов показало, что модернизация развития сферы образовательных услуг для иностранных граждан сдерживается не столько из-за недостатка централизованного финансирования, сколько по причине имеющихся проблем в области управления образовательными услугами для иностранных граждан, отсутствия

адекватных методов управления партнерскими отношениями и интегративным взаимодействием организаций высшего профессионального образования различной собственности и подчиненности, располагаемых на территории региона и оказывающих образовательные услуги иностранным гражданам.

В настоящее время конкуренция за учебных мигрантов в мире растет, а Россия, к сожалению, еще не имеет активной позиции по включению в мировой рынок образовательных услуг. Фактически, государственная политика по отношению к образовательной миграции в Российской Федерации подменяется сотрудничеством отдельных участников оказания образовательных услуг, не существует государственного управления потоками учебных мигрантов, за исключением обучения по гослинии, нет специальных государственных региональных программ.

По мнению автора, важную роль в активизации оказания образовательных услуг иностранным гражданам, которая поможет преодолеть проблемы в этой сфере и позволит российским регионам и организациям высшего профессионального образования, находящимся на территории региона, быть конкурентоспособными на мировом рынке образовательных услуг, должны сыграть интегративные формирования.

Эта роль заключается в объединении образовательного ресурсного потенциала и финансового капитала, в концентрации тем самым инвестиционных ресурсов в едином координирующем центре для обновления образовательных услуг, оказываемых иностранным гражданам, с целью повышения качества и конкурентоспособности российского высшего профессионального образования. Такой подход должен быть заложен в стратегии интегративного прорыва, прежде всего в сфере образовательных услуг для иностранных граждан.

Формирование конкурентоспособной экономики Российской Федерации в условиях глобализации мирового рынка образовательных услуг должно идти снизу – от регионов.

Эффективность системы управления образовательными услугами для иностранных граждан в регионах будет определяться обоснованностью используемых форм и методов управления.

Возрастание потребностей в инновационной деятельности неизбежно приведет к институционализации новых форм образовательных услуг.

Важное значение для управления образовательными услугами для иностранных граждан имеет формирование действенной политики оказания образовательных услуг.

Российский рынок образования имеет свою специфику, проявляющуюся в особенностях контента, технологий и условий реализации образовательных услуг для иностранных граждан, а также в особенностях профессиональных компетенций сотрудников, составе заинтересованных субъектов в таких услугах.

Ключевым аспектом партнерских отношений участников оказания образовательных услуг становится, во-первых, качество обучения и, во-вторых, ориентация на конкретного иностранного заказчика. Задаваемый уровень подготовки иностранного студента, его востребованность зарубежным рынком труда должны определять содержание и цели организационной, учебной и научной работы коллектива. При этом лекционные и практические занятия, подготовка учебно-методической литературы, материально-техническая база должны быть эффективны по критерию «ресурсы – результат».

Партнерские отношения образовательных организаций на фрагментированных сегментах обычно реализуются на основе низких издержек либо специализации на видах образовательных услуг или типах иностранных потребителей.

В качестве базы для оценки оказания образовательных услуг целесообразно использовать:

- 1) показатели образовательных услуг для иностранных граждан вузов, осуществляющих подготовку по профилю и направлению;
- 2) показатели профильных образовательных сетей на отечественном рынке образовательных услуг;
- 3) показатели профильных образовательных сетей на зарубежном рынке образовательных услуг.

В долгосрочной перспективе конкурентоспособность образовательных услуг для иностранных граждан основывается на способности создавать с более низкими ресурсами и быстрее, чем конкуренты, ключевые компетенции, на основе которых рождаются новые образовательные услуги для иностранных граждан.

Конкурентоспособность образовательных услуг, оказываемых иностранным гражданам в регионах России, во многом определяется их способностью подготавливать, реализовывать и своевременно вносить инновационные изменения в образовательные услуги для иностранных граждан.

Обобщенный показатель сложности реализации образовательных услуг для иностранных граждан при координационном взаимодействии интегративных комплексов может быть рассчитан по формуле:

$$R_{пв} = \frac{\sum_{i=1}^i a_i r_{ib}}{N_i},$$

где a_i – показатель весомости i -го вида реализуемости образовательных услуг для иностранных граждан; r_{ib} – частный показатель сложности i -го вида реализуемости образовательных услуг для иностранных граждан; N_i – количество i -х видов реализуемости образовательных услуг для иностранных граждан [3].

Разработка аналитических и оценочных показателей образовательных услуг для иностранных граждан целевых вузовских комплексов и их включение в реально действующую систему образовательного менеджмента составляет необходимое предварительное условие развертывания мероприятий по интеграции в международный рынок образовательных услуг.

Управление образовательными услугами для иностранных граждан региональных интегративных целевых комплексов высшей школы целесообразно осуществлять через региональный социальный заказ этим комплексам, в котором определяется проект оказания образовательных услуг иностранным гражданам участников интегративных целевых и инфраструктурных комплексов, важный для региона, реализуемый программно-целевым методом по региональным проектам (программам).

Отсутствие в настоящее время научно-методического инструментария в управлении образовательными услугами для иностранных граждан при формировании интегративных образовательных целевых и инфраструктурных комплексов актуализирует разработку форм и методов интегративного управления и подготовку соответствующих методических материалов.

Предлагается блок-схема формирования регионального плана по привлечению иностранных граждан (рис. 4).

Рис. 4

В основе формирования плана оказания образовательных услуг иностранным гражданам регионального инфраструктурного комплекса высшей школы должны лежать планы оказания образовательных услуг иностранным гражданам каждого комплекса, направленные на реализацию поставленных регионом целей и задач оказания образовательных услуг иностранным гражданам.

Для формирования плана и бюджета оказания образовательных услуг иностранным гражданам предлагается использовать широко известный в международной практике метод «скользящей трехлетки», в рамках которого ранее утвержденные проектировки ежегодно сдвигаются на год вперед и становятся основой нового проекта бюджета.

В рамках реализации регламентного управления образовательными услугами для иностранных граждан требуется установление системы показателей и индикаторов, характеризующих результат и процесс регламентирования в хозяйственной практике.

При разработке системы показателей следует учитывать следующие требования: ключевые показатели должны быть привязаны к стратегии развития хозяйствующих субъектов; показателей не должно быть слишком много, чтобы фокусировать внимание на высокоприоритетных задачах; показатели должны быть взаимно сбалансированы, понимаемы и поддаваться расчету.

Показатели должны быть закреплены за конкретным лицом или группой лиц, несущими ответственность за результаты. Для отдельных групп участников управления образовательными услугами для иностранных граждан должны быть разработаны соответствующие индикаторы.

Переход на программно-целевое бюджетное планирование инновационного развития всех интегративных формирований высшего профессионального образования, расположенных на территории регионов, является длительным, поэтапным процессом, требующим постоянной поддержки региональных органов управления, глубокой реформы организации научно-инновационной деятельности в самих вузах, подготовки значительного количества квалифицированных кадров.

Создание системы координационного управления образовательными услугами для иностранных граждан позволит российским организациям высшего профессионального образования интегрировать в инфраструктурные комплексы, тем самым перейти от режима «натурального хозяйства» к партнерскому взаимодействию и взаимодополнительности в оказании образовательных услуг иностранным гражданам.

От того, насколько эта система будет эффективной, регионы смогут привлекать иностранных граждан, получая экономическую выгоду и укрепляя свои позиции на мировом рынке образовательных услуг.

Таким образом, налаживание системы предоставления образовательных услуг иностранным гражданам требует всестороннего учета общественно-экономических факторов; ориентации рынка образовательных услуг на «рыночные знания»; сглаживания негативных демографических факторов, изменений в предпринимательском секторе; способности государства к видоизменению, а также совершенствованию структуры образовательных услуг в связи с дальнейшей эволюцией социально-экономических отношений и активизацией интеллектуального потенциала иностранных граждан, учитывая особенности отечественных и зарубежных традиций и национальных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гороховатская Н. В. Международный рынок образовательных услуг и национальные стратегии экспорта образования. URL: <http://www.russia.edu.ru/files/materialGstatic/3933/Gorohov.doc> (дата обращения: 29.02.2016).
2. Современное состояние и пути развития системы образования: в 2-х кн. / Н. Б. Сергейчук, К. К. Пишенина, С. П. Акутина и др. / под общ. ред. С. В. Куприенко. Одесса, 2012. 179 с.
3. Медынская И. В. Методология управления образовательными услугами для иностранных граждан в регионах России. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. 254 с.

I. V. Medynskaya

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

ECONOMIC ASPECTS OF THE INTERNATIONAL ACTIVITY OF UNIVERSITIES IN MODERN CONDITIONS

The financial and economic analysis of educational activity of the organizations of higher education is an integral part of the process of management of educational services. Today in the conditions of severe competition and in connection with a wide use of modern methods of research its role has especially increased.

Educational services, foreign citizens, economic analysis, management of educational services, integration of higher education, international activity, internationalization, control

УДК 65.011

И. А. Брусакова, М. А. Косухина, В. И. Фомин

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ВВЕДЕНИЕ В УПРАВЛЕНИЕ АДАПТИВНЫМИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ НАУКОЕМКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Рассматриваются ключевые особенности наукоемкого производства как производства, основанного на знаниях, предлагается трактовка понятия адаптивных бизнес-процессов, предлагается подход к настройке ключевых показателей результативности сквозных бизнес-процессов и разрабатывается иерархическая модель выбора ключевых показателей результативности в рамках концепции адаптивных бизнес-процессов.

Адаптивные бизнес-процессы, бизнес-система, бизнес-архитектура цифрового предприятия, наукоемкое производство, сбалансированная система показателей

Современные промышленные предприятия рассматриваются как сложные динамические организационно-технические и социально-экономические системы. Особенности управления предприятиями, выпускающими наукоемкую продукцию, заключаются в необходимости накапливать и управлять корпоративными знаниями всех стадий жизненного цикла технологических процессов. Проведение аудита существующих на предприятии бизнес-процессов, принятие решений о возможном их реинжиниринге должно осуществляться в условиях единого информационного пространства и параллельного инжиниринга ресурсов, при использовании CALS-технологий жизненного цикла наукоемкой продукции. Технологический процесс наукоемкого производства сопровождается инновационными процессами управления корпоративными знаниями в рамках корпоративной информационной системы.

Процедуры «отторжения» знаний о предметной области наукоемкого производства связаны с описанием основных, вспомогательных, сквозных бизнес-процессов. Показатели эффективности бизнес-процессов (ключевые показатели эффективности KPI) представляются как в качественных, так и в количественных измерительных шкалах. Направленное управление изменениями показателей эффективности бизнес-процессов (change-management)

позволяет рассматривать традиционную трактовку бизнес-процесса как адаптивного бизнес-процесса. Математические и имитационные методы управления бизнес-процессами как управление изменениями показателей эффективности бизнес-процессов позволяют рассматривать бизнес-процесс как адаптивный.

Введение механизмов управления изменениями, механизмов контроллинга, принятия управленческих решений, реинжиниринга ресурсов, коммерциализации инновационной деятельности в едином инфокоммуникационном пространстве позволит формировать эффективные прикладные IT-решения. Под технологической (процессной) инновацией для задач информационного менеджмента предлагается понимать технологические инновации обеспечения жизненного цикла прикладных IT-решений в IT-инфраструктуре наукоемкого производства.

Инновационный процесс как процесс внедрения инновационных технологий приобретения, управления, обработки, мониторинга, прогнозирования априорной информации о социально-экономической системе (бизнес-системе, бизнес-среде) описывается в многомерном пространстве показателей деятельности промышленного предприятия. Под объектами измерения в конкретной социально-экономической системе понимаются не только реальные физические объекты (материальные объекты, процессы или явления) природного или технологического происхождения, свойства (физические величины) которых подлежат измерению, а такие «нематериальные» объекты, как бизнес-процессы предприятий, корпораций, организаций, свойства которых также подлежат контролю, измерению. В обоих случаях неизменными остаются этапы планирования измерительного эксперимента: приобретение априорной измерительной информации, применение методов математического и (или) имитационного моделирования результатов измерения, статистическое оценивание достоверности результатов измерений, построение прогнозных регрессионных моделей, статистических решений. Последовательность описания бизнес-инжиниринга ресурсов включает в себя описание организационной структуры предприятия, анализ показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятия, анализ внутренней и внешней среды предприятия, исследование целей и стратегий их достижения, описание бизнес-процессов «как есть», выработку рекомендаций «как надо».

Бизнес-процесс рассматривается как последовательность взаимосвязанных событий, приводящих к результату деятельности компании [1], [2].

Модель процесса – прикладное представление на специализированном языке способа исполнения деятельности.

Бизнес-функции – функции, которые связаны с участием в движении материальных и информационных потоков при осуществлении коммерческой деятельности компании.

Основные бизнес-функции – работы, услуги, производство товаров, соответствующих стратегическим целям компании, являющихся источником основного дохода компании.

Вспомогательные бизнес-функции – обеспечение основных процессов компании необходимыми ресурсами. Например, работа финансовой службы, службы управления персоналом, IT-подразделения.

Бизнес-архитектура – системное описание моделей деятельности компании и организации. Например, иерархическое описание бизнес-архитектуры компании отражает системную логику детализации ее деятельности, показывая последовательность действий: зачем, что, кто, за что отвечает, как выполняет работу, с какой эффективностью.

На рис. 1 приведены составляющие процесса информатизации корпоративного управления.

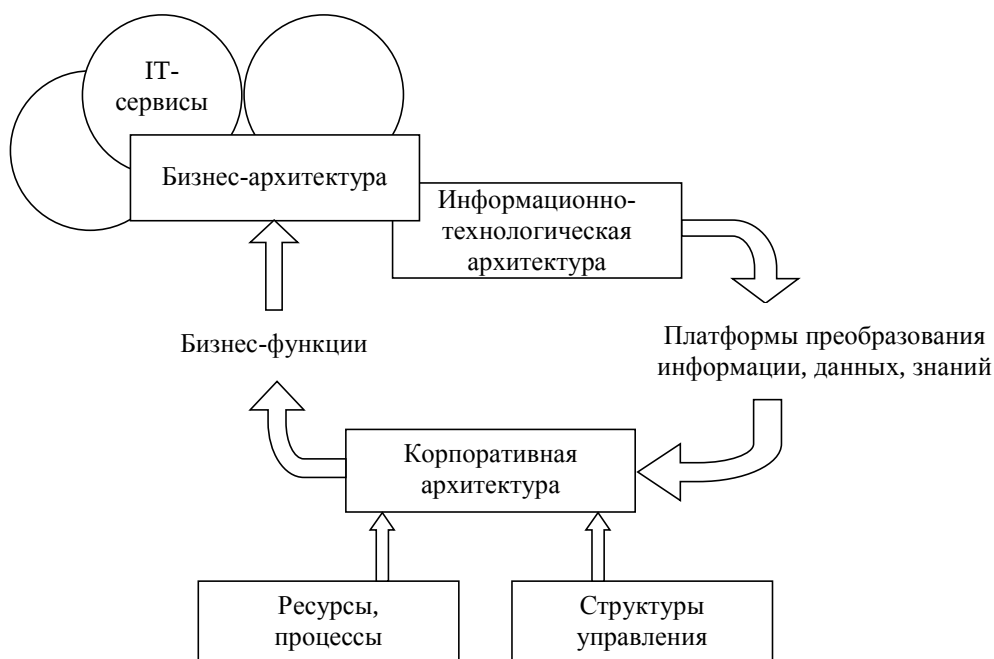

Рис. 1

Управление адаптивными бизнес-процессами осуществляется в сервисно-ориентированной архитектуре корпоративной информационной системы с использованием IT-сервисов. Соответственно, метрики IT-сервисов (показатели эффективности бизнес-процессов) стандартизованы посредством ITIL и описаны средствами SLA.

На рис. 2 представлены уровни управления высокотехнологичным предприятием в едином информационном пространстве на множестве корпоративных ресурсов.

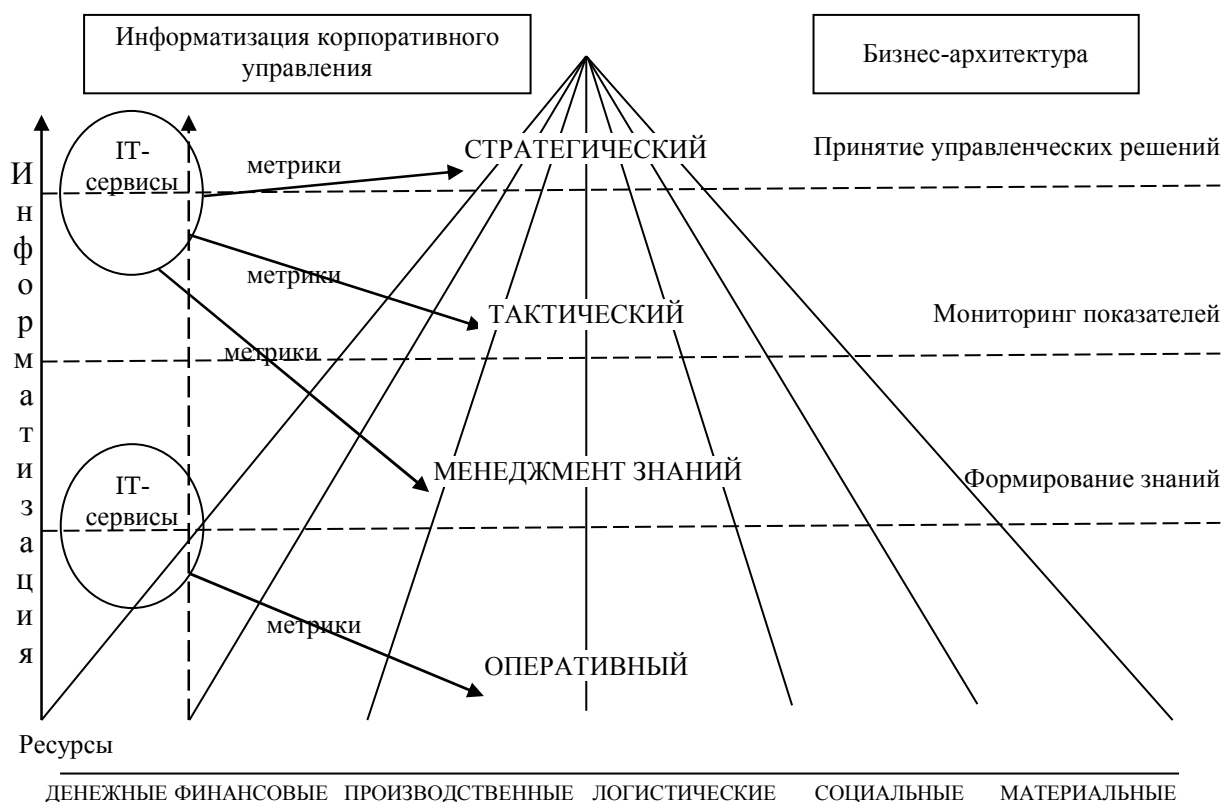

Рис. 2

Под ИТ-сервисами (ИТ-услугами) понимаются бизнес-приложения в архитектуре конкретной корпоративной информационной системы. ИТ-подразделения обслуживают бизнес-процессы, внесенные в каталог услуг (Service Catalog). Конкретизация услуг регламентируется множеством соглашений об уровне сервиса (Service Level Agreements – SLA) между бизнес-пользователем и менеджером по уровню сервиса. Метрики ИТ-сервисов описываются в отчетах об отклонениях от ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicators – KPI), которые зафиксированы в SLA. Рассматривают метрики ИТ-сервисов для управления эффективностью корпоративной информационной системы и метрики ИТ-сервисов, предназначенные для управления корпоративными ресурсами. В обоих случаях необходимо формализовать как бизнес-функции, так и бизнес-процессы в рамках конкретной бизнес-архитектуры.

Таким образом, адаптивный бизнес-процесс – это бизнес-процесс, основные события (транзакты) которого связаны с организацией настройки ключевых показателей эффективности по всем профилям BSC (финансы, кадры, внутренние бизнес-процессы, обучение и развитие). Адаптивность бизнес-процесса означает способность применяемых для его описания алгоритмов настроить итеративно показатели BSC в зависимости от меняющихся по составу и (или) содержанию корпоративных знаний.

Бизнес-решение определим как состояние бизнес-системы в определенный момент времени для определенной бизнес-архитектуры. Бизнес-решение связано с выработкой оценки эффективности деятельности корпорации и эффективности ИТ-сервиса соответственно (метрики BSC, KPI, CVT и т. д.).

Бизнес-приложение разрабатывается с использованием конкретной семантической и синтаксической среды КИС. Например, для КИС SAP такими средами являются АВАР, JAVA, для КИС 1С: ПРЕДПРИЯТИЕ – среды встроенного языка 1С (прообраз Си++), для КИС COBRA – языковая среда Си++, и т. д.

В [3], [4] представлено описание бизнес-решения φ_t как некоторого высказывания вида:

$$\varphi_t = A_t \wedge B_t \wedge C_t \wedge D_t \wedge \dots \xrightarrow{SEM} T,$$

где A_t – корпоративные знания о процессе бюджетирования; B_t – корпоративные знания о результатах управленческого учета; C_t – корпоративные знания о показателях финансовой активности корпорации; D_t – корпоративные знания о нематериальных активах корпорации и т. д.; SEM – семантическая процедура интерпретации результатов бизнес-решения, которая сопоставляется, например, с использованием лингвистической шкалы с элементом терм-множества T («удовлетворительно», «неудовлетворительно», «хорошо»). В свою очередь корпоративные знания можно представить в виде управленческого контента, содержащего взаимосвязанные ключевые показатели эффективности адаптивного бизнес-процесса.

Одной из методик оценки эффективности, позволяющей представить взаимосвязанные показатели результативности бизнес-процессов, является методика сбалансированной системы показателей (ССП, BSC, Balanced Scorecard), разработанная Д. Нортон и Р. Капланом. Использование BSC позволяет оценивать эффективность деятельности бизнеса с четырех

основных позиций – финансов, кадрового обеспечения, внутренних бизнес-процессов и обучения и развития. Для каждой из позиций определяется свой набор ключевых показателей результативности (Key Performance Indicators – KPI). Использование ключевых показателей результативности дает возможность их применения в качестве показателей эффективности адаптивного бизнес-процесса.

Представим себе набор внешних и внутренних факторов, которые способны влиять на значения показателей эффективности: переход на новую технологию производства, подбор новых клиентов, ориентация на новые требования клиентов, изменение поставщиков, потребителей, переучивание кадров и т. д. Все эти изменения позволяют описывать набор требований, которые существенно влияют на результат деятельности наукоемкого производства. Таким образом, в рамках концепции адаптивных бизнес-процессов управление требованиями является одной из задач управления изменениями показателей бизнес-процессов [5]. Использование адаптивных алгоритмов настройки ключевых показателей эффективности позволяет представить процесс управления изменениями в зависимости от критериев эффективности как некоторый адаптивный бизнес-процесс. Результатом адаптивного управления бизнес-процессами наукоемкого производства является настройка ключевых показателей результативности в зависимости от изменений внешней или внутренней среды бизнес-системы. Основной целью использования адаптивных бизнес-процессов в управлении наукоемким производством определим одновременную настройку необходимого состава ключевых показателей результативности по всем перспективам с использованием адаптивных алгоритмов управления бизнес-системой.

Таким образом, модель управления изменениями бизнес-процессов наукоемкого производства (предприятия) с точки зрения управления его эффективностью в нотации IDEF0 имеет следующий вид (рис. 3).

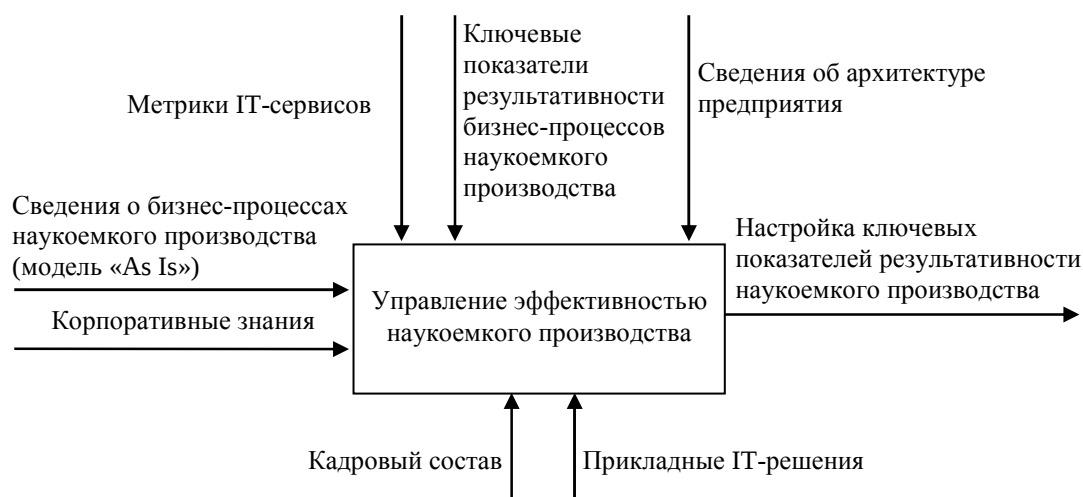

Рис. 3

На рис. 4 представлена условно управленческая функция, полученная по бизнес-решению φ_t на промежутке времени в многомерном информационном пространстве различных корпоративных знаний.

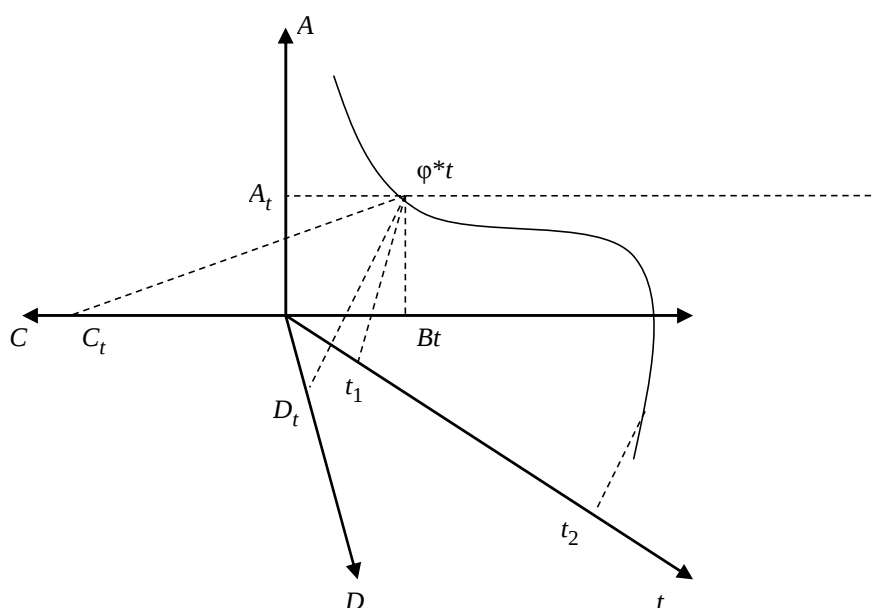

Рис. 4

Рассматривая особенности наукоемких производств, необходимо ответить на вопрос, выступают ли последние производителями (создателями) передовых технологий или же они выступают в роли пользователей этих технологий. С точки зрения авторов, в данном вопросе имеет смысл использование «гибридного» подхода, поскольку наукоемкие производства, как правило, производят передовые технологии, а значит могут их применять в своих продуктах и (или) услугах. Обычно наукоемкие предприятия имеют собственные подразделения «R&D», где производятся современные технологии.

Особенности наукоемких предприятий можно разделить на следующие четыре группы:

- финансовые особенности: итоговый размер финансовых затрат (капитальные затраты и инвестиционные риски);
- кадровые особенности: гибкость организационной структуры, тесные взаимоотношения с университетами, потенциал кадрового состава, способность к накоплению, производству и трансляции знаний;
- ресурсные особенности: быстрое распространение технологических инноваций, объем и разнообразие собранной и обработанной информации, знаний и уникальных компетенций персонала;
- особенности идей: высокие показатели творчества, предпринимательства, быстрое обесценивание прикладных технологий, использование современных IT-решений для реализации.

В настоящее время существует необходимость в определении набора ключевых показателей результативности для эффективного управления наукоемкими производствами с учетом их особенностей в рамках концепции адаптивных бизнес-процессов.

Проблема выбора ключевых показателей результативности в рамках концепции адаптивных бизнес-процессов наукоемких производств может быть представлена в виде иерархической модели. Предлагается рассмотреть процесс выбора КРП по каждой перспективе сбалансированной системы показателей в отдельности. Так, фокусом предлагаемой иерархической модели является выбор ключевых показателей результативности по перспективе «Обучение и развитие», что в наибольшей степени соответствует специфике наукоемких производств. В качестве альтернатив данной модели предлагается рассмотреть восемь групп альтернатив: группа

KPI1 – затраты на НИОКР, группа KPI2 – материально-технические ресурсы, группа KPI3 – результативность НИОКР, группа KPI4 – общая результативность инновационной деятельности, группа KPI5 – объем реализованных товаров/проектов/технологий, группа KPI6 – развитие интеллектуального потенциала, группа KPI7 – научно-технический уровень производимой продукции/проектов/технологий, группа KPI8 – научные изыскания творческого коллектива. Сценарий иерархической модели представлен четырьмя акторами и целями акторов.

Для решения поставленной задачи используем метод анализа иерархий. Пусть проблема исследования, включающая цель, которая представит фокус иерархии, – E_{ij} , где i – номер уровня иерархии; j – порядковый номер. Обозначим критерии и альтернативы. Критерии K_{ij} отражают основные показатели деятельности наукоемких производств. Альтернативы A_{ij} отражают возможные варианты решения поставленной проблемы. На основании таблицы, разработанной в [6], построим иерархическую модель (рис. 5).

Рис. 5

Экспертные предпочтения и полученные приоритеты приведены в матрицах попарных сравнений (табл. 1–5). Экспертные предпочтения и полученные приоритеты приведены в матрицах попарных сравнений относительно альтернатив (табл. 6–13).

Таблица 1

Выбор группы KPI	Жизненный цикл	Результат деятельности	Отрасль возникновения	Ресурсная база	Вес актора
Жизненный цикл	1	4	3	5	0,48
Результат деятельности	1/4	1	1/2	2	0,15
Отрасль возникновения	1/3	2	1	4	0,292
Ресурсная база	1/5	1/2	1/4	1	0,078

Таблица 2

Жизненный цикл	Начальный этап	Этап роста	Вес
Начальный этап	1	1/5	0,17
Этап роста	5	1	0,83

Таблица 3

Результат деятельности	Товар/Продукт	Технология/Проект	Вес
Товар/Продукт	1	1/7	0,15
Технология/Проект	7	1	0,85

Таблица 4

Отрасль возникновения	Рыночная среда	Научная среда	Вес
Рыночная среда	1	1/9	0,1
Научная среда	9	1	0,9

Таблица 5

Ресурсная база	Самообеспечение	Предоставляется инвестором	Вес
Самообеспечение	1	1/5	0,17
Предоставляется инвестором	5	1	0,83

Таблица 6

Начальный этап	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	1/5	3	1/4	1/3	1/3	1/2	1/2	0,1041
a_2	5	1	3	2	3	4	2	2	0,3819
a_3	1/3	1/3	1	1	2	1	1	3	0,0907
a_4	4	1/2	1	1	1	2	1/2	1	0,0976
a_5	3	1/5	1/2	1	1	2	2	2	0,0791
a_6	3	1/4	1	1/2	1/2	1	1/3	1	0,0967
a_7	2	1/2	1	1/2	1/2	3	1	1/2	0,0529
a_8	2	1/2	1/3	1	1/2	1	2	1	0,0967

Таблица 7

Этап роста	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	2	1/2	3	1	1	1	1	0,1414
a_2	1/2	1	1	1	3	3	1	1	0,1487
a_3	2	1	1	1	1	1	1	3	0,1541
a_4	1/3	1	1	1	1	1	2	1	0,1171
a_5	1	1/3	1	1	1	3	1	1/2	0,113
a_6	1	1/3	1	1	1/3	1	1	1	0,0936
a_7	2	1/2	1	1/2	1/2	3	1	3	0,1296
a_8	1	1	1/3	2	1	1	1/3	1	0,1021

Таблица 8

Товар/Продукт	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	2	1/3	3	1	1	1	1	0,1342
a_2	1/2	1	1	1	3	3	1	1	0,14875
a_3	3	1	1	1	1	1	1	3	0,162
a_4	1/3	1	1	1	1/3	3	2	1	0,117
a_5	1	1/3	1	3	1	3	1	1/2	0,1295
a_6	1	1/3	1	1/3	1/3	1	3	1	0,09365
a_7	1	1	1	1/2	1	1/3	1	3	0,1129
a_8	1	1	1/3	1	2	1	1/3	1	0,102

Таблица 9

Технология/Проект	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	2	2	3	2	1/3	1/3	1	0,1364
a_2	1/2	1	3	2	1/3	1/3	1	1	0,1052
a_3	1/2	1/3	1	1	1/2	1	1	1	0,0884
a_4	1/3	1	1	1	1	1	2	1	0,1147

Окончание табл. 9

Технология/ Проект	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_5	1/2	3	2	1/2	1	1	3	3	0,1671
a_6	3	3	1	1	1	1	1	4	0,1888
a_7	3	1	1	1/2	1/3	1	1	1	0,1106
a_8	1	1	1	1	1/3	1/4	1	1	0,0884

Таблица 10

Рыночная среда	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	1/5	3	1/4	1/3	1/3	1/2	1/2	0,1041
a_2	5	1	3	2	3	4	2	2	0,3819
a_3	1/3	1/3	1	1	2	1	1	3	0,0907
a_4	4	1/2	1	1	1	2	1/2	1	0,0976
a_5	3	1/5	1/2	1	1	2	2	2	0,0791
a_6	3	1/4	1	1/2	1/2	1	1/3	1	0,0967
a_7	2	1/2	1	1/2	1/2	3	1	1/2	0,0529
a_8	2	1/2	1/3	1	1/2	1	2	1	0,0967

Таблица 11

Научная среда	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	2	1/3	3	1	1	1	1	0,1342
a_2	1/2	1	1	1	3	3	1	1	0,14875
a_3	3	1	1	1	1	1	1	3	0,162
a_4	1/3	1	1	1	1/3	3	2	1	0,117
a_5	1	1/3	1	3	1	3	1	1/2	0,1295
a_6	1	1/3	1	1/3	1/3	1	3	1	0,09365
a_7	1	1	1	1/2	1	1/3	1	3	0,1129
a_8	1	1	1/3	1	2	1	1/3	1	0,102

Таблица 12

Самообеспечение	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	7	1	1	1/2	1	1	1	0,1439
a_2	1/7	1	1	6	1	1	1	2	0,1316
a_3	1	1	1	1	1	2	3	1	0,1539
a_4	1	1/6	1	1	1	1	1	1	0,0983
a_5	2	1	1	1	1	3	1	1/2	0,1411
a_6	1	1/3	1	1	1/3	1	1	1	0,0983
a_7	1	1	1/3	1	1	1	1	1/2	0,0983
a_8	1	1/2	1	1	2	1	2	1	0,1342

Таблица 13

Предоставляется инвестором	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_1	1	2	1/2	3	1	1	1	1	0,1414
a_2	1/2	1	1	1	3	3	1	1	0,1487
a_3	2	1	1	1	1	1	1	3	0,1541
a_4	1/3	1	1	1	1	1	2	1	0,1171
a_5	1	1/3	1	1	1	3	1	1/2	0,113

Предоставляется инвестором	a_1	a_2	a_3	a_4	a_5	a_6	a_7	a_8	Вес
a_6	1	1/3	1	1	1/3	1	1	1	0,0936
a_7	2	1/2	1	1/2	1/2	3	1	3	0,1296
a_8	1	1	1/3	2	1	1	1/3	1	0,1021

В результате вектор весов целей будет иметь следующий вид: жизненный цикл [0,7225; 0,277]; результат деятельности [0,4155; 0,5695]; отрасль возникновения [0,339; 0,673]; ресурсная база [0,6411; 0,3589]. Полученный нормированный вектор будет применен для получения весов сценариев: [0,1655; 0,1263; 0,1238; 0,1234; 0,1231; 0,117; 0,1111; 0,1095]. Таким образом, задача выбора групп КРІ сводится к оценке их приоритетности. Для рассматриваемой перспективы системы сбалансированных показателей, согласно экспертным оценкам, наиболее приоритетной будет первая группа показателей результативности КРІ1 – затраты на НИОКР, в то время как группа КРІ2 – материально-технические ресурсы, группа КРІ3 – результативность НИОКР, группа КРІ4 – общая результативность инновационной деятельности имеют приблизительно равный приоритет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусакова И. А. Основные направления технологической модернизации наукоемкого производства // IX всерос. науч.-практ. конф. «Современные проблемы менеджмента»: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 23 апр. 2015 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 3–19.
2. Исследование тенденций развития информационного менеджмента в современных условиях / И. А. Брусакова, В. И. Фомин, М. А. Косухина, С. Н. Панин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та управления и экономики, 2014. 138 с.
3. Брусакова И. А. Инструментарий системного анализа эффективности деятельности цифрового предприятия // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XIX междунар. науч.-практ. конф. 1–3 июля 2015 г. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, Ч. 2. 2015. С. 16–22.
4. Брусакова И. А. Формирование бизнес-решений когнитивной экономики: сб. докл. XVIII междунар. науч.-практ. конф. по мягким вычислениям и измерениям «SCM-2015». СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 251–255.
5. Брусакова И. А., Косухина М. А. Введение в адаптивные бизнес-процессы // Междунар. науч.-практ. конф. по современным проблемам прикладной информатики: сб. науч. тр. 23–25 мая 2012 г. СПб.: Элмор, 2012. С. 6–9.
6. Артюгина И. М., Огороков Р. В., Мелентьев Л. А. Методы технико-экономического анализа в энергетике. Л.: Наука, 1989. 263 с.

I. A. Brusakova, M. A. Kosukhina, V. I. Fomin
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

INTRODUCTION TO ADAPTIVE BUSINESS PROCESSES MANAGEMENT IN HIGH TECHNOLOGY ENTERPRISES

The article describes the key features of high-tech industry as a production based on knowledge, interpretation of the adaptive business processes concept is proposed, the approach to setting the key performance indicators of business processes and hierarchical model of selecting key performance indicators within the concept of adaptive business processes are developed.

Adaptive business processes, business system, business-architecture of a digital enterprise, high-tech production, balanced scorecard

УДК 331.104

О. А. Швецова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ КЛЮЧЕВОГО ПЕРСОНАЛА НАУКОЕМКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Рассматривается актуальная проблема мотивации представительной группы высококвалифицированных специалистов отечественных наукоемких предприятий. Изучаются подходы к исследованию мотивационных факторов инновационных процессов для задач модернизации отечественного производства.

Мотивация персонала, инновационный процесс, инновационный потенциал, высокотехнологичное производство, модернизация производства

Основными факторными причинами структурных сдвигов в национальной экономике на современном историческом этапе являются периодические изменения рыночной конъюнктуры, обширная национальная модернизация высокотехнологичного сектора на основе индикативного управления и развитие профессиональных компетенций специалистов, востребованных для трансформации и продуцирования знаний, технологий, инноваций. Развитие технологических и нетехнологических областей российской экономики носит циклический характер. Среди причин структурных сдвигов секторов национальной экономики – экзогенные и эндогенные факторы, которые проявляются на микро- и макроуровне национальной экономической системы.

Запуск ускорительного процесса структурных сдвигов в инновационных и высокотехнологичных секторах экономики обычно связан с функциональными экономическими циклами (Д. Китчена, С. Кузнецца), так и циклами развития Н. Кондратьева. Принято считать, что и восходящая, и нисходящая волна макроэкономического цикла влияет на интенсивность структурных сдвигов в секторах экономики и сопровождается изменением приоритета лидирующих инновационных технологий. В нисходящей траектории макроэкономического цикла элементы структуры высокотехнологичного сектора экономики являются не столь устойчивыми, характеризуются сокращением инновационной и инвестиционной привлекательности производственного сектора, трансформацией производственного спроса на ресурсных рынках. Элементы институциональной структуры рынка трудовых ресурсов в различных секторах экономики, связанных с технологиями в области инноваций, подвержены влиянию макроэкономических циклов. Известно, что экономические кризисы наносят существенный вред структуре производства, экономическим отношениям, формы занятости ключевого персонала теряют устойчивость. Высокотехнологичный сектор экономики как ключевой элемент национальной экономики в России в настоящее время проходит стадию трансформационного сдвига в результате кризиса отношений с зарубежными инвесторами, снижения производства наукоемких технологий, изменения форм привлечения работников.

Расширение использования промышленных и системных инноваций в секторах экономики влечет за собой создание специализированных рабочих мест с более высоким уровнем производительности труда, усиление горизонтальной интеграции структуры производства и региональных рынков. Результатом формирования высокотехнологичного сектора экономики в регионах страны являются сильные промышленные кластеры, которые как точки экономического роста становятся генератором инновационного спроса, источником развития профессионального рынка рабочей силы и моделей социального партнерства территорий. Взаимодействие экономических факторов экономического роста создает неустойчивую динамику, циклическую динамику структурных преобразований секторов экономики и рынка рабочей силы, вызывая смену востребованных профессионально-квалификационных групп сотрудников, что требует новых эффективных форм мотивации персонала.

В наукоемких отраслях отечественной экономики можно рассматривать два подхода к мотивации ключевого человеческого ресурса: 1) классический подход, основанный на управленческих технологиях, соответствующих эпохе «индустриальной экономики» и реализуемых в рамках промышленного технологического уклада; 2) инновационный (или знаниевый) подход, ориентированный на предприятия, функционирующие в более современном технологическом укладе (экономика, основанная на знаниях). Руководителями данных организаций определяются особенности инновационных управленческих технологий, а также преимущества и ограничения их внедрения в деятельность современных инновационных предприятий.

В работах М. А. Бенедиктова, А. А. Буреева [1], [2] предлагается авторская трактовка понятия и сущности инновационных процессов как ключевой компетенции наукоемких производств. В качестве инновационного процесса данные авторы рассматривают процесс трансформации научного знания в инновацию, который можно описать как последовательную цепочку событий, в процессе которых инновация «вырастает» из научных идей в конкретные новые продукты, технологии или услуги и распространяется при прикладном использовании.

Можно выделить следующие признаки высокотехнологичных производств [3], [4]:

- комплексные высокотехнологические процессы;
- наукоемкие изделия;
- существенная доля затрат на НИОКР;
- высококвалифицированные специалисты со специфическими ключевыми компетенциями;
- постоянный кадровый дефицит квалифицированного персонала;
- высокий процент экспортной продукции в общем объеме производимой продукции;
- стабильные зарубежные связи и технологическое сотрудничество;
- централизованные корпоративные учебные центры подготовки персонала;
- качественная инвестиционная привлекательность и высокая динамичность производственного процесса.

Среди отраслей высокотехнологичного сектора российской экономики находятся следующие кластерные объединения: ядерный ТЭК, связь, телекоммуникации, химия и нефтехимия, фармацевтическая промышленность, энергетика, электроника, авиастроение, ракетостроение, оборонная промышленность [3].

В современных экономических и политических условиях наукоемкие предприятия как никогда требуют новейших отечественных и зарубежных практик в управлении человеческим ресурсом (табл. 1).

Таблица 1

Управление, ориентированное на результат: – делегирование зон ответственности; – моделирование ситуаций сотрудничества работников	Управление на основе коллективного участия в общем процессе: – повсеместный контроль качества продукции; – заинтересованность работника и его развитие в инновационной деятельности, в том числе через образовательный процесс и процесс наставничества
Управление с помощью мотивационных технологий: – рациональная модель вознаграждения; – мотивационная модель самореализации; – мотивационная модель сопричастности к результатам организации в целом	Рамочное управление с активным привлечением всех сотрудников: – поощрение инициативы сотрудников; – развитие коммуникативных навыков сотрудников
Управление на основе предпринимательства: – соревновательная атмосфера в коллективе сотрудников; – выполнение совместных проектов работниками	

Формирование и развитие профессиональных компетенций сотрудников высокотехнологичных предприятий можно представить в виде трех «этапов» [5]:

- «Растущие специалисты»;
- «Замерзшие специалисты»;
- «Движущиеся вниз специалисты».

Оценка потребностей и планирование профессиональных компетенций персонала высокотехнологичных предприятий позволяет определять задачи стратегического кадрового потенциала предприятия в целом (рис. 1).

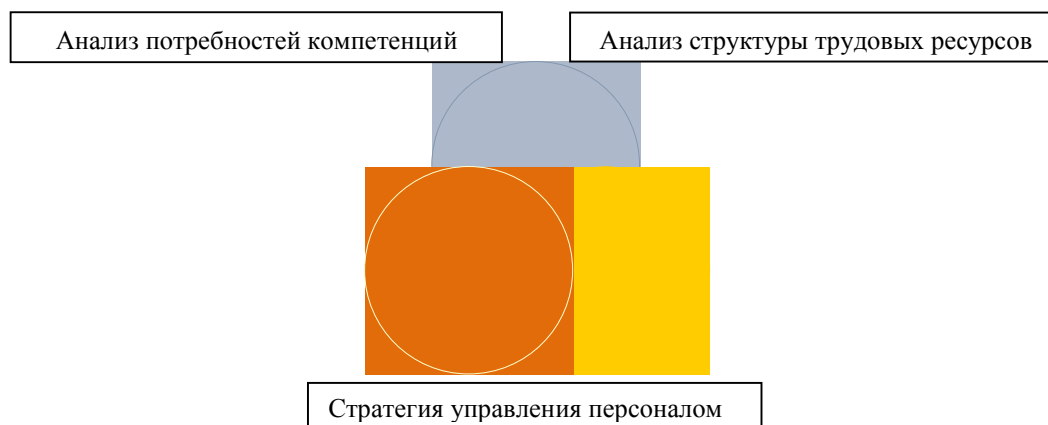

Рис. 1

На основе анализа деятельности ряда отечественных предприятий можно выявить ограничения развития профессиональных компетенций сотрудников компаний высокотехнологичных отраслей экономики:

- слабый уровень развития знаний и навыков линейных руководителей;
- неработающие способы разработки и принятия управленческих решений;
- недостаточно развитый уровень креативных навыков сотрудников и командообразования;
- отсутствие мотивации сотрудников к использованию нововведений;
- соперничество сотрудников и конфликтное поведение в группе, высокая степень индивидуализма;
- неэффективные неформальные отношения сотрудников, отсутствие эффективной системы коммуникации.

В качестве примера работы с ограничениями развития профессиональных компетенций можно привести практику использования концепции японского менеджмента в управлении ключевыми сотрудниками предприятий ядерного ТЭК (Госкорпорация «Росатом», ОАО «ТВЭЛ», ОАО «СХК») [6]:

- гибкие процессы управления специалистами, регламентация процедур;
- адаптивные механизмы материального вознаграждения;
- уменьшение доли административных ресурсов в общей численности сотрудников;
- ориентация на проектно-целевые группы и командообразование;
- реализация непрерывного обучения в системе корпоративного обучения;
- всеобщее участие в качестве продукции и разделение ответственности за качество получаемых результатов.

В современных непростых экономических условиях многие отечественные производственные компании активно материально поддерживают задачи производственного процесса. Однако на формирование фонда материального вознаграждения персонала средств не хватает. Этот фактор зачастую повышает уровень демотивации сотрудников, и это создает определенную угрозу: снижается уровень лояльности ключевого персонала к компании, возможно проявление девиантного поведения, а также повышение коэффициента текучести персонала. Компания лишится возможности развиваться и формировать конкурентные стратегии. Однако демотивированные, но встроенные в инновационный процесс сотрудники представляют собой стратегическую (часто имплицитную) угрозу: в кризисные моменты такой персонал не проявит лояльность к компании, не создаст риск-ориентированную модель инновационного поиска или вовсе уйдет из фирмы в поисках новых возможностей (очевидно в конкурирующих системах).

Зачастую компании с эффективным кадровым менеджментом пытаются заменить материальную мотивацию на нематериальные инструменты воздействия, тем самым демонстрируя свою заинтересованность в удовлетворении потребностей и интересов сотрудников, а демотивация сотрудников, инновационно ориентированных и профессионально состоявшихся, разрушительна.

К нематериальным способам воздействия на работника в кадровом менеджменте высокотехнологичных предприятий относятся:

1. Патернализм – в отношении работника проявляется некоторое опекуновство, он чувствует заботу и внимание со стороны руководства. Работника вовлекают в разнообразные мероприятия по управлению организацией, предоставляют лояльные возможности для личного и неформального общения, широкое делегирование полномочий и разделение зон ответственности, систему дополнительных льгот для устранения конфликтов и напряженности в коллективе.

2. Патриотизм – формирование миссии предприятия, которая близка по духу работникам, актуальна, адекватна современным реалиям, достижима. Мотивация патриотизма может быть реализована как средствами во внутренней среде организации, так и через существующую стратегию и политику региональных представителей, отрасли и государства в целом.

3. Организационные стимулы – стимулирование значимостью, условиями и организацией работы. Способ воздействия на мотивы сотрудников позволяет получать ими удовлетворение от процесса выполнения работы и вытекает из содержания самой работы. Необходимо организовать работу персонала таким образом, чтобы она совпадала с их естественными побудительными стимулами. Некоторые специалисты-практики называют этот процесс формой организационной эргономики.

4. Партисипативность и участие в управлении – привлечение сотрудника к управлению, использование открытого типа информационной культуры, т. е. предоставление большого объема управленческой информации в открытом доступе через корпоративные базы данных, право голоса в принятии решений, долевое участие в прибыли и капитале организации, возможность получения значимого процента от стоимости заказа при привлечении его в организацию.

Исследование работ в области экономики и социологии управления и практического опыта инновационных компаний позволяет представить четыре этапа процесса использования инновационных технологий стимулирования сотрудников в организациях:

1. Формирование и представление специализированной программы мотивации персонала с указанием особенности мотивационных механизмов для каждой группы персонала.

2. Определение зон ответственности каждого линейного руководителя за тот или иной механизм мотивации в своих подразделениях.

3. Создание рабочей группы из представителей отдела персонала и специалистов производственных подразделений с целью выполнения контроля над результатами работ.

4. Анализ инструментов мотивации, их оценка, определение сильных и слабых сторон механизма разработки и реализации инноваций, внедрение мер по их дальнейшему развитию.

Авторами предлагаются инновационные инструменты системы мотивации и стимулирования ключевых сотрудников высокотехнологичных производств (рис. 2).

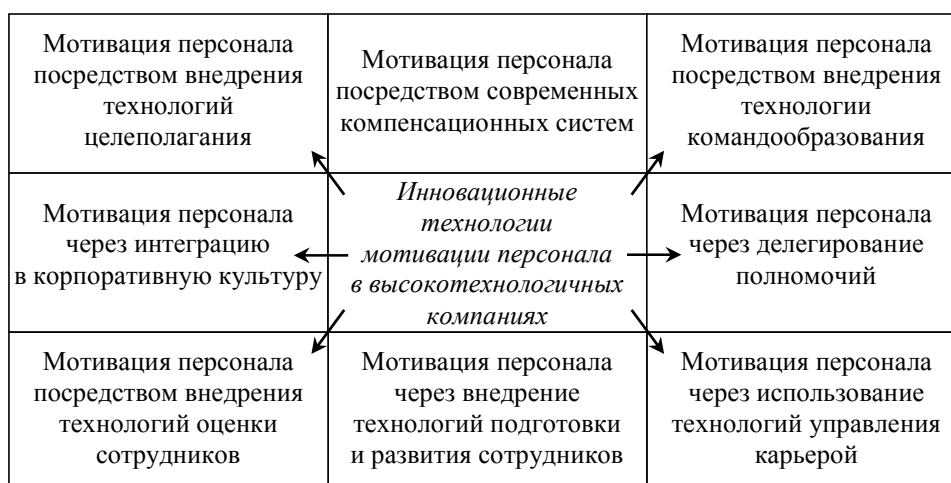

Рис. 2

Предлагаемая модель – не просто арифметическая сумма составляющих ее управленческих технологий, но и:

1) машинальное прибавление (убавление) какого-либо из элементов этой системы, которое не способно привести к адекватному изменению ее консолидированного мотивационного потенциала. Мотивационный потенциал является итогом синергетического взаимодействия данных инструментов;

2) выявление потребностей и усиление мотивационного потенциала. Целостность указанной модели способствует развитию негативных последствий, а именно утрате элементами системы суверенитета. Их работа в рамках системы окрашивает элементы новым мотивирующим качеством, освобождает и существенно увеличивает их первичный мотивационный потенциал;

3) «начальный» мотивационный ресурс элементов модели, первоначально присутствующий в них как возможность, который благодаря процессам, возникающим в системе, трансформируется в реальность.

Участие в управленческих процессах может приобретать различные форматы, в той или иной степени доказывающие свою эффективность, – от оказания предварительных консультаций с представителями работников перед принятием управленческих сигналов, соучастия в решении возникающих проблемных сигналов с помощью создания кружков качества, самостоятельных групп до исполнения представительными органами работников (советами, комитетами, комиссиями) конкретных управленческих функций.

Для повышения эффективности управления необходимо соблюдать следующие условия:

- управляющий сотрудник и сотрудники-исполнители должны иметь достаточное количество времени для выполнения этой функции (в кризисных ситуациях подобная практика нецелесообразна);
- возможные выгоды от участия в управлении должны покрывать затраты (например, временной период, отводимый на участие в управлении, не должен превышать время, отводимое на основные рабочие операции);
- работники проявляют стимулы в участии в управлении;
- компетенции и квалификация работников должны позволять им принимать участие в управлении;
- участники рабочих процедур должны обладать компетенциями к взаимодействию в рамках первичных неформальных структур, что предоставляет им возможность первичной апробации идей и нетривиальных решений;
- стороны не должны относиться к участию в управлении как к угрозе (например, работники способны воспринимать указания руководства как возможно опасные или же руководитель может считать, что участие в управлении не соответствует его статусу);
- применение практики участия в управлении должно преподноситься как свобода выбора рабочих заданий группы (каждое подразделение не имеет права принимать решение, нарушающее политику компании).

Участие коллектива в управлении и совладении предприятием как стратегическая форма развития принимается все большим количеством бизнес-структур. Одной из причин востребованности указанного метода является экономический аспект его использования: привлечь средства внутренних ресурсов (продав акции организации работникам) выгоднее и менее рискованно, нежели со стороны.

Это участие может быть реализовано на нескольких уровнях. На уровне конкретного рабочего места или рабочей группы управленческие решения или рационализаторские предложения принадлежат к техническим условиям трудового процесса, коммуникации с коллегами, трудовым условиям, ежедневным вопросам управления персоналом; на уровне организации – это участие персонала в решении вопросов стратегического ориентира (производственное целеполагание, инвестиции, распределение дохода, организационная структура). Кроме того, эти вопросы касаются конкретных трудовых отношений в ситуации «работник – работодатель» (оплата труда, отпуска, рабочее время, социальные гарантии). На следующем уровне персонал участвует во взаимоотношениях между предприятием и профсоюзом, которые носят отраслевой и межотраслевой характер.

Формирование потенциала ключевого персонала – планирование карьерной лестницы, работа с кадровым резервом, корпоративное обучение, наставничество, менторство, коучинг, тьюторство, ротация, повышение и др.

Указанный способ мотивации основан на потребностях в самовыражении и стремлении каждого сотрудника развиваться, преумножая знания, навыки и опыт. При использовании руководством организации данного вида стимулирования оказывается благотворное влияние не только на уровень удовлетворенности трудом персонала, но и на преумножение человеческого ресурса собственного предприятия через формирование компетенций. Трансформация управленческих процессов под влиянием рыночных отношений означает стремительную динамику изменения требований к качественным параметрам трудового ресурса. Акулы бизнеса (особенно промышленные производства) наращивают инвестиции в подготовку персонала, поскольку внешние рыночные условия и система обучения кадров все меньше соответствуют потребностям высокотехнологичных производств. В этой ситуации многие предприятия идут на увеличение вложений в развитие персонала и считают это действие главным конкурентным фактором.

Создание ключевых компетенций сотрудников компании формирует лояльность персонала, которая выявляет устойчивые способности и обоснованную мотивацию к выполнению задач. Естественно, что это приводит к росту производительности и, соответственно, к увеличению ценности человеческого ресурса организации.

В социальной среде организации может быть использовано психологическое влияние на сотрудников, например оно может быть осуществлено как в позитивной форме – передача информации о заслугах специалиста, оценка руководителя и коллег, признание заслуг, так и в негативной – порицание, наказание, угроза потери работы.

Указанный способ мотивации существенно зависит от личности руководителя, который осуществляет влияние и управление.

Можно определить наиболее распространенные методы психологического влияния на персонал организации:

- убеждение – обоснованное с применением аргументации воздействие на человека или группу лиц, имеющее своей целью корректировку их суждения, отношения, намерения или решения, например при постановке целей;
- внушение – обоснованное, но без применения аргументации воздействие на человека или группу лиц, имеющее своей целью корректировку их состояния, понимания чего-либо и склонности к определенным рабочим поступкам, например в ситуациях, когда управленец осуществляет непопулярные среди сотрудников действия – сокращение численности персонала, отмену дополнительных гарантий, изменения в процессе обучения и развития;
- самопродвижение – представление своих принципов, целей, гарантий и предъявление подтверждений своей компетентности и опыта для получения личных выгод; например, такое поведение может предпринимать менеджер среднего звена для повышения личного авторитета при проведении переговоров с новыми интересными клиентами для получения преимуществ на выборах, при назначении на должность;
- заражение – трансляция своего состояния или отношения человеку или группе лиц, которые ощущают передаваемое состояние или отношение; транслироваться состояние способно как непроизвольно, так и управляемо, приживаться при формировании черт корпоративной культуры, например общественных мероприятий, спортивного отдыха, корпоративного стиля в одежде;

- пробуждение импульса к подражанию – навык оказывать стремление быть похожим на себя; например, данный метод может быть применим харизматичным лидером с использованием образа успешной компании;

- просьба – обращение к коллеге, имеющее своей целью удовлетворить потребности или желания инициатора воздействия, например: стремление руководителя сделать подчиненного участником ситуации приводит к формированию у подчиненного чувства значимости; зачастую руководители производственных и наукоемких предприятий выдвигают просьбы выполнить определенный проект, поискать ресурсы;

- принуждение (в условиях жесткого временного дефицита в рамках проектных решений и динамики) – угроза применения инициатором своих директивных способностей с целью добиться от адресата желаемого поведения; к примеру, наиболее часто указанный способ основан на понимании значимости безопасности, руководитель указывает подчиненным, что в его силах лишить их всяческих прав; все это оказывает сильное влияние на персонал;

- манипуляция – скрытое управление адресатом в участии в переживаниях, принятии решений, выполнении действий, необходимых для личных целей самого инициатора, т. е. руководителя, например желание работника руководить сложным производственным участком может длительное время стимулировать его на организацию работы других специалистов без дополнительных материальных стимулов.

В инновационно-технологической среде усиливается и усложняется по своей структуре спрос на творческие и креативные компетенции квалифицированного персонала, учитывающие межличностные коммуникативные способности и активный обмен ключевой информацией. Аналитические, поисковые и исследовательские компетенции специалиста высокотехнологичного производства становятся важнейшим элементом развития профессиональных компетенций с целью управления корпоративными знаниями и инновациями. Информация, знания, навыки, таланты наемного работника трансформируются в лидирующий фактор формирования конкурентных преимуществ на рынке труда и трудовых отношений, преумножая ценность прикладных технических навыков и инновационной культуры. Высококвалифицированный специалист как носитель знаний и инновационной культуры, социально ориентированных ценностей становится источником развития инновационных технологий и новых организационных форм наукоемкого производства, способных стимулировать внедрение различных технологий адаптации рынка рабочей силы к компетентностным требованиям реального сектора экономики. Профессиональные и корпоративные ценности специалиста отражают уровень развития культуры, когнитивных способностей, таланта и социально ориентированных потребностей, институализируются наемным специалистом и работодателем в период совместной деятельности, что приводит к изменению структуры социально-экономического развития производственных территорий, формированию новых узкоспециализированных, инновативных продуктовых рынков и услуг.

Таким образом, в современных экономических условиях квалифицированный специалист предприятий наукоемких отраслей экономики рассматривается не только как исполнитель производственных задач, он становится активным и заинтересованным участником инновационной деятельности организации. Участие в управлении и творение инновационного продукта является элементом системы участия коллектива предприятия в целом, включающей также участие в прибылях и собственности. При этом участие в прибылях и собственности относится к системе материального вознаграждения, а участие в управлении – к

внешней (создание соответствующих условий со стороны руководства) и внутренней мотивации нематериального стимулирующего характера (развитие у ключевого персонала чувства самодетерминации и компетентности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутузов В. М., Шапошников С. О., Швецова О. А. Роль IEEE в формировании стратегического партнерства вуза и промышленных предприятий // Материалы XIV Всероссийской науч.-практ. конф. «Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона». Санкт-Петербург, 11–12 нояб. 2015 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015. С. 125–136.
2. Международный менеджмент: учеб. для вузов. 4-е изд. / С. Э. Пивоваров, Л. С. Тарасевич, А. В. Бутуханов и др. СПб.: Питер, 2008. 678 с.
3. Ольховский В. В. Методы и источники формирования нематериальных активов организации // Новое в экономике и управлении. Вып. 8. М.: МАКС Пресс, 2006. 192 с.
4. Трифонова Н. В. Влияние кризисного события на мотивационные усилия менеджмента // Вопр. новой экономики. 2009. № 2. С. 71–73.
5. Швецова О. А. Применение компетентностного подхода в управлении человеческими ресурсами // Изв. СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2015. № 3. С. 75–85.
6. Shvetsova O. A. Human resource management in inter-national business // Innovation Management and Sustainable Economic Competitive Advantage: From Regional Development to Global Growth: Proceedings of The 26th International Business Information Management Association Conference. 2015. P. 1606–1618.

O. A. Shvetsova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

MOTIVATION OF THE PERSONNEL OF HI-TECH PRODUCTIONS

The actual problem of motivation of representative group of highly qualified specialists of domestic knowledge-intensive enterprises is considered in the article. Approaches to research of motivators of innovative processes for problems of modernization of a domestic production are studied.

Motivation of the personnel, innovative process, innovative potential, hi-tech production, production modernization

УДК 378.1; ББК 74.5

Т. Д. Маслова*Санкт-Петербургский государственный экономический университет***М. В. Чигирь***Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «МЕНЕДЖМЕНТ»

Анализируется опыт подготовки магистров по направлению «Менеджмент» с выделением современных факторов, оказывающих влияние на процесс подготовки магистров, выявляются проблемы, решение которых зависит от образовательного учреждения, реализующего программы подготовки магистров. Приводятся данные опроса магистрантов о пользе зарубежных стажировок во время обучения в магистратуре и решения выявленных проблем подготовки магистров по направлению «Менеджмент».

Магистратура по направлению «Менеджмент», качество подготовки магистров, зарубежные стажировки, требования к условиям реализации программ

Известно, что опыт и проблемы реализации магистерских программ по направлению «Менеджмент» с высокой периодичностью освещаются в научно-образовательной среде на разных уровнях управления – от преподавателя конкретной дисциплины до Министерства образования и науки Российской Федерации [1]–[4]. Это объясняется востребованностью программы, которую в Москве реализуют 169 вузов, в Санкт-Петербурге – 58 вузов, всего в Российской Федерации из 1990 вузов по состоянию на январь 2015 г. – 1392, или 70 % вузов осуществляют подготовку выпускников по направлению «Менеджмент», что свидетельствует о востребованности программы обучающимися и растущих потребностях рынка труда.

Отличительным фактором, воздействующим на реализацию программ текущего момента, является сокращение бюджетных мест по обучению магистров по направлению «Менеджмент», особенно существенно затронувшее технические вузы (табл. 1).

Таблица 1

№	Вуз (Санкт-Петербург)	Количество бюджетных мест по очной форме обучения по годам, чел.	
		2015	2016
1	Санкт-Петербургский государственный университет	80	95
2	Санкт-Петербургский государственный экономический университет	210	186
3	Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»	60	60
4	Университет ИТМО	54	53
5	Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)	10	Нет
6	Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения	2	Нет
7	Санкт-Петербургский государственный аграрный университет	5	Нет

№	Вуз (Санкт-Петербург)	Количество бюджетных мест по очной форме обучения по годам, чел.	
		2015	2016
8	Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова	30	Нет
9	Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов	30	40

Мнения должностных лиц, непосредственно причастных к формированию и реализации политики подготовки магистров-менеджеров, о переизбытке квалифицированных специалистов в управлении, постоянно звучащие на разных уровнях управления в последнее время, ничем не обоснованы. Напротив, требование ускоренного внедрения инноваций во всех сферах деятельности для повышения конкурентоспособности российских производителей невозможно осуществить без высококвалифицированных управленцев, так же как и инженеров, юристов, учителей, являющихся движущей силой (драйвером) – главным условием модернизации экономики и ускорения ее развития. Крупные компании сегодня все больше доверяют специалистам с профильным экономическим и управленческим образованием. Информация о числе выпускников вузов в составе правления крупнейших компаний России из списка «Эксперт-400», по данным 2015 г., приведена на рис. 1.

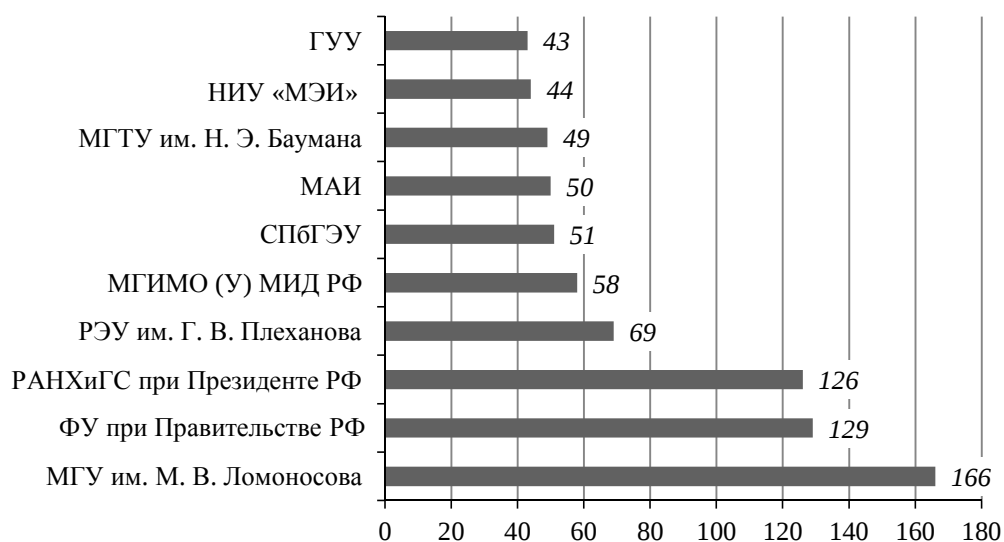

Рис. 1

О росте популярности технического образования в магистратуре свидетельствует увеличение за 2015 г. иностранных обучающихся на 8 %, тогда как в экономических вузах их количество сократилось на 9 %. Кроме того, за 2015 г. технические вузы из топ-100 рейтинга «Эксперт РА» сократили отставание от экономических вузов по стоимости платного обучения; так, если в экономических вузах средняя стоимость обучения сократилась на 1 %, то в технических она выросла на 8 % [5].

Сдерживание бюджетного приема абитуриентов для подготовки магистров по направлению «Менеджмент» в технических вузах могло бы найти оправдание в увеличении бюджетного финансирования, приходящегося на одного студента. Однако это не так. Затраты на подготовку одного студента в год в нашей стране в долларовом исчислении в 4,5 раза меньше,

чем с США, более чем в 2 раза меньше, чем в каждой из стран Европы – Германии, Великобритании, Франции и почти в 2 раза ниже, чем в Бразилии [6]. Чем тогда оправданы проводимые реформы, ведущие к сокращению подготовки высококвалифицированных специалистов и магистров, сказать затруднительно.

Сформировавшееся в течение длительного времени отношение к управлению, воспринимаемому как часть экономики, а не самостоятельная наука, со свойственными ей методологией, предметом, объектом и методами, до сих пор проявляется в неточном построении компетентностной модели менеджера высокой квалификации, окончившего магистратуру, которому для продвижения по карьерной лестнице необходимы такие компетенции, как: когнитивные (знаниевые); регулятивные (планирование организации и контроль деятельности менеджера); коммуникативные, личностные, характеризующие потребности управленца высших уровней: самопознание, самореализация, самоактуализация, самомотивирование и профессиональный рост. Перечисленные компетенции позволяют оценивать успешность деятельности управленца высшей квалификации в отличие от бытующего у нас и заложенного в нормативных документах способа оценки уровня его успешности через результаты труда коллектива, которым он управляет.

Проблема формирования компетентностной модели управленца высшей квалификации усложняется еще и тем, что подготовка магистров по данному направлению в России осуществляется как непосредственное продолжение программы бакалавриата, причем для России характерно, что на магистерские программы по направлению 38.04.02 «Менеджмент» поступают, как правило, бакалавры – в области лингвистики, PR, искусства, педагогики и прочие без практики трудовой деятельности. Все это не раз обсуждалось в научно-образовательном сообществе, но так и не привело к установлению необходимой для обучения в магистратуре практической деятельности после окончания бакалаврской программы.

Хотя в инициативном порядке в ряде вузов предлагались два варианта образовательной программы под одним названием: одна для лиц, имеющих соответствующий стаж профессиональной деятельности 3 года, другая – для выпускников бакалавриата текущего года выпуска. В условиях конкурентной борьбы за абитуриента этот вариант решения проблемы не всегда оправдывал себя.

Рассматриваемая проблема характерна не только для вузов России. Так, технические вузы Болгарии используют другой подход к ее решению, предлагая для выпускников непрофильных (по отношению к «Менеджменту») направлений отличающуюся по срокам освоения образовательную магистерскую программу. К примеру, Технический университет Варны реализует программу «Индустриальный менеджмент» с разными сроками освоения: 1,5 года для профильных выпускников бакалавриата и 2 года для всех остальных. Использование данного опыта в России ограничено положениями действующих ФГОС подготовки магистров.

Представляется, что с появлением ФГОС 3+ по направлению «Менеджмент» для бакалавриата, имеющего прикладную направленность, обозначенная проблема станет еще масштабнее вследствие предпочтения базовой академической подготовки для уровня магистратуры.

Нормативно-правовое обеспечение подготовки магистров также является одной из обсуждаемых проблем в этой области. В настоящее время подготовка магистров по направлению «Менеджмент» осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ

(ред. от 02.03.2016) «Об образовании в Российской Федерации», Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению 38.04.02 «Менеджмент» (уровень магистратуры), утвержденным приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 30.03.2015 № 322, зарегистрированным в Минюсте России 15.04.2015 № 36854, требованиями законодательства, предусмотренными данным стандартом и локальными нормативными документами образовательных учреждений высшего образования, реализующих подготовку магистров по направлению 38.04.02 «Менеджмент».

Основными проблемами нормативно-правового обеспечения программы являются неоднозначные требования к условиям реализации программы в части кадрового обеспечения, например предусмотренные в п. 7.2.2 ФГОС 3+ направления 38.04.02 «Менеджмент» уровня магистратуры требования, предъявляемые к образованию научно-педагогических работников по соответствию профилю преподаваемой дисциплины (модулю). Неясно, каким образом при проведении аккредитации программы будет проверяться выполнение этого требования и как правильно соблюсти его при реализации программы, так как образование, полученное научно-педагогическим работником, соответствует как минимум направлению, а не отдельно взятой дисциплине (модулю). Аналогичная проблема с п. 7.2.4, в котором речь идет о требованиях к доле научно-педагогических работников из числа руководителей и работников организации, деятельность которых связана с профилем программы и занятых в ней. Так как программа называется «Менеджмент», то любой руководитель любого уровня управления по своему профилю соответствует профилю данной программы, как и работники структурных подразделений, реализующих функции управления в них.

Особое значение имеют проблемы реализации программ подготовки магистров по направлению «Менеджмент», возникающие непосредственно в вузе, выявленные авторами в процессе анализа реализации программы на протяжении пяти лет, а именно:

1. Восприятие магистрантами процесса обучения как разрозненного, состоящего из отдельных дисциплин и модулей, слабо сопряженных с научными исследованиями, которым посвящаются магистерские диссертации.

2. Преобладающая роль специализации в обучении магистрантов, достигаемая путем преподавания и оценки результатов усвоения различных специализированных дисциплин рабочего учебного плана в ущерб решению интегрированных комплексных задач практического управления, осуществляемого управленческой командой.

3. Дисбаланс в обучении магистров, проявляющийся, с одной стороны, в превалировании обучения стратегическому анализу, с другой – в недостаточном внимании привитию навыков в проектном управлении, поиску управленческих инноваций, разработке методов, моделей и алгоритмов управления конкретными объектами.

4. Преобладающее обучение магистрантов анализу в ущерб синтезу и холистическому (целостному восприятию) управлению предприятием как интегрированной, целостной системой, что не всегда на практике приводит к способности магистрантов проектировать системы управления, формировать планы, ставить и реализовывать реальные задачи управления.

5. Отрыв преподаваемых магистрантам методов и инструментов управления от реальных условий, в которых функционируют предприятия, недостаточность привязки к практике управления.

6. Недостаточный уровень преподавания магистрантам дисциплин, формирующих компетенции межличностного общения, социально-психологические навыки управления, разрешения конфликтов, получения и работы с информацией.

Перечисленные проблемы могут быть решены в каждом конкретном вузе путем повышения требований к качеству учебного процесса, привлечения опытных, высококвалифицированных преподавателей, в том числе из-за рубежа, за счет совершенствования методического обеспечения учебного процесса, увеличения доли активных и интерактивных методов обучения, проектного обучения магистрантов, интеграции учебного и научного процесса в рамках подготовки магистерских диссертаций.

Особую роль в решении перечисленных проблем играют практики и зарубежные стажировки магистрантов. Анализ отчетов о стажировках магистрантов Санкт-Петербургского государственного экономического университета показывает, что как студенты, так и преподаватели позитивно оценивают результаты стажировок, полученные знания, навыки быстрой адаптации к культурным и другим особенностям стран, в которых проводятся зарубежные стажировки.

Так, в отчете магистрантки Санкт-Петербургского государственного экономического университета М. Монаховой, которая проходила стажировку в Лондоне и Манчестере в рамках научной практики «Предпринимательство: как начать с нуля» в октябре–ноябре 2014 г., говорится: «Основной целью посещения нашей группой Лондонской школы бизнеса и финансов была встреча со студентами и обсуждение за круглым столом идей по проекту создания Центра предпринимательства при СПбГЭУ. Лондонская школа бизнеса и финансов не имеет специального центра для предпринимательства, но, тем не менее, *обладает отличительной от других высших учебных заведений особенностью – установкой на развитие практических бизнес-навыков и актуальных знаний*. Учебный план сориентирован на бизнес-курсы. *В Школе обучается много студентов из разных стран*, которые создают межкультурные связи для создания бизнеса. Лондонская школа бизнеса и финансов – это место, где студенты приходят к идее “как создать свой бизнес”. Во время круглого стола со студентами Лондонской школы бизнеса и финансов *наша группа встретила воодушевленных и опытных людей, многие из которых уже имеют опыт ведения собственного бизнеса. Эти люди обладают предпринимательским взглядом на все, состоявшаяся дискуссия дала возможность увидеть Центр предпринимательства как коммерческий проект*.

В результате данного визита были определены непроработанные моменты в презентации нашего проекта и недостатки намеченных для обсуждения тем. Из обсуждения наша группа отметила *необходимость привлечения “правильных” людей в будущий Центр предпринимательства*, неоднократно выделенную студентами Лондонской школы бизнеса и финансов. Людей, которые обладают желанием и возможностями помогать начинающим предпринимателям» [7]. Выделенные авторами настоящей статьи курсивом фрагменты отчета магистрантки во многом корреспондируются с обозначенными в статье проблемами обучения магистрантов.

Значимость зарубежных стажировок для магистрантов подтверждается данными анализа трудоустройства магистров после окончания учебных заведений, заимствованного из отчета девятого ежегодного рэнкинга 70 магистерских программ в области менеджмента (Masters in Management, MiM), опубликованного в Financial Times (рис. 2).

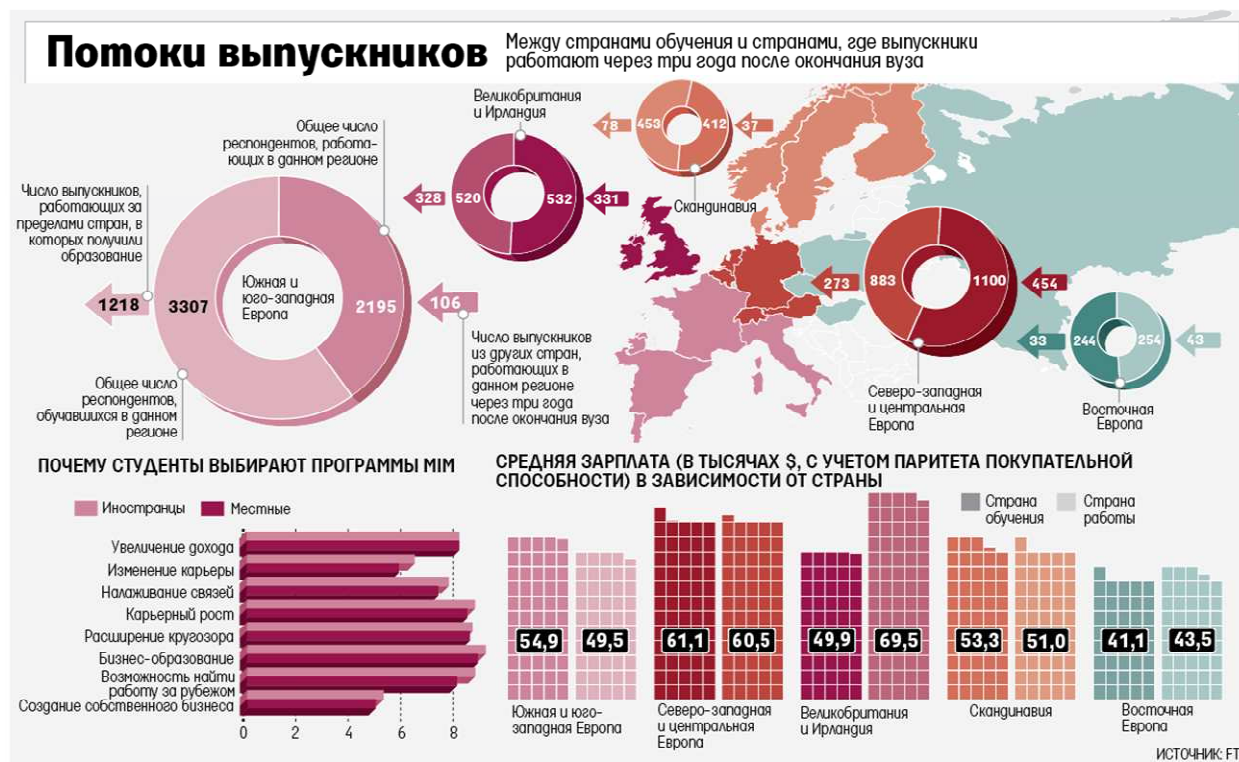

Рис. 2

В представленном ранкинге Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета занимает 65-е место. Критериями оценки программ, попавших в ранкинг, являются: окупаемость расходов, количество целей, достигнутых выпускниками, эффективность работы службы трудоустройства и заработная плата выпускников, сведения о которой приведены в правой нижней части рисунка.

На рисунке показано, сколько студентов, окончивших программу в 2010 г. (взяты за пример по условиям стабильности мировой экономики), приехали учиться и остались работать в Европе. Цифры на стрелках показывают потоки выпускников от места учебы к месту работы. Более трети студентов, приехавших из Южной Европы, где высока безработица среди молодежи, сейчас работают в других, более благополучных регионах.

Диаграмма причин выбора программ MiM (Master in Management), расположенная на рисунке слева внизу, построена по данным опроса студентов в 2010 г. – относительно экономически и политически стабильном году. Важнейшими причинами обучения по программе студенты считают: возможность роста карьеры; расширение кругозора; возможность найти работу за рубежом; увеличение дохода и отношение программы к бизнес-образованию.

Большинство школ, попавших в ранкинг, активно используют зарубежные стажировки в процессе обучения. Возвращаясь к анализу отзывов магистрантов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, проходивших международную стажировку в 2014 г. в Великобритании, необходимо отметить, что именно в процессе стажировки были решены многие отмеченные авторами проблемы, и доказательством этому служит заключительный фрагмент отчета магистрантки Е. Мацкевич, в котором отмечается: «Пример сотрудничества бизнеса и университетов, с которым я познакомилась в процессе стажировки, – программа КТР (Knowledge Transfer Partnerships), финансируемая правительством Великобритании. Эта программа объединяет трех партнеров: предприятие, университет и недавнего

выпускника-специалиста. В ее рамках ученые и молодые специалисты вовлекаются в разработку реальных инновационных проектов для решения проблем различных предприятий – участников программы. Каждый проект продолжается от 6 до 36 месяцев, в зависимости от срока достижения целей проекта. *По окончании проекта студенты становятся сотрудниками компаний и координируют работу по собственному проекту. Это очень интересная практика, которая может быть применима и в России.*

По результатам встреч с университетами, акселераторами и бизнес-инкубаторами можно сделать следующие *выводы по созданию Центра предпринимательства в СПбГЭУ*:

1. Необходимо продолжить работу по созданию Центра предпринимательства (Кембридж).
2. Важно собрать команду заинтересованных в работе и мотивированных людей.
3. Необходимо сделать Центр открытым для всех студентов университета (может быть и не только СПбГЭУ).
4. Необходимо объединить все студенческие сообщества университета, связаться с ассоциацией выпускников, обратиться к практикующим преподавателям, уже существующим бизнес-инкубаторам Санкт-Петербурга.
5. Раз в неделю можно проводить бесплатные лекции и сессии с тем, чтобы знакомить студентов с миром бизнеса и предпринимательства.
6. Важно сделать Центр хорошо технически оснащенным, предоставить все условия для работы начинающим предпринимателям.

Таким образом, данная поездка оказалась очень полезной как для нашего университета, так и для меня в частности. И самым важным ее результатом будет созданный в скором времени Центр предпринимательства СПбГЭУ» [8].

Выводы, сделанные магистранткой в процессе стажировки, вполне конструктивны, логичны, последовательны и имеют практическое значение.

В большинстве случаев работы с магистрантами отмечается сложность интеграции научно-исследовательской (написание диссертации) и образовательной (процесс обучения) деятельности, причем в образовательной деятельности магистранты должны получить знания, умения и навыки от изучения предметов, а также компетенции, необходимые для педагогической деятельности, так как магистр по направлению «Менеджмент», в соответствии с требованиями ФГОС ВПО, подготавливается к организационно-управленческой, аналитической, научно-исследовательской и педагогической профессиональной деятельности.

Анализ опыта проведения зарубежных стажировок и их результатов показывает, что при правильном выборе места и организации проведения зарубежных стажировок большинство проблем подготовки магистров, зависящих от образовательного учреждения, в котором реализуются программы подготовки магистров, успешно решаются, а показатели программ, имеющие критериальные значения для международного рэнкинга, улучшаются.

В данной статье авторами затронута лишь часть проблем, касающихся подготовки магистров по направлению «Менеджмент». Незатронутыми остались вопросы процесса обучения и воспитания будущих магистров-менеджеров, вопросы финансового, организационного, методического обеспечения процесса подготовки магистров по направлению «Менеджмент». Представляется, что эта большая работа предстоит научно-образовательному сообществу совместно с органами управления высшего уровня, и осуществлять ее надо незамедлительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Удовенко С. П. Требования к кадровому обеспечению реализации основных образовательных программ магистратуры: проблемные вопросы и пути их решения // Пробл. совр. экономики. 2013. № 2 (46). С. 291–293.
2. Маленков Ю. А. Проблемы подготовки магистров с высокой добавленной ценностью // Высш. образование в России. 2008. № 12. С. 33–41.
3. Маслова Т. Д., Божук С. Г. Роль международных стажировок в решении проблем подготовки магистров // Обучение магистров – проблемы и взгляд в будущее: сб. докл. междунар. круглого стола / Экономический ун-т. Варна, 2014. С. 17–23.
4. Винокуров М. Высшее образование и наука России: проблемы и перспективы // Аргументы недели. 2012. № 21 (313). URL: <http://argumenti.ru/education/n342/182195> (дата обращения: 20.05.2016).
5. Эксперт РА (Рейтинговое агентство). URL: http://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2015/ (дата обращения: 26.01.2016).
6. Федеральный портал «Российское образование». URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.7/fgos.080200/st.1/index.php> (дата обращения: 28.02.2016).
7. Отчет о стажировке М. Монаховой. URL: <http://www.finec.ru/magistracy/news/release2410.html> (дата обращения: 13.03.2016).
8. Отчет о стажировке Е. Мацкевич. URL: <http://www.finec.ru/magistracy/news/release2410.html> (дата обращения: 15.02.2016).

T. D. Maslova

Saint Petersburg State University of Economics

M. V. Chigir

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

EXPERIENCES AND CHALLENGES IMPLEMENTING MASTER'S DEGREE PROGRAMMES IN MANAGEMENT

This article analyzes the experience of Masters training in Management with the emphasis on contemporary factors influencing the process of Masters training, the problems whose solution depends on educational institutions are marked out, implements training programs for Masters. The survey data of Masters on usefulness of overseas internship during training at MA course and solutions of the revealed problems in Master's training in management are given.

Master's degree in management, quality training of Masters, overseas internships, implementation requirements

УДК 334.012.64

З. М. Джайлоев

Институт энергетики Таджикистана

А. В. Звонцов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОДДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ХАТЛОНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Анализируются основные элементы инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и предлагается модель поддержки и развития малого и среднего производственного предпринимательства в Республике Таджикистан. Предлагаются основные принципы формирования и развития инфраструктуры поддержки малого производственного предпринимательства в Хатлонской области Республики Таджикистан.

Инфраструктура малого и среднего предпринимательства, модель поддержки и развития малого и среднего производственного предпринимательства, принципы формирования областной инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, направление формирования и развития инфраструктуры поддержки малого производственного предпринимательства

Развитие производственного предпринимательства, прежде всего, связано с инфраструктурой поддержки ее субъектов. Инфраструктурой малого и среднего предпринимательства (МСП) является система коммерческих и некоммерческих организаций, которые осуществляют свою деятельность или привлекаются в качестве поставщиков в целях размещения заказов на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных нужд при реализации программ развития субъектов МСП, областных, городских и районных программ развития субъектов МСП.

Соглашаясь с подходом авторов [1]–[3] к раскрытию состава инфраструктуры поддержки МСП, авторы настоящей статьи считают, что она должна включать:

- центры и агентства по развитию предпринимательства;
- государственные фонды развития и поддержки малого предпринимательства;
- фонды содействия кредитованию (гарантийные, поручительств);
- акционерные инвестиционные и закрытые паевые инвестиционные фонды, привлекающие инвестиции для малого бизнеса;
- технопарки, научные парки, инновационные технологические центры;
- бизнес-инкубаторы;
- палаты и центры народных ремесел;
- центры поддержки субподряда;

- маркетинговые и учебно-деловые центры;
- агентства по поддержке экспорта товаров;
- лизинговые компании;
- консультационные центры и иные организации.

Модель поддержки и развития малого и среднего производственного бизнеса в Республике Таджикистан (рис. 1) имеет достаточно разветвленную структуру.

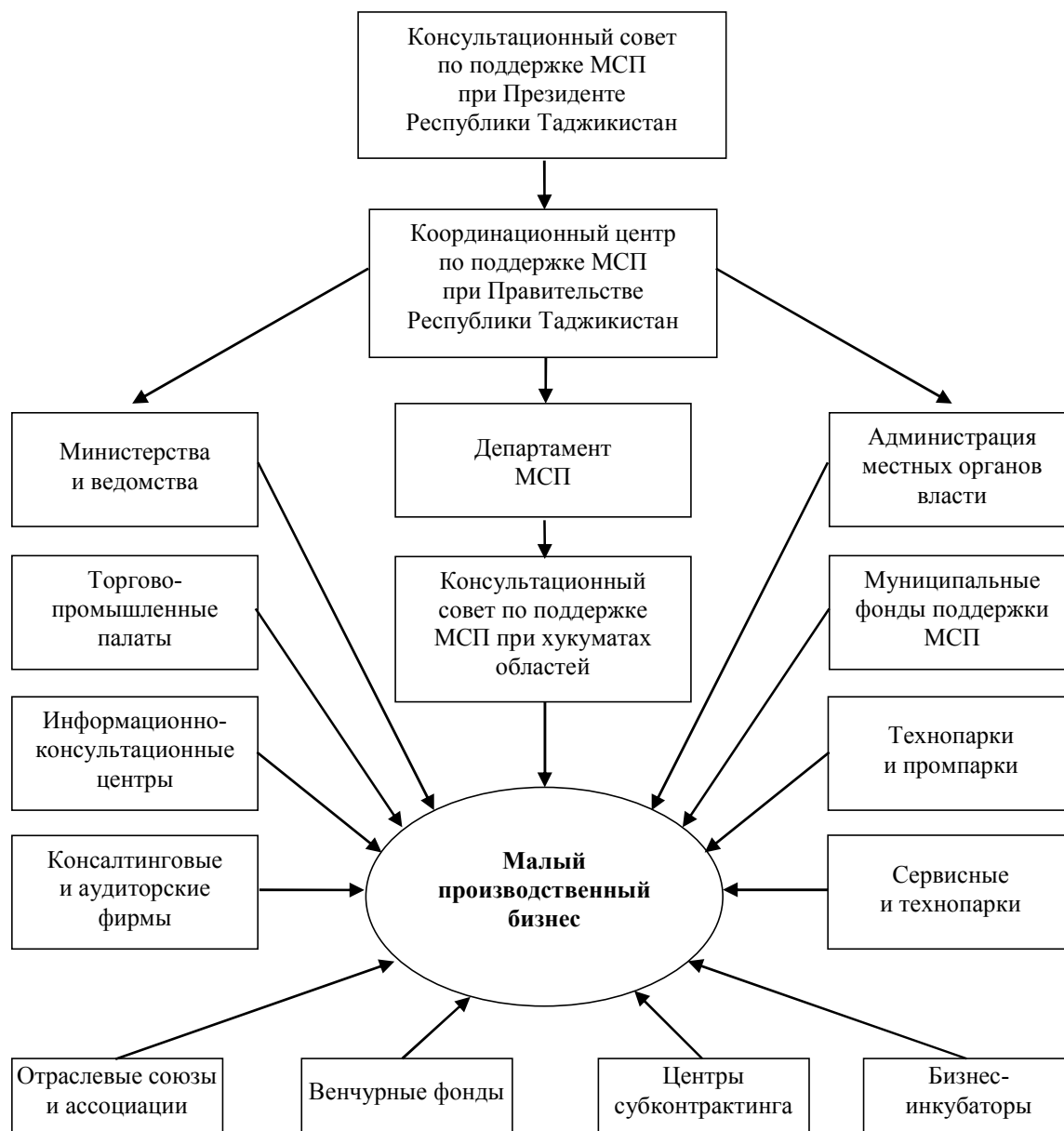

Рис. 1

Практика показывает, что в Республике Таджикистан основные требования, предъявляемые к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов МСП, устанавливаются в государственных, областных, региональных и районных программах развития субъектов МСП.

На основе изучения отечественного и международного опыта [4]–[10] авторы настоящей статьи считают целесообразным ввести следующие принципы формирования областной инфраструктуры поддержки малого предпринимательства в Хатлонской области Республики Таджикистан:

- адекватность развития объектов инфраструктуры уровню развития малого предпринимательства и его потребностей в том или ином территориальном образовании и в области в целом;
- развитие спектра предоставляемых объектом инфраструктуры услуг на основе соответствующего ресурсного, особенно финансового обеспечения;
- комплексный характер предоставляемых объектом инфраструктуры услуг (по принципу «под одной крышей» или «одно окно»), сосредоточение на областном и городском уровнях разнообразных услуг (консультационных, обучающих, информационных, правовых, финансовых) в рамках одного объекта инфраструктуры в противовес распылению ресурсов при создании нескольких разнородных и дублирующих друг друга структур;
- преимущественное развитие на городском уровне объектов инфраструктуры в организационно-правовой форме «фонд», доказавшей свою эффективность и гибкость, в том числе для приближения услуг к предпринимателям по месту их деятельности;
- распространение деятельности существующих фондов на соседние территориальные образования, где отсутствует или на данном этапе нецелесообразно создание самостоятельного объекта инфраструктуры, и др.

Исходя из перечисленных принципов, авторы предлагают следующие направления формирования и развития инфраструктуры поддержки малого производственного предпринимательства в Хатлонской области:

1. Модернизация нормативных правовых актов, предусматривающих меры государственного регулирования в формировании системы инфраструктурного обеспечения предпринимательства.
2. Развитие существующей системы областных (городских) фондов поддержки малого предпринимательства.
3. Разработка положения об организациях инфраструктуры поддержки малого производственного бизнеса и установление для них понижающих коэффициентов при расчете арендной платы.
4. Приоритетное формирование региональной инфраструктуры поддержки малого производственного предпринимательства (технопарки, специализированные технологические центры, центры трансфера технологий, венчурные фонды) и инфраструктуры, содействующей развитию начинающих предпринимателей (отраслевые и территориальные бизнес-инкубаторы, городские и региональные, информационно-консультационные центры).

В целом такой системный подход позволит органам государственной исполнительной власти планировать организацию недостающих элементов инфраструктуры на конкретных территориях и в среднесрочной перспективе создать комплексный механизм поддержки МСП во всех территориальных образованиях.

При построении данной системы основополагающим является использование принципа разумной достаточности. На этой основе авторами разработана иерархическая схема построения областной инфраструктуры поддержки и развития МСП, представляющая собой четырехуровневую систему, в которой к каждому следующему уровню присоединяется новый блок инфраструктурных организаций (рис. 2).

По мнению авторов, чем выше уровень, тем больше таких структур должно функционировать на конкретной территории.

Рис. 2

Вариантные действия органов исполнительной власти и местного самоуправления по организации инфраструктуры могут выглядеть следующим образом.

В соответствии с предложенным подходом к распределению организаций инфраструктуры хукуматы (местные органы исполнительной власти) территориальных образований области определяют основные направления работы по созданию инфраструктуры, которые включаются отдельным разделом в местную программу развития и поддержки малого предпринимательства.

На основании анкетирования и опросов предпринимателей определяются наиболее востребованные услуги по поддержке и развитию малого производственного предпринимательства на каждой из территорий.

Разрабатывается положение (концепция) о создании и функционировании инфраструктурной организации, которое после обсуждения советом по малому предпринимательству утверждается постановлением председателя территориального образования.

С целью успешного развития малого производственного предпринимательства необходимо создание наиболее прогрессивных форм инфраструктуры, среди которых выделяются:

- бизнес-инкубаторы (отраслевые, территориальные) как эффективная форма поддержки и развития начинающих предпринимателей;
- технопарки и индустриально-промышленные парки как структуры, содействующие объединению научных, материальных и финансовых ресурсов, малых и средних производственных предприятий;
- информационно-консультационные центры по развитию МСП;
- современные формы инфраструктурных организаций и привлечения ресурсов для развития малого производственного бизнеса (венчурные фонды, лизинг, франчайзинг).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллоева Н. Предпринимательство: тенденции и перспективы развития в условиях углубления интеграционных процессов. Душанбе: Мир полиграфии, 2005. 127 с.
2. Архангельский В. Н. Совершенствование регулирования развития малого и среднего производственного предпринимательства: дис. ... канд. экон. наук / Ин-т экономики Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2011. 258 с.
3. Ашуров К. Р. Региональные аспекты формирования и развития предпринимательской деятельности в сфере транспортных услуг (на материалах Республики Таджикистан): автореф. дис. ... канд. экон. наук / Таджикский технический ун-т. Душанбе, 2011. 25 с.
4. Абалкин Л. И. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопр. экономики. 1997. № 6. С. 7–13.
5. Абдусаматов Г. С., Юсупов А. К. Развитие предпринимательства за рубежом. Худжанд, 1999. 123 с.
6. Ансофф И. Стратегическое управление / пер. с англ. М.: Экономика, 1989. 349 с.
7. Закономерности и тенденции развития современного предпринимательства / А. Н. Асаул, Е. А. Владимирский, Д. А. Гордеев и др. / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. Н. Асаула. СПб.: АНО ИПЭВ, 2008. 280 с.
8. Баженов С. И., Маштаков С. С., Федорова Л. М. Особенности развития малого предпринимательства в Уральском федеральном округе на современном этапе. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2006. 84 с.
9. Базовая модель региональных и муниципальных программ поддержки малого бизнеса: метод. пособие. М.: ЦСиЭИ, 2000. 64 с.
10. Басаева В. Г. Институциональные особенности возникновения малого бизнеса в регионах России. М.: EERC, 2002. 611 с.

Z. M. Galaev
Institute of power industry of Tajikistan

A. V. Zvontsov
Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURE TO SUPPORT MANUFACTURING ENTERPRISES OF THE KHATLON REGION OF TAJIKISTAN

This article identifies a list of support infrastructure of subjects of small and medium-sized enterprises, and proposes a model of support and development of small and medium-sized industrial enterprises in the Republic of Tajikistan. Based on these principles, basic directions of formation and development of infrastructure of support of small-sized industrial enterprises in the Khatlon province are proposed.

Infrastructure of small and average business, model of support and development of small and average production business, principles of formation of regional infrastructure of support of small business, direction of formation and development of infrastructure of support of small production business

УДК 316.77

А. М. Пивоваров

Санкт-Петербургский государственный университет

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КРЕАТИВНОГО ПРОЦЕССА В АРТ-СООБЩЕСТВАХ¹

В вопросе идентификации компонентов креативного процесса предлагается опираться на представления и концепции, подтверждающие глубокую взаимосвязь между коммуникацией и креативностью. Коммуникативный подход предполагает выделение креативных подпроцессов с помощью анализа коммуникации, происходящей в коллективе, участники которого заняты решением творческой задачи. Используется модель креативного процесса, основными компонентами (подпроцессами) которой являются постановка задачи, эмоциональная активация, генерирование, объективация и оценивание. Анализируется то, как реализуются некоторые из этих подпроцессов в ходе индивидуальной и коллективной творческой деятельности художников, объединенных в сообщества. Эмпирической базой работы послужили данные, собранные с помощью метода слабоструктурированного интервью в ходе полевых исследований, объектом которых являлись четыре арт-сообщества, объединяющих в совокупности более трех десятков художников Санкт-Петербурга, работающих в различных жанрах актуального искусства.

Модель креативного процесса, креативные подпроцессы, коммуникация, ролевая структура коллектива, арт-сообщества

Загадка креативного процесса занимает исследователей уже не первое столетие. Несмотря на значительные научные достижения в этой области, неудовлетворенность имеющимися результатами заставляет ученых не только разрабатывать все новые концепции креативного процесса, но и пересматривать основополагающие для данной сферы знания работы, такие как книга Г. Уоллеса «Искусство мыслить» [1], которая содержит модель, ставшую отправной точкой для сотен исследовательских проектов [2]. Эта ситуация в значительной степени связана с тем обстоятельством, которое признается «наибольшим препятствием» в изучении креативности, а именно с тем, что «креативный мыслительный процесс непосредственно не наблюдаем» [3].

Направление исследований, способное преодолеть данное препятствие, явным образом обозначено К. Хайеттом [4], который утверждал, что прояснение отношений между коммуникацией и креативностью является многообещающим для изучения последней: «Коммуникация, как и креативность, может быть объяснена как внутриличностный феномен, но

¹ Статья подготовлена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект 10.23.476.2011 «Коммуникативные практики создания знания в социальном пространстве современного города»), гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук (проект 10.11.599.2014 «Креативные сообщества в пространстве города: механизмы создания знания (на примере современного искусства)»), а также Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-03-00722 «Коэволюция сетей знания коммуникации: структурная динамика креативных коллективов в европейских столицах»).

коммуникация также осуществляется и вовне, как межличностный процесс, т. е. может быть наблюдаема и описана» [4, с. 65].

Имплицитная связь между креативностью и коммуникацией признается многими исследователями [5]–[8]. Сегодня, в информационную эпоху в условиях узкой специализации знаний и навыков, продуцирование инноваций требует все большей интенсификации коммуникативных взаимодействий на разных этапах творческого процесса. Это становится все более очевидным не только на уровне организационной креативности [9], в научной деятельности и бизнесе [10], но и в большинстве культурных индустрий, в том числе так называемых «периферийных»² [11], к которым относятся визуальные искусства.

В этом отношении все большую поддержку в научном сообществе обретает то исследовательское направление, в котором креативный процесс изучается не через исследование индивидуальных когнитивных процессов, а через групповое взаимодействие и коммуникацию. Так, в своей программной статье, посвященной перспективе изучения коллективной креативности, Т. Куртцберг и Т. Эмабайл [12] утверждают, что «для того, чтобы вывести исследования креативности на следующий уровень, ученые должны принять вызов изучения этого феномена на групповом уровне и понимания его компонентов в том виде, в котором они встречаются в ситуации соприсутствия нескольких индивидов» [12, с. 292].

В нашей статье, используя модель, элементы которой выявлены на основе анализа ролевой структуры творческого коллектива, мы проанализируем значение коммуникации в креативных процессах, которые осуществляют художники, занимающиеся современным искусством и объединившиеся в сообщества. Тем самым мы собираемся показать возможности коммуникативного подхода в понимании природы креативного процесса, а также «протестировать» предлагаемую модель применительно к анализу творческого процесса в области визуального искусства. Выбор сообществ, объединяющих художников, в качестве объекта исследования, в частности, был обусловлен тем, что представления о визуальных формах искусства в наибольшей степени укладываются в распространенный индивидуалистический миф о природе креативности. «Больше, чем в отношении представителя любого другого домена, мы представляем себе художника работающим в изоляции, в отсутствии влияния внешней среды и интереса к традициям» [13].

Коммуникативная природа креативного процесса. Начиная с первого десятилетия двадцатого века, в науке ведется активное изучение креативного процесса и составляющих его элементов. Несмотря на разработку десятков различных моделей (см., например, [14]–[16]), наибольшее признание среди специалистов продолжает сохранять модель Г. Уоллеса (в различных вариациях), согласно которой творческий процесс проходит через стадии *подготовки, инкубации, инсайта и верификации* [13], [17]. Эта четырехстадийная модель получила эмпирические подтверждения, однако ее дискретность и однонаправленность не раз подвергалась критике (см., например, [18]).

Исследования последних десятилетий убедительно показывают, что классическая четырехстадийная модель должна быть пересмотрена или, по крайней мере, дополнена. Среди достижений относительно недавнего времени стоит упомянуть компонентную модель Т. Эмабайл [19], в которой автор в качестве компонентов креативного процесса выделяет *определение задачи, подготовку, генерацию идей, оценку идей и практическую проверку найденного*

² Согласно Д. Хезмондалшу, «периферийные культурные индустрии озабочены, прежде всего, производством “текстов”. Но воспроизводство символов ведется в них полупромышленными или даже непромышленными методами» [11, с. 29].

решения и говорит о внешних (средовых) и внутренних (субъективных) факторах, которые влияют на то, в каких сочетаниях и в каком порядке будут задействованы эти компоненты. По сравнению с моделью Г. Уоллеса, в модели Т. Эмабайл бессознательный процесс инкубации и завершающий его момент озарения (инсайта) «выводятся за скобки» и заменяются процессом генерирования идей, соединяющим в себе работу сознания и бессознательного.

В последние два десятилетия значительное число исследователей либо пересматривают стадийные модели креативного процесса в сторону большего внимания к подпроцессам, либо предлагают новые модели, как системы, организующие необходимые подпроцессы. Однако среди специалистов нет согласия в вопросе о том, каким именно креативным подпроцессам стоит уделять внимание и какими принципами руководствоваться в их выделении [17]. Некоторые исследователи креативности ограничиваются двумя подпроцессами (например, [20]), другие говорят о необходимости учитывать более десятка из них (такие как [15]).

Мы полагаем, что продвинуться в решении этого вопроса может позволить аналитическое предположение о том, что креативный процесс, в независимости от того, осуществляется ли он индивидуально или совместно, всегда является коллективным в широком смысле этого слова, поскольку неразрывно связан с социальной коммуникацией и, по сути, без нее невозможен. Из этого предположения вытекает важное следствие: выявление и систематизация креативных подпроцессов (компонентов креативного процесса) должно осуществляться в коммуникативной логике, т. е. с помощью анализа коммуникации, происходящей в коллективе, участники которого заняты решением творческой задачи.

Идея глубокой взаимосвязи креативности и коммуникации находит все большее число последователей среди тех, кто полагает, что по-настоящему оригинальные и ценные идеи появляются в ходе длительной работы, в которой важнейшую роль играет реальная или воображаемая коммуникация с другими людьми [7], [8].

В наиболее развернутом виде идея социокультурной укорененности креативности представлена в системной модели М. Чиксентмихайи [21], [22], который рассматривает креативность не как некую особую разновидность умственной деятельности, которая происходит в голове одаренных людей, рождающих необыкновенные и замечательные с их точки зрения идеи. Совершенную в одиночестве деятельность по созданию какого-либо нового и значимого продукта можно назвать творчеством только потенциально, поскольку без коммуникации, в результате которой происходит признание продукта как креативного (т. е. оригинального и значимого), творческий процесс считать завершенным нельзя. Поэтому «креативность помещается не в голове, а в сфере взаимодействия человеческой мысли с социокультурным контекстом. Это системный, а не индивидуальный феномен» [22], [23].

Системная модель предполагает, что креативность как способность приносить значимые изменения в человеческую культуру может наблюдаться во взаимодействии трех составных частей: 1) определенной области этой самой культуры, или *домена*; 2) сообщества экспертов в данном домене, или *поля* и 3) собственно самого человека в роли *творца*. Креативность возникает тогда, когда то, что создал или придумал человек, используя символы и правила определенного домена, признается в качестве нового и ценного представителями соответствующего поля.

На наш взгляд, системная модель М. Чиксентмихайи фактически превращает социальную коммуникацию в необходимое условие успешного осуществления творческого процесса. Она предполагает, что в отсутствии прямого или опосредованного взаимодействия с содержанием определенной области человеческой культуры и ее представителями – как для изучения домена,

так и для получения признания поля – индивидуальное творческое усилие не сможет стать успешным, т. е. не сможет привести к созданию действительно креативного продукта.

Принимая во внимание все сказанное, для выявления компонентов креативного процесса мы предлагаем опереться на ролевую структуру коллектива изобретателей³, выявленную Ч. М. Гаджиевым [24]. Согласно его концепции, основными ролями, которые распределяются между участниками творческого коллектива, являются «изыскатель задач», «активатор», «генератор», «резонатор» и «критик».

Ядром творческой группы являются трое: «генератор», продуцирующий новые идеи, «резонатор», проясняющий в диалоге с «генератором» его идеи, и «активатор», мобилизующий остальных участников на творческие поиски. Естественно, в реальной жизни группы данные роли могут переходить от одного участника к другому, в зависимости от того, кто из них стремится поделиться с другими своей идеей.

«На входе» в этот творческий «треугольник» стоит «изыскатель задач», т. е. тот участник, который формулирует вопросы и проблемы, которые необходимо решить. «На выходе» находится «критик», оценивающий предложенные решения. Роли как «изыскателя задач», так и «критика» могут нести и те участники, которые выполняют роли в ядре группы.

Поскольку в каждом конкретном случае данные роли могут переходить от одного члена творческого коллектива к другому и сам творческий коллектив может состоять из двух человек, то, с нашей точки зрения, целесообразней говорить об отдельных компонентах (подпроцессах) креативного процесса в отрыве от специфических групповых ролей.

Таким образом, компонентами творческого процесса, соответствующими описанным групповым ролям, на наш взгляд, являются: 1) *определение задачи*; 2) *эмоциональная активация*; 3) *генерирование*; 4) *объективация*; 5) *оценивание*. Данные подпроцессы выявлены в соответствии с логикой разворачивания и функционирования креативного процесса внутри коллектива, работу которого можно наблюдать, в отличие от внутренней креативной работы индивида.

Мы хотели бы подчеркнуть, что в реальной практике творчества данные компоненты или подпроцессы задействуются отнюдь не в линейном порядке, а порой практически одновременно и в разных последовательностях и сочетаниях. Для того чтобы подчеркнуть это, мы сознательно избегаем использования слова «стадии» или «фазы».

Можно убедиться, что по сравнению с моделью Т. Эмабайл, во-первых, данная модель «выносит за скобки» процесс подготовки как непереносимое условие и необходимую предпосылку любого успешного креативного процесса. Во-вторых, в обсуждаемой модели есть два существенно новых элемента, отсутствующих, насколько нам известно, в других моделях, – это *эмоциональная активация* и *объективация*. Первый из них позволяет учитывать совершенно необходимую для творчества «энергетическую» составляющую, или степень воодушевленности творца. Исследователи говорят об особом состоянии «стресса творчества» и нарастании внутреннего психического напряжения, взволнованности, вдохновения, необходимых для запуска творческого процесса [25]. Мера интенсивности переживания подобных «мобилизующих» эмоций, по сути, является тем, что Р. Коллинз обозначает словосочетанием «эмоциональная энергия», которая «заряжает индивидов подобно электрическим батареям, давая им соответствующий уровень энтузиазма по отношению к ритуально созданным символическим целям» [26, с. 70], и конвертируется ими в творческую активность.

³ Более известные модели командных ролей, такие как модель Р. М. Белбина [23] и некоторые другие, были разработаны на основе анализа многоаспектного процесса управления организациями, что делает их недостаточно релевантными теме нашего исследования.

Процесс объективации, который, как правило, осуществляется в диалоге, но, как мы покажем далее, может происходить и самостоятельно, – это процесс прояснения только что сгенерированной идеи. При этом основное внимание уделяется не ее интерпретации или развитию, а наиболее адекватному способу ее выражения. Важность акта объективации состоит в том, что новая идея часто выражается в момент ее генерирования в весьма несовершенной форме [24], «загрязненная» различными языковыми манипуляциями [27].

Большинство моделей креативного процесса претендует на понимание универсальных механизмов креативности. Тем не менее стоит учитывать наличие непрекращающейся дискуссии о специфичности и общности творческих способностей и поведения [17]. Мы, безусловно, признаем значение и учитываем результаты тех немногих научных работ, которые непосредственно посвящены креативному процессу в области визуального искусства. Специфика нашего исследования состоит в том, что оно, в отличие от [28] и [20], не является в полном смысле лонгитюдным, несмотря на то, что оно в течение достаточно длительного времени фокусировалось на изучении ограниченного числа арт-сообществ.

Также, в отличие от [29], мы не стремились создать специфическую модель художественного креативного процесса на основе описаний самих художников, а двигались в противоположном направлении, стараясь с помощью эмпирических данных проверить теоретические положения. Наконец, в отличие от [30], мы не стремились проследить творческий процесс художников от начала работы над отдельным арт-объектом до ее завершения. Нашей целью было прояснить то, какую роль играют обозначенные подпроцессы в креативной деятельности художников, и то, какую роль в осуществлении каждого из них играет коммуникация.

Сформулируем *гипотезы* нашего исследования. Первой из них является предположение о том, что в творческом процессе, который осуществляют художники как индивидуально, так и совместно, присутствуют подпроцессы эмоциональной активации и объективации. Гипотеза в данном случае не касается остальных компонентов модели – определения задачи, генерирования и оценивания. Это обусловлено, во-первых, ограниченным объемом данной статьи, а во-вторых, тем, что данные подпроцессы являются относительно «конвенциональными», т. е. признаваемыми большинством исследователей креативности.

Необходимость проверить данную гипотезу обусловлена также тем, что данные подпроцессы выявлены на основе ролевой структуры коллектива изобретателей, а художественная креативность имеет ряд существенных отличий от изобретательства (технической креативности) и от научного творчества. В ней акцент делается не на вербально-логическом, а на образном мышлении, и ее продуктом являются не новое знание, не механизмы или конструкции, отвечающие запросам практики, а художественные образы, заключенные в каком-либо материальном объекте (часто претендующем на то, чтобы быть названным произведением искусства).

Вторая гипотеза заключается в предположении о том, что не только в коллективной, но и в индивидуальной творческой деятельности художников при осуществлении подпроцессов объективации и эмоциональной активации значительную роль играет социальная коммуникация. Снова стоит отметить, что, согласно нашему исходному предположению, коммуникация включена и в остальные компоненты модели креативного процесса, которую мы здесь обсуждаем. Однако материал, посвященный проверке данной гипотезы относительно подпроцессов определения задачи, генерирования и оценивания, мы опускаем ввиду невозможности вместить его в объем данной статьи.

Анализ креативных подпроцессов в арт-сообществах. Эмпирической базой данной статьи послужили материалы полевых исследований 2011–2015 гг., объектом которых выступили арт-сообщества Санкт-Петербурга, объединяющие художников, работающих в формате актуального искусства. В соответствии со стратегией множественных вариативных исследовательских кейсов [31] был осуществлен отбор четырех арт-сообществ: «Паразит», «Непокоренные 17», «Кухня», «Что делать?», различающихся по составу и структуре, основанию интеграции, особенностям творчества участников, форме пространственной закреплённости.

Основной состав сообщества «Паразит» на момент исследования был представлен восьмью художниками – мужчинами в возрасте от 27 до 58 лет. Около десяти художников составляли периферию сообщества. Сообщество имеет долгую творческую историю, характеризуется высоким уровнем социальной неоднородности участников (по возрасту, профессиональному успеху, публичному признанию и пр.), во многом определяющей внутреннюю структуру сообщества, в которой выделяются более мелкие творческие коллективы и дружеские группы.

Сообщество «Непокоренные 17» на момент исследования включало в свой постоянный состав семь художников в возрасте от 27 до 38, среди которых было трое мужчин и четыре женщины. Сообщество, названное по адресу студии, где работают ее участники, представляет собой сетевую структуру с устойчивым ядром, состоящим из основателей и «старожилов» сообщества, и изменчивой периферией. Молодых, но зачастую уже довольно успешных художников из «Непокоренных» объединяют прагматические интересы, связанные с продвижением своих креативных продуктов, реже – дружеские отношения.

Молодая арт-группа «Кухня» на момент исследования объединяла шесть участников (все – мужчины в возрасте от 25 до 32 лет), за одним исключением обладавших сходным образовательным и социокультурным бэкграундом. Как и «Непокоренные», художники «Кухни» располагают общим рабочим пространством, но в их случае это единая мастерская, где рабочие места выделяются весьма условно. Это порождает многочисленные практики взаимного комментирования и обмена советами.

Платформа «Что делать?» – пожалуй, наиболее известная в России и особенно в зарубежной арт-среде – объединяет художников, философов, ученых и характеризуется ориентацией на синтетические формы искусства, а также выраженным «левым» уклоном. На момент исследования сообщество было представлено десятью художниками в возрасте до 48 лет, среди которых семь мужчин и три женщины. Исторически это сообщество оказалось «расколотым» между двумя городами, Петербургом и Москвой, что определило невозможность локализации деятельности группы в каком-либо одном конкретном физическом пространстве.

Для сбора эмпирических данных был использован широкий репертуар техник полевого исследования, однако данная статья главным образом основана на материалах, полученных методом слабоструктурированного интервью. Для написания статьи мы проанализировали 37 интервью с представителями этих арт-сообществ. Некоторые интервью проводились с одним художником дважды. Каждое интервью длилось от одного до двух с половиной часов, записывалось на цифровой диктофон и было профессионально транскрибировано.

В интервью участникам арт-сообществ предлагалось для ответов несколько тематических блоков вопросов: а) творческая биография и причины присоединения к арт-сообществу;

б) история возникновения и развития арт-сообщества; в) понимание того, что такое современное искусство, и отношение к нему; г) рабочий и креативный процесс; д) отношения и коммуникация с другими членами сообщества; е) вещи и инструменты, которые используются художниками в работе в мастерской; ж) совместные творческие проекты. Данная статья главным образом основана на результатах интервьюирования по блокам г), д) и ж).

Эмоциональная активация. Большое значение эмоционально-энергетической мобилизации для творческого процесса было отмечено многими информантами. Особенно ярко эта тема проявилась в нарративах участников арт-сообщества «Непокоренные 17». Эмоциональный фон взаимодействия в этом сообществе является ровным, неконфликтным, спокойным (в какой-то мере даже слишком спокойным). Некоторые участники этого сообщества говорят о том, что им сильно не хватает энергии для работы: *«Обычно состояние вялое»* (Н2⁴); жалуются на редкость ситуаций вдохновляющего общения: *«...Бывают дни целые, что никого нет. ...И просто можно там “привет – привет” и все. И тогда мне чего-то не хватает»* (Н3).

В интервью с участниками именно этого сообщества звучала тема мучительности творчества, что может рассматриваться в качестве признака недостаточности уровня эмоциональной энергии: *«Ну, он [творческий процесс] меня и наоборот изводит, да, выжимает в общем. Да, ты же отдаешь там... и чем больше ты энергии в жизни копишь, ее не растрачиваешь, там, на людей, еще на что-то, тем ты больше как бы способен вот эту энергию сублимировать в работу...»* (Н2).

Один из основателей «Непокоренных» признается, что в последнее время в сообществе утерян энтузиазм, который был свойственен первым годам его существования. Эффект новизны прошел, и можно сказать, что жизнь мастерской стала более упорядоченной, но рутинной: *«Сейчас больше порядка, но меньше такой какой-то внутренней энергии»* (Н4). В первые годы в сообществе была принята коллегиальная форма управления. Многим художникам в тот момент хотелось больше общаться друг с другом и узнавать о проектах друг друга. В последнее время элементы стихийной самоорганизации уступили место «институционализированной» структуре отношений. В сообществе есть лидеры, которые принимают решения, есть куратор, который отвечает за все организационные вопросы, касающиеся выставок и совместных мероприятий. Все остальные участники арт-сообщества заняты индивидуальными проектами и в значительной мере оказались предоставленными самим себе.

Здесь можно отметить, что снижение энтузиазма в творческой деятельности явно коррелирует со снижением интенсивности коммуникации между участниками арт-сообщества. Эта связь объясняется тем, что, согласно Р. Коллинзу, важнейшим источником эмоциональной «энергии» служит взаимодействие в ходе так называемых «интерактивных ритуалов», участники которых, находясь в общем физическом пространстве, сосредотачиваются на одном и том же объекте или действии (осознавая общность фокуса внимания) и разделяют одно и то же настроение или эмоцию [26]. Примерами такого рода взаимодействий являются встречи участников арт-сообществ, на которых происходят обсуждения как технических и организационных вопросов, так и дискуссии о направлениях развития современного искусства.

⁴ Здесь и далее приняты обозначения: Н2 – художник, «Непокоренные 17», жен., 1973; Н3 – скульптор, «Непокоренные 17», муж., 1982; Н4 – художник, «Непокоренные 17», муж., 1981; П1 – художник, «Паразит», муж., 1980; П5 – художник, «Паразит», муж., 1960; П6 – художник, «Паразит», муж., 1982; ЧД1 – художник, «Что делать?», жен., 1968; ЧД3 – хореограф, «Что делать?», жен., 1968.

Кроме интерактивных ритуалов для эмоциональной активации представители арт-сообществ используют метод погружения в стресс, по крайней мере, в двух вариантах. Условно их можно назвать «конфликтным» и «ситуационным».

Примером эмоциональной активации с помощью создания ситуации стресса можно считать проект «Временное искусство», который осуществила в рамках городской акции «Ночь музеев» арт-группа «Кухня». В этой акции мобилизация производилась узкими временными рамками выполнения работы, в которые художники поставили сами себя, создавая картины по новостным сюжетам за полтора–два часа. Созданные картины практически сразу должны были помещаться в сети Интернет с заголовком о соответствующей новости. Дополнительные «помехи» производились зрителями – участниками акции «Ночь музеев», пришедшими посмотреть на «гиперактуальное искусство».

Другим вариантом эмоциональной активации является конфликтный стиль взаимодействий участников, который особенно ярко проявляется в ходе коллективного креативного процесса. Такой стиль оказался органичен для общения в арт-сообществе платформы «Что делать?», особенно внутри его креативного ядра в силу как личностных особенностей, так и различий в профессиональном бэкграунде. Самобытность каждого из художников порождает желание отстаивать свое авторское видение до конца и наталкивается на сходное стремление других авторов. Такие противостояния порождают эмоциональные всплески и держат участников сообщества в необходимом тоне (в том числе интеллектуальном). По-видимому, участники сообщества сами сознают положительные стороны такой конфликтной формы взаимодействий, которая не дает возможности «расслабляться» и задает авторам определенную «планку» в их творчестве: *«У нас конфликтный стиль общения, но мне он ужасно нравится, потому что, когда ты работаешь в режиме компромиссов, тебе очень сложно отвечать за результат... Бывает очень скандально. Мы не относимся друг к другу снисходительно, это очень важно. Ты относишься к своему другу очень всерьез и понимаешь, что он способен на такие свершения»* (ЧД1).

Объективация. Наше исследование показало, что в художественном творчестве объективация идей часто протекает не в коммуникативной форме, о которой писали Я. А. Пономарев и Ч. М. Гаджиев [24], [32], а в форме попыток их воплощения в наброске или эскизе. Этот тип объективации мы называем «материальной» объективацией, в которой художник задействует свое профессиональное мастерство в попытке воплотить идею, сгенерированную в воображении. Набросок служит тем объектом, с помощью которого автор может точнее понять то, чем является найденное решение. Качество воплощения идеи во многом зависит от уровня владения техническими навыками, необходимыми для той области искусства, которой занимается художник.

В свою очередь, качество коммуникативной объективации зависит от степени взаимопонимания между партнерами. Ярким примером этого процесса может служить вербализация ощущений от создаваемой постановки, которую осуществляла одна из участниц арт-сообщества «Что делать?» во время работы над спектаклем «Русский лес». Ее высказывания и высказывания других участников сообщества на совместных встречах являлись важным материалом для прояснения идей, выдвигаемых непосредственными авторами спектакля: *«...Но ей интересно было выслушать мои вопросы, у меня же все равно тело говорит. То есть мои вопросы ей были интересны, вопросы, пожелания, недоумения какие-то... Какие-то проговаривания, какие-то образы. ...Потом она опять прописывает, начинаем снова проговаривать. ...Но ей нужна среда. Значит, мы понимаем, что она – автор, а мы – питательная среда, такой бульон, который помогает все сформулировать в какой-то новой форме»* (ЧД3).

«Питательная среда», о которой говорит информант, – это то общее коммуникативное и семантическое пространство, образованное членами арт-сообщества, в котором новая вброшенная идея, как семя, начинает «прорастать», т. е. встраиваться в имеющуюся систему разделяемых представлений. Пользуясь языком Ч. Гаджиева, можно сказать, что арт-сообщество в целом выполняет функцию коллективного «резонатора», помогающего автору-«генератору» оформить и прояснить идеи, т. е. объективировать их: *«...Это альтернатива самому себе, потому что художник он так и остается сам по себе... То, что ты как бы считаешь своими собственными сомнениями и комплексами, в коллективе они легче разрешаются. Это эффект демонстрации»* (П5).

С точки зрения объективации появляющихся идей, пожалуй, наиболее благоприятной является среда, созданная в арт-сообществе «Паразит», в которой, по свидетельству информантов, царит атмосфера безоценочности, принятия и свободы: *«Ну, это уже каждый сам себе решает. Если кто-то поставит лажу – никто не будет возражать. Потому что, на самом деле, если кто-то начнет оценивать – то это уже будет полный бред»* (П1). Возможность чувствовать себя в психологической безопасности внутри сообщества является существенным обстоятельством, способствующим интенсификации коммуникативного обмена в процессе объективации генерируемых образов.

Как показывает опыт участников сообщества, процесс коммуникативной объективации, кроме всего прочего, подразумевает наличие способности собеседников открываться навстречу другому и не бояться того, что понимание другого и понимание другим способны изменить тебя самого. Говоря иначе, чем более развит навык коммуникативной объективации у собеседников, тем больше вероятность, что они вступят в диалог, в котором участники не столько сталкиваются в выражении различных позиций, сколько способны откликаться на высказывание собеседника, прояснять, развивать и подхватывать направление его мысли.

Даже между участниками одного арт-сообщества возможности доверительного взаимодействия все равно являются ограниченными, что способствует образованию творческих микрогрупп. По мнению одного из информантов, в подобных творческих союзах (чаще всего диадах) люди становятся друг для друга своеобразными «психиатрами» (П5). По сути, эту роль принимает на себя тот, кто, выслушивая другого и проявляя сочувствие, в какой-то мере облегчает его душевные муки творчества. Процесс объективации идей во многом основан на подобных отношениях между творческими людьми. Прояснение, уточнение, переформулирование сказанного позволяет партнерам по диалогу узнать о границах собственных представлений и вместе с тем найти смысловые звенья, связывающие их внутренние миры. Вот что говорит об этом тонком процессе творческого взаимодействия один из информантов: *«Я уверен, что у нас с Д. разные системы мышления, из-за этого получается какой-то сложный более-менее диапазон, когда мы работаем... Я слышу слова Д., я анализирую их и думаю, я не понимаю, почему так... Мне нравится, я готов принимать этого, другого, другой способ мышления, подумать, что, возможно, этот человек прав или что этот человек заслуживает уважения, другая точка зрения, и мне кажется, на этом многое развивается»* (П6).

Проведенный анализ нарративов слабоструктурированных интервью с представителями арт-сообществ показывает, что первая гипотеза в целом подтвердилась. В творческом процессе художников, несомненно, присутствует значительный пласт действий, процедур и практик, которые не могут быть отнесены к таким широко признаваемым компонентам творческого процесса, как определение задачи, генерирование или оценивание, и которые связаны с эмоционально-энергетической мобилизацией и объективацией возникающих идей. Несмотря

на специфику художественного творчества, данные компоненты достаточно ясно фиксируются в индивидуальных и коллективных креативных процессах художников, хотя и обретают некоторые особенные черты по сравнению с их проявлениями в изобретательстве.

Вторая гипотеза исследования подтвердилась частично. Обсуждаемые два подпроцесса проявляют себя как в очевидной взаимосвязи с коммуникацией, так и без таковой. В нашей статье мы делаем важное добавление к понятию «объективации», предложенному Ч. Гаджиевым [24]. Объективация, о которой он писал и которую мы обозначаем как *коммуникативную*, затруднена в таких сферах творчества, как, например, живопись, графика или скульптура, ввиду их невербального характера. В них художник часто мыслит не с помощью слов, а на языке образов, в том числе линий, форм, цветов или оттенков. Кроме того, информанты говорили о том, что, как правило, не нуждаются в чем-либо вмешательстве в ход своей работы. По этим причинам ту объективацию, которую производят художники, делая рисуночные наброски, мы называем «материальной» объективацией. Ее функция является аналогичной функции коммуникативной объективации – прояснение сути порождаемых идей и нахождение наилучшего способа их выражения. При этом коммуникативная объективация превалирует в коллективном творческом процессе, тогда как работа над индивидуальным творческим проектом может осуществляться как с помощью коммуникативной, так и материальной объективации идей. Коммуникативная объективация, как часть индивидуального творческого процесса, чаще всего происходит в межличностном общении художников, что обусловлено необходимостью доверительного самораскрытия.

Эмоциональная активация также, как оказалось, проявляет себя как в коммуникативной, так и в некоммуникативной форме. С одной стороны, эффективным способом повышения уровня эмоциональной «заряженности» (мотивированности, взволнованности), необходимой для запуска и осуществления как индивидуального, так и коллективного творческого процесса художников, являются, как мы выяснили, их конфликтные взаимодействия, а также интерактивные ритуалы. Последние часто реализуются в форме групповых обсуждений коллективных проектов, а также общения в диадах по поводу отдельных произведений и работы над ними. С другой стороны, художники отмечают, что могут повышать свой эмоциональный тонус иными, некоммуникативными способами, например, с помощью погружения себя в ситуацию цейтнота.

В ходе исследования нами были определены некоторые ограничения при выявлении признаков актуализации отдельных подпроцессов по нарративам интервью. В основном они связаны с тем, что, во-первых, в реальном творческом процессе художников сразу несколько подпроцессов часто протекают практически одновременно или чрезвычайно быстро сменяют друг друга. Во-вторых, невербальный характер значительной части анализируемой творческой деятельности участников арт-сообществ иногда делает проблематичным фиксирование отдельных подпроцессов и отделение их друг от друга. Так, например, по нарративам информантов не всегда возможно однозначно отделить «материальную» объективацию от *определения задачи и генерирования*, поскольку осуществление всех трех подпроцессов часто происходит в форме манипулирования инструментами и материалами, а сами художники не всегда ясно сознают, какой творческий подпроцесс они задействуют в конкретный момент времени.

В завершение нашей статьи мы бы хотели привести утверждение авторитетного специалиста в области экономики культуры Д. Тросби, писавшего о том, что сегодня, «поскольку

некоторые типы культурного производства существуют только в форме коллективной деятельности, анализ деятельности художника в равной мере применим к творческому труду культурных работников, действующих в группе» [33, с. 135]. Проведенное нами исследование, как мы считаем, показывает справедливость обратного утверждения: анализ деятельности творческого коллектива (в нашем случае арт-сообщества) применим к деятельности отдельного художника. Более того, на наш взгляд, такой подход позволяет продвинуться в понимании природы и механизмов творческого процесса как такового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wallas G. The art of thought. New York: Watts & Co, 1926. 181 p.
2. Sadler-Smith E. Wallas' Four-Stage Model of the Creative Process: More Than Meets the Eye? // Creativity Research J. 2015. Vol. 27 (4). P. 342–352.
3. Stuhlfaut M. W., Vanden Bergh B. G. Creativity is...: A metaphoric model of the creative thought process // J. of Marketing Communications. 2014. Vol. 20 (6). P. 383–396.
4. Hyatt K. S. Creativity Through Intrapersonal Communication Dialog // The J. of Creative Behavior. 1992. Vol. 26. P. 65–71.
5. Isaksen S. G., Treffinger D. J. Creative problem solving: The basic course. Buffalo, New York: Bearly Limited, 1985. 215 p.
6. Goldberg C. The Interpersonal Aim of Creative Endeavor // The J. of Creative Behavior. 1986. Vol. 20. P. 35–48.
7. Sales A., Fournier M. Knowledge, Communication and Creativity. London: SAGE Publications, 2007. 192 p.
8. Негус К., Пикеринг М. Креативность. Коммуникация и культурные ценности. Харьков: Гуманитарный институт, 2011. 300 с.
9. Woodman R. W., Sawyer J. E., Griffin R. W. Toward a Theory of Organizational Creativity // Academy of Management Review. 1993. Vol. 18, № 2. P. 293–321.
10. Paulus P. B., Nijstad B. A. Group Creativity: An Introduction // Group creativity: innovation through collaboration. New York: Oxford University Press, 2003. P. 2–11.
11. Хезмондалш Д. Культурные индустрии. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2014. 456 с.
12. Kurtzberg T. R., Amabile T. M. From Guilford to Creative Synergy: Opening the Black Box of Team-Level Creativity // Creativity Research J. 2001. Vol. 13 (3–4). P. 285–294.
13. Sawyer R. K. Explaining Creativity: The Science of Human Innovation. New York: Oxford University Press, 2006. 354 p.
14. Busse T. V., Mansfield R. S. Theories of the Creative Process: A Review and a Perspective // The J. of Creative Behavior. 1980. Vol. 14. P. 91–132.
15. Process analytic models of creative capacities / M. D. Mumford, M. I. Mobley, C. E. Uhlman et al. // Creativity Research J. 1991. Vol. 4 (2). P. 91–122.
16. Lubart T. Models of the Creative Process: Past, Present and Future // Creativity Research J. 2001. Vol. 13 (3–4). P. 295–308.
17. Психология креативности / Т. Любарт, К. Муширу, С. Торджман, Ф. Зенасни. М.: Когито-Центр, 2009. 215 с.
18. Eindhoven J. E., Vinacke W. E. Creative processes in painting // J. of General Psychology. 1952. Vol. 47, iss. 2. P. 139–164.
19. Amabile T. M. A Model of Creativity and Innovation in organizations // Research in Organizational Behavior. 1988. Vol. 10. P. 123–167.
20. Fürst G., Ghisletta P., Lubart T. The Creative Process in Visual Art: A Longitudinal Multivariate Study // Creativity Research J. 2012. Vol. 24 (4). P. 283–295.
21. Csikszentmihalyi M. Society, culture and person: A systems view of creativity / ed. by R. J. Sternberg. New York: Cambridge University Press, 1988. 385 p.

22. Csikszentmihalyi M. Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Innovation. New York: Harper Collins Publishers, 1996. 456 p.
23. Белбин Р. М. Типы ролей в командах менеджеров. М.: НРРО, 2003. 232 с.
24. Гаджиев Ч. М. Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование проблем коллективного творчества. М.: Наука, 1983. С. 266–279.
25. Китаев-Смык Л. А. Факторы напряженности творческого процесса // Вопр. психологии. 2007. № 3. С. 69–82.
26. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1284 с.
27. Peat F. D. David Bohm 1917–1992 // Encyclopedia of Creativity / ed. by M. A. Runco & S. R. Pritsker. New York: Academic Press, 2011. Vol. 1. P. 159–164.
28. Getzels J. W., Csikszentmihalyi M. The creative vision: A longitudinal study of problem finding in art. New York: Wiley, 1976. 304 p.
29. Cawelti S., Rappaport A., Wood B. Modeling artistic creativity: An empirical study // J. of Creative Behavior. 1992. Vol. 26. P. 83–94.
30. Mace M.-A., Ward T. Modeling the Creative Process: A Grounded Theory Analysis of Creativity in the Domain of Art Making // Creativity Research J. 2002. Vol. 14 (2). P. 179–192.
31. Yin R. K. Case Study Research: Design and Methods. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2009. 240 p.
32. Пономарев Я. А., Гаджиев Ч. М. Закономерности общения в творческом коллективе // Вопр. психологии. 1986. № 6. С. 77–86.
33. Тросби Д. Экономика и культура. М.: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2013. 256 с.

A. M. Pivovarov

Saint Petersburg State University

COMMUNICATIVE ANALYSIS OF THE CREATIVE PROCESS IN ART COMMUNITIES

On the issue of identification of components of the creative process, the author proposes to rely on notions and concepts asserting the deep relationship between communication and creativity. The communicative approach involves revealing of sub-processes involved in creativity by analyzing communication that takes place in the team, whose members are engaged in solving a creative problem. For the analysis of the artistic creative process it is proposed to use a model, major components (sub-processes) of which include problem statement, emotional activation, generating, objectification and evaluating. The paper describes the sub-processes of objectification and excitement in individual and team work of artists, as well as a role performed by communication in each sub-process. The evidence-based framework for the paper included the data gathered with a method of a semi-structured interview collected during the field research. Their object included four art communities that had brought together more than thirty artists in an urban environment who work in various genres of the contemporary art.

Creative process, communication, team's role structure, art communities

УДК 613.95+614.1 (470+571)

Solheim Karsten

Master of history, Oslo, Norway

В. М. Середа

Санкт-Петербургский государственный университет

РАСПАД СССР КАК ФАКТОР НОВОЙ ВОЛНЫ БЕСПРИЗОРНОСТИ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ 1985–1996 гг.)

На основе анализа современных российских и зарубежных журнальных публикаций рассматривается динамика беспризорности в России в период с 1985 по 1996 г. Основное внимание уделяется освещению причин, проявлениям и мерам профилактики беспризорности.

Беспризорность, уровень бедности, злоупотребление алкоголем родителями, жестокое обращение с детьми, бегство детей, правонарушения несовершеннолетних, девиантное поведение, профилактика беспризорности, комиссии по делам несовершеннолетних (КДН)

В данной работе авторы предпринимают попытку проанализировать причинно-следственную связь между развалом Советского Союза и возникновением «третьей волны» детской беспризорности¹ в России, используя трехуровневую методологическую модель.

На первом уровне модели исследуется «внешняя среда детской беспризорности» – причины и факторы возникновения беспризорности, выраженные в таких детерминантах, как макрополитические (основные направления развития и изменения в государственной политике); макроэкономические (например, значительное снижение показателей ВВП и рост бедности); микродетерминанты в семье, непосредственно влияющие на условия жизни детей группы риска (алкоголизм родителей, домашнее насилие и другие обстоятельства, толкающие детей на улицу).

На втором уровне модели рассматривается совокупность психологических, медицинских, образовательных, криминалистических, количественных и других характеристик проявленной детской беспризорности, возникающих на фоне процессов, проходящих на первом уровне модели.

На третьем уровне представлен анализ «системы профилактики детской беспризорности», обладающей позитивным потенциалом, позволяющим как предупредить детскую беспризорность, так и помочь детям, уже оказавшимся на улице. Взаимодействие уровней будет проходить в направлении от общества в целом в сторону третьего уровня модели – т. е. в сторону изменения способности системы профилактики принимать эффективные меры для устранения причин возникновения детской беспризорности и снижать ее показатели.

¹ Под понятием «беспризорный» в данной статье авторы предлагают понимать несовершеннолетнего, живущего хотя бы периодами «на улице», без какого-либо контроля со стороны взрослых лиц, ответственных за него. Это определение соответствует пониманию «беспризорности» у таких авторов, как, например, А. Л. Арефьев [1] и С. К. Жилиева [2]. Другое определение предлагается Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», где проводится разграничение между понятием «безнадзорный» и «беспризорный».

Статья основана, прежде всего, на материалах, опубликованных в 1985–1996 гг. Начало данного периода совпадает с избранием М. С. Горбачева Генеральным секретарем КПСС в 1985 г.; окончание – с прохождением «точки невозврата» постсоветского социально-экономического развития, когда Б. Н. Ельцин в 1996 г. спорным образом обеспечил себе второй срок в качестве президента РФ. В контексте нашего исследования надо отметить, что глубочайший политический, экономический, социальный и моральный кризис российского общества в течение длительного периода 1985–1996 гг. не мог не оказать отрицательного воздействия на функционирование системы борьбы с беспризорностью.

Но не следует рассматривать формирование описанных процессов как предопределенную динамику, лишённую какого бы то ни было субъективного влияния. Так, условия функционирования основных органов профилактики беспризорности – Комиссий по делам несовершеннолетних (КДН) – зависели от адекватного восприятия политиками меняющейся конкретной ситуации в контексте феномена детской беспризорности. В соответствии как с советским, так и с российским законодательством, КДН должны были консолидировать усилия государства и общества через соответствующие структуры на всех уровнях вертикали власти до общественных организаций на местах в скоординированной борьбе с беспризорностью. И, что важнее всего, условия деятельности КДН зависели от внесения необходимых изменений в ту политику, которая, как стало очевидно очень скоро, создала чрезвычайно неблагоприятную обстановку в стране, в том числе в отношении детей.

Основной задачей данной статьи поэтому является изучение вопроса существования источников информирования руководящих деятелей по детской теме в позднесоветской и постсоветской России. Чтобы восстановить обстановку, в которой происходил процесс осознания политическими лидерами страны растущих рисков детской беспризорности, мы рассмотрели российские журналы, так или иначе касающиеся детской проблематики, выходившие в течение изучаемого периода.² В качестве дополнительной базы источников авторы использовали также публикации подобных зарубежных журналов.³

Далее в обзоре авторы статьи пытаются изучить динамику развития темы по основным показателям на каждом из трех уровней используемой модели, таким как: бедность семей, имеющих детей; злоупотребление алкоголем родителями; жестокое обращение с детьми, другие неблагоприятные условия проживания в семье (показатели детерминантов беспризорности) [З, с. 155]; правонарушения, совершенные несовершеннолетними; количество беспризорных де-

² Ваше право; Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы; Вопросы борьбы с преступностью; Вопросы психологии; Вопросы философии; Дефектология; Директор школы; Журнал невропатологии и психиатрии; Законность (Социалистическая законность); Коммунист; Криминология и уголовная политика; Народное образование; Обзор психиатрии и медицинской психологии; Отечественная история; Педагогика; Правозащитник; Проблемы совершенствования советского законодательства; Психологический журнал; Родина; Семья и школа; Следователь; Советская юстиция (Российская юстиция); Советское государство и право (Государство и право); Социальная защита; Социальная работа; Социальное обеспечение; Социальный потенциал семьи; Социологические исследования; Юридическая газета.

³ Addiction; Alcohol and Alcoholism; British Medical Journal; Child Abuse and Neglect; Child Development Research; Child Indicators Research; Childhood; Childhoods today; Children, Youth and Environments; Communism; Contemporary Drug Problems; Drug and Alcohol Dependence; European Journal of Population; Europe-Asia Studies; Family Relations; Feminist Economics; Forum Novejsej Vostocnoevropejskoj Istorii i Kultury; International Journal of Social Welfare; Journal of Adolescent Chemical Dependency; Journal of Children and Poverty; Lancet; Russian Social Science Review; Social Forces; Social Politics; Social transition and health; Social Work in Europe; Soviet Studies; The International Journal of the Addictions.

тей (показатели феномена беспризорности); способность системы профилактики предотвращать новые случаи беспризорности, выявлять новые случаи и предпринимать адекватные меры помощи этим детям, а также обеспечивать координацию всех компонентов данной системы (показатели эффективности системы профилактики). Что касается показателей детерминантов беспризорности, для сравнения следует рассмотреть «Шкалу факторов риска беспризорности» на уровне семьи с соответствующей оценкой риска по баллам, разработанную одним из авторов статьи, экспертом в вопросах социальной защиты дезадаптированных детей. Согласно этой шкале, злоупотребление родителями алкоголем – 10; жестокое обращение с детьми – 10; употребление родителями наркотиков – 10; мать ребенка ведет асоциальный образ жизни – 10; отсутствие постоянной работы у родителей – 10; неблагополучный психологический климат в семье – 8; доходы в семье значительно ниже прожиточного уровня – 6; плохие бытовые условия – 5; многодетность – 9; отсутствие одного из родителей – 5 баллов.

Анализ материалов в отношении ситуации по детскому вопросу проводится последовательно в отношении трех переломных периодов развития: в начале перестройки (1985–1988); на заключительном отрезке существования СССР (1989–1991); на этапе «шоковой терапии» и до вторых президентских выборов в России (1992–1996).

В связи с тем, что общеполитические детерминанты беспризорности не отражены в рассмотренных журнальных статьях, авторы предлагают (на основе общеизвестных сведений) общие короткие вступительные характеристики для каждого из названных периодов.

В начале перестройки (1985–1988). В марте 1985 г. М. С. Горбачев был избран генеральным секретарем КПСС. Осознав, что СССР в течение десятилетий технологически и экономически отставал от западных соперников, советский лидер приступил к внутрисистемным реформам с целью добиться ускорения экономического развития страны. Тем не менее за период 1985–1989 гг. не было получено никаких существенных результатов. Крайне спорная антиалкогольная кампания, став в центре советской внутренней политики этих лет, принесла только ограниченные улучшения в социальной сфере, в области демографии и преступности.

Согласно советскому дискурсу, «бедность» как явление была ликвидирована в Советском Союзе. В связи с этим не вызывает удивления то обстоятельство, что за период 1985–1989 гг. мы не нашли публикаций, в которых «бедность» семей рассматривается как фактор, обуславливающий детскую уязвимость. Вместо этого используется термин «неблагополучные семьи» – понятие, которое, очевидно, должно подразумевать отсутствие материального достатка в семье. Например, в статье, напечатанной в 1987 г. в журнале «Отечественная история», читаем: «Если говорить о социальных корнях преступности несовершеннолетних, то их следует искать, на наш взгляд, в миллионах неблагополучных семей и “отклоняющемся поведении” их отпрысков <...>» [4].

В этот период в печати появляется много материалов, посвященных социальным и иным проблемам, вызванным чрезмерным потреблением алкоголя населением. Тем не менее среди проанализированных печатных изданий найдено относительно мало специализированных статей, рассматривающих тему алкоголизма и детского неблагополучия.

В одной из работ 1985 г., в самом начале проведения антиалкогольной кампании, утверждалось, что «алкоголизм – причина распада многих семей, их неблагополучие, что сказывается самым неблагоприятным образом на воспитании детей» [5]. В этой же статье

автор продолжает: «...проблема пьянства и алкоголизма в стране за последние годы обострилась». Эти два замечания позволяют нам сделать следующий вывод: в этот период проблема злоупотребления алкоголем родителями становится все более значимой причиной детской беспризорности.

Есть и другие примеры. Из материала, опубликованного в 1987 г., узнаем, что «наиболее опасно для детей и подростков пьянство в семье» [6]. «Исследования педагогов, юристов, медиков показывают, что у пьянствующих родителей большинство детей (до 80 %) не осваивают школьную программу, нарушают дисциплину, каждый второй совершает преступление, почти половина детей лечится в психоневрологических клиниках» [6, с. 35].

Существование взаимосвязи между алкоголизмом и усилением риска распада браков было отмечено в цитированной статье [5]. В последние десятилетия разрушенные браки, а также внебрачные дети стали все более распространенным явлением в СССР. То, какова в действительности была динамика разводов во время правления М. Горбачева или какие риски могут возникать в случае воспитания ребенка одним родителем (при наличии и других детерминантов беспризорности), никак не освещается в исследованном материале данного периода. Однако в статье 1990 г., написанной Н. Трубиным, первым заместителем Генерального прокурора РСФСР, приведена информация, что «ежегодно расторгаются до 400 тыс. браков». Интересно для целей нашего исследования еще одно замечание в той же статье: «среди осужденных подростков почти 40 % составляют дети из неполных семей» [7].

Что касается темы насилия над детьми (следует отметить, что материалы по этому вопросу, доступные в настоящее время, доказывают, что родительский алкоголизм является значительным фактором риска для детей) [8], этот вопрос не был предметом открытого обсуждения в России до середины 1990-х гг. [9]. Это объясняет, пожалуй, полное отсутствие в изученной литературе данного периода упоминаний о случаях насилия над детьми как основного фактора, вызывающего формирование делинквентной личности. Лишь в одной статье есть ссылка на эмпирическое исследование (не советского, а польского автора), в котором сказано, что из 716 несовершеннолетних правонарушителей, включенных в исследование, 320 подвергались «грубому обращению» [10].

Перед тем как перейти к феномену детской беспризорности, второму уровню нашей исследовательской модели, следует прокомментировать тему связи между преступностью среди молодежи и беспризорностью. В статье, опубликованной в 1988 г., посвященной деятельности сектора для изучения преступлений несовершеннолетних во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, автор называет в качестве факторов, предшествующих и сопутствующих росту преступности среди подростков, «употребление спиртных напитков, наркотиков и токсических средств, а также половую деморализацию» [11]. Все эти явления, наряду с такими аномалиями, как преступления в корыстных целях, а также насильственные преступления (последние, естественно, в меньшей степени), несомненно, характеризуют жизнь и быт многих беспризорных детей, создавая таким образом некую общность между «обычными» несовершеннолетними правонарушителями и беспризорниками.

Когда мы в дальнейшем будем обсуждать вопрос о существовании беспризорности в трех рассматриваемых временных отрезках, мы будем исходить из того, что в нашем контексте уровень правонарушений и преступности несовершеннолетних может служить показателем распространения беспризорности.

В начале описания данного периода мы уже отмечали, что в результате антиалкогольной кампании наблюдалось некоторое снижение уровня преступности. Однако в материалах, изученных в целях настоящей работы, приводятся противоречивые оценки. В цитированном выше материале 1987 г. о «современных социальных проблемах молодежи» автор статьи обращает внимание читателей на «...тревожную динамику преступности, в том числе молодежной...» [4]. В другой публикации, правда, появившейся только в 1994 г., автор анализирует проблему преступности среди молодежи в Центрально-Черноземном регионе и отмечает, что за 1983–1987 гг. произошло «небывалое, по сравнению с предыдущими десятилетиями, сокращение преступности по всем ее основным показателям» [12].

В журнальных материалах по детскому вопросу, вышедших в 1985–1988 гг., мы не нашли упоминаний о существовании беспризорников в СССР в этот период. Тот факт, что информация об уличных детях не была отражена в периодической литературе, не может, пожалуй, вызывать удивление – ведь речь идет о времени, когда определенные идеологические табу все еще оставались в силе. Однако при анализе специализированной литературы (например, работ врача-психиатра и доктора педагогических наук А. Н. Алмазова) можно установить, что еще при традиционном социализме были зарегистрированы отнюдь не единичные случаи беспризорности: «Безнадзорное общение детей “одинаковой судьбы” при всех неудобствах бродяжничества (голод, холод, гигиеническая запущенность, болезни, страх перед подростками) обладает для каждого из них притягательной силой, которую дает чувство облегчения после разрешения психического напряжения» [13, с. 89].

На основе проанализированной литературы можно утверждать, что уже в период, когда социальная и экономическая сферы, предположительно, продолжали функционировать относительно стабильно, т. е. без крупных сбоев, стали проявляться признаки ослабления системы профилактики беспризорности.

Во-первых, способность системы, в более широком смысле слова, обеспечивать условия для стабильного организованного активного досуга детей, в частности из неблагополучных семей, поставлена под сомнение, например, в статье члена областного суда г. Костромы А. Румянцева, опубликованной в журнале «Советская юстиция» в 1987 г. На основе результатов анализа практики применения законодательства в отношении правонарушений несовершеннолетних в данной области А. Румянцев утверждает, что одна из причин правонарушений заключается в «неорганизованности досуга и безнадзорности несовершеннолетних». Автор приводит цифры, показывающие, что «половина всех преступлений совершена на улицах и в других общественных местах, каждое четвертое – в субботние, воскресные или праздничные дни, около половины – после 22 часов» [14]. Кроме того, автор цитируемой статьи подвергает критике работу отдельных компонентов общей системы профилактики беспризорности – такой, как, например, профилактическая работа, проводимая комсомольскими организациями среди молодежи. Автор высказывает мнение, что именно ВЛКСМ несет ответственность за «упущения», поскольку не проявлял должной активности в отношении подростков и молодых людей «в трудную минуту», а вместо этого оставлял их «один на один со своими заботами, проблемами» [14].

Следует также заметить, что система профилактики и вовсе не была способна – очевидно, по причине отсутствия альтернативных способов размещения детей или малоэффективного стиля функционирования системы – обеспечить место в детском учреждении или оформить усыновление в частной семье для устройства тех детей, кто не мог больше жить

у себя дома вследствие невыносимых условий: «В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос о своевременном исполнении решений по делам о лишении родительских прав. Практике известны случаи, когда дети после вступления решения суда в силу долгое время продолжали жить вместе с лицами, лишенными родительских прав, и по-прежнему подвергались их пагубному влиянию» [15].

По поводу общей координации системы профилактики была высказана озабоченность, например, в журнале «Вопросы борьбы с преступностью» в 1988 г.: «Значительное число органов и организаций, участвующих в предупреждении правонарушений несовершеннолетних, заставляет постоянно заботиться об обеспечении единства данной системы, а именно: о ее внутренней организованности, скоординированности и взаимодействии всех ее субъектов» [16].

Подводя итоги по публикациям первого периода, можно утверждать, что в доступных материалах отсутствуют факты, свидетельствующие об ухудшении условий во внешней среде (обществе) и распространении беспризорности. Однако рассмотренный материал позволяет утверждать, что советская система профилактики уже тогда была перегружена и не располагала ресурсами, позволявшими должным образом справляться с существующим объемом работы с детьми группы риска.

Заключительный этап существования СССР (1989–1991). К 1989 г. внутрисистемные горбачевские реформы, по всей видимости, уже исчерпали свой конструктивный потенциал для обеспечения дальнейшего экономического роста. К тому же советского лидера начинает резко критиковать появившаяся к этому времени ничего не боящаяся оппозиция. В таких условиях Горбачев приступил к еще более радикальным инициативам, в результате которых очень скоро в СССР ВВП стал снижаться, повсеместно распространился дефицит, начались социальная и национальная дезинтеграция. Растущая напряженность в обществе, совпавшая с провалом антиалкогольной кампании, вызвала новую волну пьянства среди родителей, неизбежно создавая ситуацию риска для уязвимых детей.

Бедность в обществе и в семье как детерминант беспризорности. В 1990 г. был проведен круглый стол, в ходе которого ведущие советские эксперты по защите прав детей обсуждали, какие обязательства для СССР возникают из Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией ООН в ноябре 1989 г. и Советским Союзом в январе 1990 г. В журнале «Советская юстиция», в статье, посвященной этому мероприятию, заместитель председателя Всесоюзного (затем – Российского) детского фонда Е. Рыбинский также упоминает о проведенном ранее совместном заседании Комитетов Верховного Совета СССР: по делам молодежи, по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства, по международным делам, по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, на котором обсуждали вопрос о принятии Верховным Советом СССР вышеупомянутой Конвенции. Рыбинский сообщает, что на этом заседании «многие депутаты» высказывали мнение, что СССР находится в «тяжелом экономическом положении», и что поэтому «мы не можем взять на себя обязанность по выполнению требований» Конвенции, «иначе опять будет декларация» [17].

Далее Рыбинский пишет, что проводимые руководством СССР экономические реформы «особенно в первые годы» будут «негативно отражаться на обеспечении социальных нужд», что «прежде всего, коснется детей». В качестве отрицательных последствий проводимой политики автор называет сокращение финансирования детских садов, внешкольных учреждений и организации досуга детей. Рыбинский также предсказывает «общее повышение цен и безработицу» [17].

По мнению Рыбинского, подобные прогнозы не привлекают должного внимания ни со стороны руководства страны, ни со стороны общественности: «...к сожалению, редко кто задумывается, мало говорят и пишут о том, что нас ждет в этом плане с учетом перехода на пути экономической реформы» [17].

Подобные пессимистические предсказания можно найти и в статье ведущего научного сотрудника Ленинградского филиала института социологии АН СССР Я. И. Гилинского: «Динамизм социальных процессов в период перестройки, кризисная ситуация во многих сферах общественной жизни неизбежно приводят к увеличению девиаций, проявляющихся в поведенческих формах, отклоняющихся от норм». Наряду с такими негативными явлениями, как рост социальной незащищенности граждан, насильственной и корыстной преступности, алкоголизации и наркотизации населения, автор также констатирует усиление «подростковой делинквентности, аморальности» [18].

Другие детерминанты беспризорности в семье – родительский алкоголизм и насилие. С провалом и дискредитацией антиалкогольной кампании к 1988 г. можно предположить, что для исследователей и публицистов становится менее привлекательно заниматься темой чрезмерного потребления алкоголя, в том числе в качестве детерминанта детской беспризорности и других социальных зол. В отношении «негативного воздействия» «социально-психологических акций» антиалкогольной кампании, Р. Пихоя замечает: «невольно вспоминается русская пословица – заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет» [19, с. 33]. Далее автор лаконично утверждает: «Идиотизм официальной борьбы с пьянством состоял и в том, что она прикончила реальное трезвенническое движение в стране. Кампания настолько себя скомпрометировала, что к 1988 г. незаметно скончалась» [19, с. 34].

Как бы то ни было, за период 1989–1991 гг. авторами обнаружено гораздо меньше материалов на тему алкоголя, чем за предыдущий период. Несмотря на отсутствие серьезных исследований, проблема злоупотребления алкоголем продолжает рассматриваться как одна из причин семейного неблагополучия. Например, в статье первого заместителя Генерального прокурора РСФСР Н. Трубина, достаточно ясно указано на корреляцию между чрезмерным употреблением алкоголя и повышенной детской уязвимостью (в том числе, как причина беспризорности): «В результате пораженности семей пьянством, алкоголизмом, наркоманией ежегодно около 60 тыс. детей остается без родительского попечения» [7, с. 2–3].

В социологических исследованиях российских авторов данного периода насилие над детьми представлено как феномен, который, по-видимому, исследователи включают в понятие «неблагополучные семьи» и, очевидно, связывают с употреблением алкоголя и наркотиков, а также с другими детерминантами беспризорности. Тем не менее в уже названной публикации о Конвенции о правах ребенка, вполне ясно утверждается, что «растет число жестокого обращения родителей с детьми» [17, с. 9].

Перейдем ко второму уровню исследовательской модели – к феномену беспризорности. Материал изученных источников показывает, что в течение периода 1989–1991 гг. растут «правонарушения несовершеннолетних», которые, как было отмечено ранее, можно считать предшествующим или сопутствующим факторами детской беспризорности. В статье «О правовой незащищенности несовершеннолетних и путях ее устранения» главный научный сотрудник Сектора гражданского права при Институте государства и права АН СССР А. М. Нечаева пишет: «Растет число подростков, злоупотребляющих алкоголем. Только за 8 месяцев 1989 г. 133 тыс. несовершеннолетних были подвергнуты административным

взысканиям за пьянство, а количество детей, доставляемых в органы милиции, приблизилось к 1 млн. За 9 месяцев 1989 г. в Москве подростками совершено 3619 преступлений (рост по сравнению с 1988 г. на 82,2 %)» [20].

Что касается вопроса существования беспризорности (в меньшей степени – детского бродяжничества, его можно назвать стадией, предшествующей беспризорности), то это явление в атмосфере гласности описывается довольно открыто. В процитированной выше статье о положении детей в СССР на момент принятия страной Конвенции ООН о правах ребенка прямо отмечается, что среди 958 тыс. подростков, которые в 1989 г. были доставлены в органы внутренних дел, 99 тыс. – так называемые «побегушники» [17, с. 9].

То обстоятельство, что проблема детского бродяжничества в связи с углубляющимся кризисом в стране, также распространялась и на детские учреждения, подтверждено в статье прокурора Волгоградской области Н. Руднева (в соавторстве с В. Мальцевым), в которой описана ситуация в конкретной спецшколе. Согласно приведенным авторами данным, в школе чувствуется большая нехватка средств, и «практически» не осуществляется контроль «над процессами, происходящими среди учащихся». В результате растет число побегов: «Лишь приемником-распределителем для несовершеннолетних в 1989 г. возвращались в школу 46 раз, а уже за первую половину 1990 г. – 47». Далее, со ссылкой на «материалы Прокуратуры РСФСР», авторы сообщают, что «известно, что подобные недостатки есть и в других регионах» [21].

Проанализированная литература данного периода отражает ситуацию, описанную уже в предшествующем периоде, причем исследователи, занимающиеся детским вопросом, критикуют практику работы системы профилактики, в частности, недостатки в организации досуга детей и подростков. Так, в статье 1990 г., касающейся Кировской области, Л. Журавлева утверждает, что «главная причина совершения подростками различных общественно-опасных посягательств – неорганизованность их досуга» [22].

Тот же автор резко критикует работу комиссии по делам несовершеннолетних, а также деятельность органа милиции по предотвращению преступности среди подростков – инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН). ИДН, в свою очередь, работали в тесном контакте с КДН в сфере деятельности по профилактике беспризорности [23]. На основе результатов изучения состояния профилактической работы народных судов по делам в отношении несовершеннолетних, Журавлева, в частности, указывает на «серьезные недостатки» со стороны комиссий и инспекций по делам несовершеннолетних «в организации индивидуальной профилактической работы с подростками, состоящими на учете в отделах внутренних дел области...» [22, с. 8].

Во время проведения упомянутого круглого стола по Конвенции о правах ребенка, ведущий специалист Министерства образования доктор юридических наук А. Дзугаева дает тревожную оценку как состояния скоординированности данной системы профилактики беспризорности, так и ее отдельных компонентов. По поводу координации Дзугаева утверждает: «...в стране отсутствует единый квалифицированный и полномочный орган, способный решать весь комплекс проблем, связанных с социально-правовой охраной детства» [17, с. 11].

С точки зрения Дзугаевой, «в нашей стране проблемами охраны прав несовершеннолетних, большей их частью, в органах народного образования занимаются инспектора по охране детства». Кстати, данное высказывание ведущего специалиста демонстрирует некоторую неясность в системе определения полномочий и координации профилактической работы. Ведь

согласно положению об общественном инспекторе по охране детства, в обязанности инспектора входит требование «проводить профилактическую работу с неблагополучными семьями, в которых воспитываются несовершеннолетние дети, осуществляя при этом постоянную связь с Комиссией по делам несовершеннолетних...». Однако в Положении о КДН четко прописано, что «главными задачами комиссий по делам несовершеннолетних являются организация работы по предупреждению безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, устройство и охрана прав несовершеннолетних, координация усилий государственных органов и общественных организаций по указанным вопросам...» [24].

Но дело заключается, пожалуй, не столько в некоторой нечеткости в определении компетенции названных органов профилактики, сколько в том, что, по замечанию Дзугаевой, «только 40 % отделов народного образования... укомплектованы этими инспекторами» [17, с. 11].

Несмотря на отсутствие сравнительных статистических данных, можно утверждать, что материалы статей, относящиеся к периоду 1989–1991 гг., свидетельствуют о том, что бедность становится еще более серьезной проблемой и что в уязвимых семьях условия жизни детей ухудшились. Те же источники позволяют сделать вывод, что, по сравнению с предыдущим периодом, из дома ушло большее число детей, прибегнув к этому последнему выходу из нестерпимой ситуации: от безразличных или жестоких родителей или людей, ответственных за судьбу этих детей. И, наконец, наступил момент, когда система профилактики беспризорности исчерпала свой потенциал. Из всего сказанного становится очевидно, что для советских руководителей, которые оставались во власти реально до августа 1991 г., и для их соперников и затем преемников, было вполне очевидно, что любое дальнейшее ухудшение ситуации в стране и общей среды детской беспризорности создаст новые угрозы, которые будут несовместимы с существующей системой защиты детей.

Результаты политики «шоковой терапии» (1992–1996). В 1988–1989 гг. бывший партийный руководитель Б. Н. Ельцин стал лидером оппозиции как активный критик многочисленных недостатков советской системы, усугубленных в конце периода руководства страной М. Горбачевым. Взявший верх в правительстве Российской Федерации в августе 1991 г. Б. Ельцин обещал скорейшие улучшения в экономике и социальной жизни страны. Но вместо быстрого общественного возрождения запущенная в январе 1992 г. «шоковая терапия» вызвала беспрецедентный социально-экономический спад и в том числе массовую бедность и отчаяние. КПСС, которая в течение всей советской эпохи контролировала все стороны жизни страны, была запрещена в августе 1991 г. в результате провалившейся попытки остановить распад СССР. Внезапно возник огромный вакуум во властных структурах, что открыло неограниченные перспективы для людей со связями и позволило им приватизировать и эксплуатировать в свою пользу прибыльные предприятия и организации. В то же время неприбыльный сектор (в том числе система социальной защиты детей) в значительной степени остался предоставлен сам себе, без внимания и поддержки со стороны государства.

В изученных нами журнальных публикациях драматическое обнищание населения после 1991 г. и его последствия для уязвимых семей отражены весьма слабо. Например, экономист Всемирного банка Бранко Миланович подсчитал количество бедных людей в России и Восточной Европе до и после системных изменений, используя одинаковые критерии бедности и покупательной способности для обоих периодов. Миланович пришел к выводу, что в период 1987–1988 гг. общее количество бедных составляло всего 2 % населения (2,2 млн человек). Подобная цифра для периода с 1993 до 1995 г. – 50 % и 74,2 млн человек соответственно [25].

Вместо того чтобы определять пострадавшие в кризисный период семьи как «бедные», авторы статей на детскую тему данного периода продолжают использовать смягчающие эпитеты: «малообеспеченные» семьи. Примеры подобной подмены понятий найдем в статье начальника отдела Министерства социальной защиты населения М. Мирсагатовой (в соавторстве с ее помощником М. Вшановым). Вместе с тем в своем описании проблемы указанные авторы предлагают объяснение причинно-следственной связи между экономическим кризисом и – по нашей терминологии – развитием благоприятной среды для детской беспризорности: «То положение дел в экономике России, которое сложилось на сегодня, привело к значительным социальным потерям и ударило в первую очередь по семьям с детьми. Резко возросло число малообеспеченных семей <...> Да в семье, где взрослые измучены проблемой выживания, не до воспитания детей» [26].

В статье, опубликованной российским социологом и заместителем директора по науке Всероссийского центра уровня жизни В. П. Култыгиным на английском языке в 1993 г., четко описаны последствия обнищания населения как результата политики «шоковой терапии». На основе исследований, проведенных в трех российских регионах, В. Култыгин утверждает, что, по состоянию на середину 1992 г., ситуация в России характеризуется «тенденцией катастрофического снижения уровня жизни, охватывающего все больше прослоек населения». Исследователь привлекает внимание к тому, что «особенно критическим является положение в семьях, принадлежащих к группе риска обеднения – т. е. семейства с одним родителем... и многодетные семьи» [27].

Согласно исследованию В. Култыгина, ситуация, в частности в Рязанской области, следующая: 91 % группы семейств с одним родителем и 87 % других семей, имеющих детей, относились в 1992 г. к категории «бедные семьи». Только 2,6 % семей, имеющих детей, были, согласно данному исследованию, «хорошо обеспеченными» [27].

В. Култыгин также приводит данные о последствиях «шоковой терапии» для системы социальной защиты детей. Например, в 1992 г. было закрыто более 4500 детских оздоровительных лагерей. Оплата пребывания в лагерях других категорий увеличилась в 100 раз. В результате «каждый месяц более миллиона мальчиков и девочек были лишены организованного и активного отдыха в течение лета 1992 г.» [27, с. 146].

В. Култыгин дает весьма пессимистический прогноз в отношении дальнейшего развития социальной сферы. Ссылаясь на исследования Всероссийского центра уровня жизни совместно с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, Култыгин сделал предположение о том, что последствия текущих экономических реформ к 1995 г. приведут к сокращению личного потребления больше чем на 40 %. Далее исследователь предполагает, что в результате сокращения производства до 22 млн человек станут безработными [27, с. 145].

Несмотря на то, что в эти годы происходит значительный рост потребления алкоголя среди многих миллионов граждан, наиболее пострадавших от расширяющегося кризиса, о пагубных последствиях этого явления в изученной нами литературе данного периода написано мало. Вот что пишет А. В. Немцов (который, по сравнению с некоторыми другими исследователями, дает консервативные оценки реального потребления алкоголя на душу населения России в данный период): «К сожалению, приходится констатировать, что рыночные реформы в России сопровождались резким ростом потребления алкоголя, в результате чего наша страна в 1992 г. практически достигла уровня, который существовал перед началом антиалкогольной кампании (1984 год). В 1993 году по уровню потребления алкоголя Россия заняла первое место мире (14,5 литров 100 % алкоголя на человека в год)» [28].

Тем не менее пример упоминания о проблеме алкогольной зависимости мы находим в замечательной статье «Защитить права детей», написанной в 1992 г. заместителем начальника отдела управления общего надзора Генеральной прокуратуры Российской Федерации О. Воробьевым: «...сотни тысяч детей растут в обстановке пьянства, скандалов и драк, в атмосфере аморального поведения и проявления жестокости со стороны родителей» [29].

Весьма ограниченное внимание в изученных материалах уделено и теме «жестокости обращения» с детьми. В статьях полностью отсутствует сравнительный статистический материал по этому вопросу. Также нет упоминаний о существовании сексуального насилия над детьми. Хотя в диссертации 1991 г. еще одного исследователя из Польши открывается страшная действительность сексуального насилия над детьми в России (подобно тому, как это явление в той или иной форме существует и в других странах). Исследователь Г. Лашук пишет: «...“иногда” мать осознает факт, что отец или отчим насилует или даже “сожительствует” с ее дочерью. Однако мать никогда не сообщит о преступных действиях и не станет противостоять преступнику из страха потерять кормильца семьи» [30, с. 147]. В издании «Ваше право» (приложение к журналу «Социальная защита») под рубрикой «Сломанные детские судьбы» мы тем не менее находим данные, которые убедительно демонстрируют распространенность данной причины детской беспризорности: «В результате жестокого обращения с детьми 70 % всех детских травм – семейно-бытовые» [31].

Между тем Россия переживала глубокий кризис института брака. Количество расторгнутых браков увеличилось с 400 000 в 1990 г. [7] до 500 000 в 1993 г. [31]. Как уже отмечалось, проблема неполных семей, выступающая в сочетании с другими детерминантами, может служить причиной роста детской беспризорности.

В связи с этим следует упомянуть еще одну отрицательную тенденцию, которая в сочетании с некоторыми дополнительными неблагоприятными условиями может подготовить почву для детской беспризорности: рост численности матерей, которые, по разным соображениям, считали, что не смогут воспитать собственных детей. В статье, опубликованной в «Вашем праве» в 1993 г., для сведения читателей приводят данные, что за 5 лет «количество так называемых отказных детей увеличилось... на 30 % ...» [31].

Как становится ясно из обзора литературы данного периода, количество материалов по разным детским вопросам парадоксальным образом уменьшается с развитием общественного кризиса страны. Упомянутая статья заместителя начальника Генеральной прокуратуры Российской Федерации О. Воробьева в связи с этим приобретает особую важность. Но самое главное заключается в том, что данную статью можно считать авторитетной и достоверной потому, что ее выводы основаны на результатах всероссийских проверок региональных судов, служб прокуратуры и общественных организаций, проведенных Генеральной прокуратурой.

В частности, что касается «феномена детской беспризорности», в той же статье упоминается о том, что уже в 1990-е гг. «в органы внутренних дел доставлено свыше 155 тыс. детей, ушедших из семьи и ставших бездомными» [29, с. 31].

К сожалению, у нас отсутствует корректная информация о дальнейшей динамике роста количества беспризорников, что, следует подчеркнуть, остается печальным фактом до настоящего времени. Чтобы восстановить положение дел, необходима статистика по беспризорности, которую могли бы вести органы внутренних дел. Тогда были бы зарегистрированы все случаи выявления беспризорных детей, с которыми сталкивались милиция. Но этого не было. Если бы регистрировались все беспризорники, органы внутренних дел, по закону, должны были бы находить приют этим детям. А ведь альтернативных вариантов

размещения детей в тот период, по всей видимости, не существовало. В любом случае, по данной категории дел архивы МВД закрыты по сей день – придется подождать с более подробными ответами на эти вопросы.

Тем не менее в различных исследованиях приводятся данные о количестве беспризорников. Например, один американский ученый и социальный работник, в интересующий нас период длительное время находившийся в Санкт-Петербурге, дает следующую оценку количества и описание условий существования уличных детей: «в этом городе – 20000 беспризорников, которые выживают за счет своей смекалки, ночуя, где они могут, на станциях метро, в заброшенных зданиях и общественных туалетах» [32].

В приложении «Ваше право» 1993 г. в статье, о которой неоднократно упоминалось выше, приведена иная цифра: «У нас огромное число беспризорников. Только Санкт-Петербург провел социологические исследования – оказалось, что около 50 тысяч бродящих живут в городе по подвалам» [31]. Далее автор дает подробное описание жизни этих несчастных детей, которая, согласно ей, «...не укладывается в общепринятые стандарты. У них утрачены элементарные социальные и бытовые навыки. Они едят руками, не могут спать в постели, не знают элементарных правил гигиены, у них смещенное восприятие времени суток – днем спят, ночью бодрствуют. Зато большинство приобщено к алкоголю, табаку, другим дурным привычкам. Подвальные дети порой не знают “рода-племени”, на них впервые заводятся документы» [31].

Что касается вопроса об эффективности существующей системы профилактики, то нам снова придется обратиться к статье сотрудника Генеральной прокуратуры, опубликованной в 1992 г. [29]. Автор указывает на парадоксальный факт повсеместного развития предпосылок для роста детской беспризорности и, одновременно, уменьшения внимания к социальным вопросам и вмешательства со стороны властей: «На фоне продолжающегося роста семейного неблагополучия – значительно снизилась активность правоохранительных и других государственных органов по применению мер гражданско-правового, административного и уголовного воздействия в отношении родителей, злостно уклоняющихся от своих обязанностей».

Далее автор указывает на то, что отсутствие координации в системе профилактики приводит к трагическим последствиям: «Не везде налажен деловой контакт органов опеки и попечительства с работниками внутренних дел, народного образования и здравоохранения, комиссий по делам несовершеннолетних. Многие родители, ведущие антиобщественный образ жизни и уклоняющиеся от воспитания и содержания детей, выпадают из поля зрения названных органов» [29, с. 31].

Несмотря на ухудшение положения, все меньше детей, находящихся в самом критическом положении, оказывались спасены от обстоятельств, хотя в идеальной ситуации можно было бы ожидать, что их будет больше. В статье Воробьева указывается на то, что «за последние годы сокращается количество исков о лишении родительских прав». «В то же время множество детей, нуждающихся в защите и помощи, продолжают жить в деморализованных семьях. В случае изъятия детей эта мера принимается с запозданием, как правило, на 6–8 лет» [29, с. 32]. Качество работы КДН, кажется, не удовлетворяет никаким требованиям – КДН «крайне редко выясняют причины правонарушений, не интересуются судьбой детей, родители которых не уделяют внимания их воспитанию». Далее, КДН «занимают выжидательную позицию в отношении родителей. Лишь изредка они ограничиваются общественными порицаниями и штрафами» [29, с. 33].

Однако автор не выходит за рамки непосредственного объяснения происходящего, не предлагая никакой гипотезы о глубинных причинах возникновения и развития беспризорности в стране (т. е. политических и экономических изменениях): «Все эти недостатки во многом объясняются упущениями в организации работы прокуратур республик, краев и областей, в том числе в планировании» [29, с. 34].

Изучение конкретных мер по преодолению отрицательных последствий развития кризиса беспризорности со стороны властей выходит за рамки нашего исследования. Не подлежит сомнению тот факт, что власти принимали соответствующие постановления и другие законодательные документы на протяжении всего рассмотренного нами периода. В некоторых из цитированных выше статей есть ссылки на подобные действия. Например, Указ Президента РФ № 1338 от 06.09.1993 г. «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав». В данном указе речь идет об укреплении системы профилактики, в том числе ее скоординированности [31, с. 2].

В исследованных источниках мы не обнаружили материалов, в которых была бы сделана попытка дать оценку эффективности того или иного законодательного документа. Однако в самом конце пребывания Б. Ельцина на посту главы государства главный научный сотрудник Института государства и права РАН Э. Б. Мельникова в статье «Профилактика безнадзорности детей и подростков», не назвав никаких конкретных инициатив, предлагает выразительную и печальную итоговую характеристику результативности мероприятий по защите детей, предпринятых российскими властями в 90-х гг. – по нашей терминологии – для исправления «среды детской беспризорности»: «И в числе главных негативных реалий новой российской жизни следует указать резкое падение экономической, социальной и правовой защищенности детей и подростков. Некогда забытый призрак детской беспризорности уже не стучится, а, толкнув дверь ногой, распахнул ее и бесцеремонно вошел в наш дом, обретая реальное воплощение» [33].

Подводя итоги относительно общего характера рассмотренных журнальных публикаций, посвященных детскому вопросу, можно отметить следующее.

Во-первых, исследовательская и публицистическая активность была интенсивнее до 1992 г., чем в течение первых постсоветских лет, когда кризис системы социальной защиты детей стал особенно острым и вызвал новую волну массовой детской беспризорности. В зарубежных журналах упоминания о детском вопросе в России встречаются крайне редко на протяжении всего изучаемого периода.

Во-вторых, авторы проанализированных статей не применяют метод историзма к предмету своего исследования. Статистический материал представлен неполными данными при отсутствии динамики изменений. В связи с этим восстановить реальную картину развития ситуации по детскому вопросу за период 1985–1996 гг. при помощи показателей трех уровней исследовательской модели, предложенной в нашей статье, представляется невозможным.

В-третьих, политические течения, решения и изменения, являясь основными причинами возникновения детской беспризорности в исследованный период, не рассматриваются в упомянутых публикациях. Разные авторы не выдвигают никаких глубоких гипотез о наличии причинно-следственных связей в сфере развития детского вопроса.

По поводу задачи, поставленной во вступлении к данной статье, т. е. вопроса об условиях, при которых была бы очевидна осведомленность руководящих деятелей позднесовет-

ской и постсоветской России по детской теме, можно уверенно утверждать, что политическое руководство страны (так же как и просвещенная общественность) в течение «периода распада СССР» располагали достаточной информацией о состоянии дел в детском вопросе. Несмотря на возможную осведомленность по изученной нами детской теме и ухудшение ситуации в социальной сфере, политическое руководство страны, очевидно, не потрудились коренным образом пересмотреть свою политику с целью принятия эффективных мер для улучшения условий жизни детей и подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев А. Л. Беспризорные дети России // Социологические исслед. 2002. № 9. С. 61–72.
2. Жилыева С. К. К вопросу о состоянии непризорности несовершеннолетних в современной России // История государства и права. 2012. № 5. С. 22–25.
3. Сиротство и непризорность в России. История и современность / Л. П. Богданов, И. И. Бурлаков, Н. А. Гедимина и др. СПб.: Лики России, 2008. 304 с.
4. Бестужев-Лада И. В. Современные социальные проблемы молодежи (к историко-социологической постановке вопроса) // Отечественная история. 1987. № 2. С. 21–38.
5. Данилов Р. Меры по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом и проблемы их реализации // Советское государство и право. 1985. № 9. С. 45–49.
6. Яковлева Н. Ответственность родителей, злоупотребляющих спиртными напитками, за невыполнение обязанностей по воспитанию детей // Социалистическая законность. 1987. № 2. С. 35–38.
7. Трубин Н. Преступность несовершеннолетних и проблемы ее предупреждения // Советская юстиция. 1990. № 10. С. 2–6.
8. WHO, Interpersonal Violence and Alcohol in the Russian Federation. Policy Briefing. Copenhagen, 2006. P. 4. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/98804/E88757.pdf (дата обращения: 12.03.2016).
9. Child Abuse Prevalence in Russian Urban Population. A preliminary report / F. B. Berrien, G. Aprelkov, T. Ivanova et al. // Child Abuse and Neglect. 1995. № 1 (2). P. 161–164.
10. Антонян Ю. М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Советское государство и право. 1988. № 8. С. 52–59.
11. Панкратов В. В. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних – комплексная проблема // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 46. С. 25–36.
12. Лелеков В. А., Прохоров Ю. Н. Молодежь: криминальная активность и проблемы ресоциализации // Социологические исслед. 1994. № 8–9. С. 109–115.
13. Алмазов А. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. Свердловск: УрГУ. 1986. 150 с.
14. Румянцев А. Практика дел о преступлениях несовершеннолетних // Советская юстиция. 1987. № 17. С. 11–12.
15. Джабраилова А. Участие органов опеки и попечительства в делах по спорам, связанным с воспитанием детей // Советская юстиция. 1985. № 11. С. 11–12.
16. Ермаков В. Д. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних и ее совершенствование // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 47. С. 174–176.
17. Батова С. Помочь детям (материалы «круглого стола») // Советская юстиция. 1990. № 14. С. 9–11.
18. Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исслед. 1991. № 4. С. 72–78.
19. Пихоя Р. Москва, Кремль, Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. Москва: Русь-Олимп, 2007. 720 с.
20. Нечаева А. М. О правовой незащищенности несовершеннолетних и путях ее устранения // Советское государство и право. 1990. № 5. С. 93–97.

21. Мальцев В., Руднев Н. Проблемы воспитания несовершеннолетних правонарушителей // Социалистическая законность. 1990. № 10. С. 34–35.
22. Журавлева Л. Профилактика преступности несовершеннолетних // Советская юстиция. 1990. № 18. С. 7–8.
23. Указ Президиума ВС СССР от 15.02.1977 «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних» (пункт 4). URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-normy/k4o.htm> (дата обращения: 14.03.2016).
24. Письмо Минобразования РСФСР от 14.11.1989 № 17-283-2. О направлении Примерного положения об общественном инспекторе по охране детства в Российской Федерации (пункт 7). URL: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-instrukcii/m8b.htm> (дата обращения: 10.03.2016).
25. Milanovic B. Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. Washington, D. C.: TheWorldBank, 1997. 115 p.
26. Мирсагатова М., Вшанов М. Лучше строить школы и приюты, чем тюрьмы // Социальное обеспечение. 1994. № 2. С. 13–15.
27. Kultygin V. P. Poverty and social trends in Russia // Scandinavian J. of Social Welfare. 1993. № 2. P. 142–149.
28. Немцов А. В. Современная алкогольная ситуация в России // Шевердин Н. Питейная традиция и современная цивилизация. Международная Независимая Ассоциация Трезвости. 1994. URL: <http://adic-ukraine.narod.ru/mnat/arch/sheverdin/AP.htm> (дата обращения: 12.03.2016).
29. Воробьев О. Защитить права детей // Законность. 1992. № 3. С. 31–34.
30. Лашук Г. Сексуальные посягательства взрослых и их несовершеннолетние жертвы: криминологическое исследование по материалам судебной практики Татарской ССР: дис. ... канд. юр. наук / Казанский гос. ун-т. Казань, 1991.
31. Гниденко Т. Дети без детства // Ваше право. 1993. № 26. С. 2–5.
32. Cemlyn S. Working with Street Children in St. Petersburg // Social Work in Europe. 1995. № 2. P. 15–23.
33. Мельникова Э. Б. Профилактика безнадзорности детей и подростков // Правозащитник. 1999. № 2. С. 17–22.

Solheim Karsten

Master of history, Oslo, Norway

V. M. Sereda

Saint Petersburg State University

DISINTEGRATION OF THE USSR AS A FACTOR OF A NEW WAVE OF HOMELESSNESS IN RUSSIA (BASED ON JOURNAL PUBLICATIONS MATERIALS OF 1985–1996)

In the article the evolving street-children problem in Russia (during 1985–1996) is analyzed on the basis of material from contemporary Russian and international journals. Focus is on three aspects of the street-children phenomenon: causalities; manifestations and prevention.

Besprizornost, street children, poverty rate, parental alcohol misuse, child abuse, runaway children, juvenile crime, deviant behavior, prevention, commissions for the affairs of minors (KDN)

УДК 316.35

П. П. Дерюгин, А. С. Шилева, М. В. Сивоконь*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)***С. В. Рассказов***Санкт-Петербургский государственный университет*

ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДИАГНОСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СТРАТЕГИИ СЕТЕВОГО ПОДХОДА

Ряд исследователей (Э. Шейн, Т. А. Соломанидина, А. И. Пригожин и др.) высказывает идею о том, что рефлексия целей организации и ценностей персонала выступает важным механизмом формирования организационной культуры. Рефлексивное взаимодействие протекает как непрерывный процесс самопознания и коррекции связи между общественным, групповым и личным, на основании чего формируются единые представления о смыслах и способах совместной деятельности – ядром организационной культуры.

Организация, рефлексия, цели, ценности, проблемы диагностирования, сетевая диагностика, терминальные ценности, инструментальные ценности

Начиная с первых попыток Э. Мэйо и до настоящего времени, в работах по диагностике организационной культуры накоплен значительный научный материал, где настойчиво высказывается идея о том, что она создается усилиями самой организации посредством *рефлексии целей и ценностей* [1]. Так, в работе Э. Шейна проблеме рефлексии целей и ценностей посвящена специальная глава, где рефлексия рассматривается как механизм формирования коллективных представлений, составляющих основу оргкультуры, что позволяет сравнивать, сопоставлять и корректировать коллективные представления о ценностях и о смыслах своего существования [2, с. 76–91]. Похожие позиции о рефлексии целей организации и ценностей персонала, которые находятся в непрерывной сравниваемости и «разделяемости», высказываются в работе Т. А. Соломанидиной [3, с. 14].

Обстоятельно исследуется ценностно-целевая рефлексия в работе А. И. Пригожина, где представлены виды, способы и модели рефлексивных практик, включая ценностную саморефлексию и ценностную взаиморефлексию [4, с. 64–81]. Здесь отчетливо видна исключительная роль целей организации как ориентира и эталона для ценностного рефлексирования, поскольку в замысле корпоративной организации труда для реализации целей и миссии корпорации формируются все иные компоненты внутренней структуры корпораций (задачи, структуры, технологии, требования к персоналу и пр.), включая и корпоративную культуру. Автор показывает на убедительных примерах, насколько рефлексия целей и ценностей – трудный, противоречивый и длительный процесс. Полемизируя, А. И. Пригожин ставит вопрос: «Смена ценностей. Это возможно? – и делает вывод: ценности меняются!». Но, подчеркивает автор, это очень важная и трудная тема, где любое решение будет спорным [4, с. 40].

Организационная культура – многомерный феномен [5], [6]. Видимо, неслучайно проблематику рефлексии целей и ценностей как основания организационной культуры комплексно исследуют в философии и социологии, в менеджменте и психологии. На стыке этих подходов складываются базовые положения о ценностно-целевой рефлексии организации, которые могут быть сведены к нескольким основным идеям. С сущностной точки зрения, рефлексия – это *непрерывный когнитивный процесс организационного самоанализа*, направленный на самопознание, выявление и оценивание соответствия целей организации ценностям персонала. С точки зрения социальных функций, это *способ осуществления связи между общественным, групповым и личным*, а также *механизм редукции и трансформации* социально значимых ориентаций (целей) и индивидуальных установок (ценностей), соотнесенных друг с другом. В прикладном отношении это *источник изменений*, регуляции поведения и организационного саморазвития, осуществляемых в коммуникациях и совместной деятельности.

Показывая единство коммуникаций и деятельности как взаимодополняющих оснований рефлексирования, Г. П. Щедровицкий говорит о «мыследействии», «мыследеятельности» и «мысль-коммуникации» [7, с. 9], подчеркивая, что одно без другого не имеет смысла, поскольку статусно-ролевое общение часто «целиком ритуалистично» и «не касается реальных жизненных проблем», а деятельность, не наполненная ценностным смыслом, не становится условием мотивирующего поведения.

Именно благодаря ценностно-целевой рефлексии *формируется организационная уникальность* группового сознания и способов социального взаимодействия акторов. Ее результатом становится ***особая и неповторимая совокупность групповых представлений как ядра организационной культуры***, в которых находятся объяснения складывающихся противоречий, формируются движущие силы и социальная мотивация роста и самоопределения организации. «Рост означает, – подчеркивает А. Тойнби, – что растущая личность или цивилизация стремится создать свое собственное окружение, породить своего собственного возмутителя спокойствия и создать свое собственное поле действия. Иными словами, критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения» [8, с. 113].

Очевидно, что для диагностирования организационной культуры обращение к анализу ценностно-целевой рефлексии имеет определенный смысл. Однако такой подход связан с необходимостью преодоления существенных противоречий в многочисленных процедурах диагностики организационной культуры, которые можно свести к нескольким основным проблемам, ограничениям и трудностям.

Центральное противоречие заключается в расхождении между концептуальным признанием целеполагания (миссии и цели) как базового основания самих организаций и фактическим отсутствием индикаторов, по которым измеряются организационные цели в эмпирических процедурах диагностирования организационной культуры [9]. Здесь очевидны две методологические непоследовательности. Первая встречается в тех диагностических методиках, где *организационную культуру диагностируют вне анализа целей организации*. Объектами непосредственной диагностики и эмпирическими референтами организационной культуры в данном случае могут выступать внешние по отношению к ценностям артефакты – какие-то материальные объекты, организационные или экономические показатели и пр., которые только косвенно могут относиться к характеристикам организационной культуры, не затрагивая коллективных представлений и ориентаций персонала, уходя от ценно-

стей как «скрытого фактора, о котором можно судить лишь по его влиянию на другие организационные переменные» [10, с. 47]. Такие подходы чаще встречаются в работах по менеджменту и организационному поведению. Другая грань проблемы, напротив, заключена в попытках диагностировать *ценности организационной культуры сами по себе*, и опять-таки независимо от целей организации.

И в первом, и во втором случае такая организация диагностирования не стыкуется с теоретико-методологическими установками большинства фундаментальных концепций о сути организационной культуры, которая всегда отражает различные «слои», «блоки» или «уровни» артефактов, ценностей и архетипов и т. д. как взаимосвязанные и складывающиеся вокруг целей организации. В любом случае исключение целей организации из процедур диагностирования является существенной методологической непоследовательностью, поскольку цели деятельности организации выступают базовым образованием, той призмой и тем предметом социологического исследования, через которые изучается факт реализации организацией «требований того социального института, в деятельность которого он включен или таковым он сам является» [11, с. 202].

Наличие общей цели у организаций существенно отличает диагностику организационной культуры от диагностики общей культуры, культуры вообще, культуры или субкультуры социальных групп. Объединяющим моментом в больших социальных группах могут выступать многочисленные общие социальные признаки, черты или характеристики, в том числе и ценности. Например, национальная, профессиональная, государственная, семейная и другие типы культур складываются и определяются не только и не столько вокруг целей совместной деятельности, сколько на основе общих потребностей, идей или ценностей ее носителей. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры, – подчеркивает П. А. Сорокин, говоря о культуре в макросоциологическом значении [12, с. 429]. Четко сформулированной общей цели в таких объединениях людей может и не быть, или, во всяком случае, цель здесь значительно более абстрактна, чем у локальных образований-организаций, она более размыта и описывается, например, такими широкими понятиями, как «национальная идея», «клятва Гиппократ», «присяга», «...в преамбуле к Конституции», «семейный контракт» и пр., т. е. самыми общими представлениями об общих идеалах и ориентациях людей одной нации, одной профессии, одного государства или одной семьи.

Напротив, организационная культура всегда и необходимо связана с общей целью, которая пронизывает всю деятельность и все отношения: организации образуются для достижения целей и во имя исполнения своей миссии. Как бы не начиналась история организации, но с момента формулирования общей цели ее социальные характеристики существенно изменяются, и появляется жизненно важная необходимость рефлексирования между целями и ценностями, или, как говорил У. Оучи, совершенно необходимо совпадение индивидуальных целей работников с общими целями корпорации, что выступает единственной возможностью свободного труда, лояльности и вовлеченности персонала в деятельность фирмы [13].

В этом отношении показателен опыт формирования Гертом Хофстеде концептуальной позиции при разработке диагностической процедуры изучения организационной культуры. На первом этапе его исследования корпорации «IBM» в 64 странах мира был сделан вывод о четырех параметрах организационной культуры: *дистанция власти*, *мужественность–женственность*, *индивидуализм–коллективизм*, *неприятие неопределенности*. Но этого оказалось недостаточно для проведения диагностики организационной культуры в организациях,

работающих в различных социально-экономических и национальных условиях. И поэтому на основании дополнительного исследования еще в 23 странах мира четыре показанных критерия были дополнены параметром *долгосрочной ориентации*, который зиждется на изучении отношения к целям [14]. Организационная культура корпораций – это культура, где миссия и цель не механически «складываются из ценностей» персонала, а, напротив, задаются социально-экономическими интересами учредителей, будь то частные лица, организации или государство. Все иные элементы внутренней среды корпорации подбираются или выстраиваются «под цель», в том числе подбирается и персонал, располагающий определенными ценностями. Более того, нередко в миссии и целях корпорации могут фиксироваться и предписываться «особые корпоративные» ценности, которые не совпадают с ценностями и представлениями персонала. В корпорациях рефлексивная взаимосвязь «цели–ценности» оказывается в специфических закономерностях и пропорциях, в идеале – всегда в пользу целей.

Рефлексия целей-ценностей может складываться как типичные стратегии формирования организационной культуры. Рассмотрим их.

1. *Рефлексия доминирования целей.* Она характеризует корпорации, где цели определяют (или по крайней мере, должны определять) ценности персонала, и на основании целей, собственно, и формируются ценности «корпоративной» организационной культуры. Р. Акофф такие организации относит к унинодальным, или гомогенным [15, с. 216], они управляются отдельным лицом или ограниченной группой лиц, а отсюда и естественная тенденция – *ограничение или уменьшение разнообразия*. В чем может выразиться уменьшение разнообразия как специфика культуры сверхцелеустремленных корпораций? Прежде всего, в важном значении организационно-волевого момента. В таких организациях целеполагание возникает из прагматических соображений, из соображений пользы и перспективы.

Далее такая сверхцелеустремленность проявляется в высоких темпах жизни, что, например, наиболее характерно для американского бизнеса. Вот как характеризует ценности таких корпораций Р. Д. Льюис: «Темп американской жизни отличается от темпа жизни в других странах. <...> Может показаться, что по мере достижения большинства целей и установления процветающего общества бешеный темп жизни должен был бы снизиться. Но этого не произошло. Современные американцы продолжают поддерживать безудержный темп жизни, заданный их предками в XIX в. Работа – успех, время – деньги. Они должны успеть первыми. Главная разница состоит в том, что в XIX в. каждый знал, “куда” надо успеть. У современных американцев, неуклонно движимых традиционной национальной привычкой к стремлению только вперед, к завоеванию окружающей среды, к изменениям и достижению своей конечной цели, нет знания того, какова эта цель» [16, с. 235–236]. Какая перспектива такого состояния? По мнению О. Шпенглера, отсутствие цели в конечном итоге приводит к деградации культуры: «Как только цель достигнута, и вся полнота внутренних возможностей завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, она отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются...» [17, с. 263]. Нечто подобное фиксируют и исследователи организационной культуры в те моменты, когда организация достигла целей, а новые цели не сформулированы: отсутствие целей разрушает организацию.

2. *Рефлексия доминирования ценностей.* Это организации, где, напротив, рефлексия целей-ценностей решается в пользу ценностей персонала, на основании чего определяются цели и «общинная» организационная культура, идеалы которой разделяли Э. Мэйо и Ф. Теннис. Р. Акофф называет такие организации мультинодальными и гетерогенными: члены подобных

организаций управляют ею больше, чем она ими, а потому общины проявляют тенденцию к *культурному разнообразию* [15, с. 216]. В данном случае ценности главенствуют над целями, являясь основанием целевого выбора и мерилем успеха, или, как пишет Асп: «Ценность – это тенденция выбора и критерий постановки целей...» [18, с. 41]. Такой подход более присущ традиционалистским японским корпорациям: «Японцы, имея не больше свободного времени, чем американцы, тем не менее, достигают своих целей в работе в намного более расслабленном темпе, и они создали мирное, относительно свободное от преступности общество, где моральные и духовные ценности имеют приоритет над материальными» [16, с. 235–236].

3. *Рефлексия идеального (гармоничного) типа*. Она характерна для организаций, где в результате рефлексии целей и ценностей они начинают соответствовать друг другу, совпадают, накладываются. Так «идеально» выглядит механизм формирования организационной культуры по представлениям ряда современных исследователей. О такой рефлексии повествует Ф. Гуияр. Он показывает, что гармония целей и ценностей выступает «секретом» биологических корпораций, где все подсистемы находятся в непрерывном взаимодействии и соотнесении друг с другом и при этом одновременно направлены на достижение общей цели. Такая «биологическая модель рефлексирования» в условиях социальной корпорации предполагает четыре R-преобразования: Reframe – рефрейминг, Restructure – реструктуризация, Revitalize – оживление, Renew – обновление [19], благодаря чему организация развивается гармонично.

В любом случае признание миссии и цели как основания в построении внутренней среды корпорации должно выступать специфической особенностью замысла социологической диагностики организационной культуры.

Другое ограничение социологического диагностирования организационной культуры заключено в обращении к оргкультуре как к *сложившейся, однозначной и устойчиво функционирующей системе*. Чаще всего настоящее противоречие выступает основанием для выявления и диагностирования типовых или видовых характеристик оргкультуры, стремление сводить все многообразие этого многоликого и динамичного явления к каким-то устоявшимся образованиям – стилю работы, возможно, сложившимся технологиям коммуникаций, фирменному стилю, шаблонным нормам, психологическому климату и мн. др. Это явное свидетельство незавершенности теоретического исследования проблемы, поскольку «микроркультуры являются самыми вариабельными и динамичными» [2, с. 19]. К настоящему же моменту «типологии организационных культур разных авторов предлагают вниманию такой выбор критериев, основ классификации, что выработать единую технологию для ее диагностики не представляется возможным» [20, с. 1]. Как выход из сложившейся ситуации автором предлагается «попробовать, объединив все типологии, проанализировать целиком конкретный субъект предпринимательской деятельности» [Там же]. В прикладном отношении такой подход, несомненно, оправдан. Но ослабленное внимание к процессуальной стороне вопроса в диагностических процедурах исключает момент динамики и эволюции, т. е. изучение характеристик, реально присущих оргкультуре.

Третье ограничение в осуществлении диагностирования ценностно-целевой рефлексии заключено в важности *сопоставления идеалов и эталонов организационной культуры со средствами и инструментами достижения целей*. Со времен Г. Риккерта и М. Рокича классификация ценностей на *терминальные* (т. е. убеждения в том, к чему следует стремиться, смыслы существования, ценности оргкультуры сами по себе) и *инструментальные* (убеж-

дения, способы и действия, используемые для достижения терминальных ценностей, средства формирования оргкультуры, прежде всего – личностные черты и характеристики носителей ценностей и пр.) предполагает исследование ценностей не только как устойчивых убеждений в возможности достижения некоторых целей-эталонов, но обязательно способов (средств) их достижения. Здесь следует сослаться на позицию Э. Шейна, В. В. Кондратьева, Ю. А. Лунева и др., указывающих на необходимость рассмотрения «коллективных представлений о средствах достижения целей», включая набор приемов и правил адаптации и интеграции как важную составляющую организационной культуры [2, с. 82].

В-четвертых, к числу базовых феноменов в формировании корпоративной культуры относится рефлексия ценностей руководителя и сотрудников организации, точнее, это вопрос о стиле работы руководителя и особенностях представлений руководителя о целях деятельности организации, а также о единстве этих представлений с представлениями и ценностями сотрудников организации. «Управленческие отношения “руководитель–работники” важно анализировать с точки зрения понимания их ценностных ориентаций, которые различны в управленческих отношениях “руководитель–подчиненные” и “руководитель–сотрудники”», – отмечает Ю. Д. Красовский [21, с. 153]. Подчеркнем, что в диагностических процедурах такая взаимосвязь ценностей не может оцениваться как рядом положенные или складывающиеся эмпирические данные, главное здесь – выявление тенденций взаимозависимости. Наиболее показательными результатами рефлексии по вертикали «руководитель–подчиненные» выступает единство организационных ценностей первых лиц организации и тех, кто стоит в самом низу иерархической пирамиды.

В-пятых, это проблема техники измерения и обработки эмпирических данных, характеризующих рефлексивные взаимодействия. В определении корпоративной культуры ее главная характеристика фиксируется как интегративное единство, как единые представления и ценности персонала организации, как общие представления, которые разделяет большинство членов корпорации. Именно факт общего, группового, интегративного понимания каких-то правил, установок и пр. в концептуально-теоретических замыслах признается в качестве основного объекта изучения, точнее, в изучении сочетания и единства ценностей членов организации. Поэтому в диагностических процедурах предполагается измерение ценностей как взаимозависимых переменных, а не простой арифметический подсчет (суммирование) ценностей каждого отдельного сотрудника или их сложение друг с другом. Еще одна существенная грань этого вопроса заключена в том, что в теоретических положениях корпоративная культура необходимо признается как пересечение (сеть) отношений всех сотрудников организации (не линейно и не фрагментарно), что предполагает сетевое представление результата.

Таким образом, основные моменты ценностно-целевой рефлексии как основания сетевого подхода к социологической диагностике корпоративной культуры могут быть сведены к нескольким базовым требованиям, касающимся самой процедуры диагностирования:

- включение целей деятельности организации (социальный аспект) в качестве базового основания диагностирования организационной культуры (измерения ценностных установок членов организации по поводу целевых ориентаций организации);
- характеристика рефлексии целей и ценностей как динамического процесса, происходящего поэтапно;
- измерение взаимозависимости средств – целей достижения единых организационных ценностей;

– определение особой роли ценностей руководителя (лидера) организации как эталона представлений о целях организации и ценностях организационной культуры и их соотнесение с ценностями персонала;

– измерение связи ценностей персонала и целей корпорации как взаимозависимых величин (методическая процедура должна позволить соотносить ценности членов организации друг с другом, выявляя степень их взаимосвязи и взаимозависимости).

Исходя из показанных представлений о рефлексивной природе корпоративной культуры, нами были выдвинуты гипотетические предположения о том, что:

– по мере совместной деятельности в организации рефлексия целей организации и ценностей персонала будет трансформироваться в направлении признания и восприятия целей организации значимыми личностными ценностями;

– ценностное единство в восприятии целей организации будет происходить как по вертикали (рефлексия между руководителем организации и его членами), так и по горизонтали (рефлексия между членами организации: чем дольше будет сотрудничество членов организации, тем больше будут складываться единые представления о целях деятельности организации и о средствах достижения этих целей);

– терминальные ценности будут формироваться более активно в организациях-общинах (здесь цели складываются преимущественно из ценностей персонала), а инструментальные – в организациях-корпорациях (целеустремленность предполагает более жесткие требования к технологиям достижения результата).

Объектом эмпирической проверки нашей гипотезы о ценностно-целевой рефлексии как основании организационной культуры могли стать организации любого типа. При определении конкретного объекта эмпирического исследования мы руководствовались следующими соображениями. В современных российских организациях цель, тем более миссия, чаще всего условны и весьма далеки от той деятельности, которой эти организации занимаются фактически. Большинство экономических организаций только проходят первые стадии становления и вынуждены постоянно трансформироваться и изменяться, поэтому говорить о сформировавшейся организационной культуре в них проблематично. Другое важное требование к выбору объекта эмпирического исследования предполагало возможность осуществления одномоментного анализа организации, при этом необходимо было рассмотреть ее в динамике и развитии, т. е. иметь возможность одномоментно фиксировать особенности ценностей молодых сотрудников, которые только недавно находятся в организации, тех, кто в ней уже адаптировался, и тех, кто утвердился и пользуется очевидным авторитетом. Это позволяет говорить о тенденциях формирования организационной культуры. Наконец, нам была важна доступность и обеспечение максимальной открытости респондентов в интересах создания сетевой модели организационной культуры определенного объекта.

В наибольшей степени этим требованиям удовлетворял один из факультетов Санкт-Петербургского университета (параллельно такое же исследование проводилось еще в двух коммерческих организациях). Действительно, вуз – более стабильная организация, с более четко обозначенными миссией и целями, у которой есть сложившаяся история и возможность сравнить особенности ценностно-целевой рефлексии как основания организационной культуры у студентов различных (1–4) курсов. Факультетская структура позволяет более приближенно изучать формирование организационной культуры по мере совместной деятельности людей в одной организации (в нашем случае – учебы и внеучебной деятельности), т. е. на разных курсах относительно целей-ценностей руководителя факультета и студентов.

С учетом сказанного, далее мы используем собранные в вузе данные в качестве сквозного примера для иллюстрации этапов предлагаемой нами методики диагностики ценностно-целевой рефлексии. Случайную выборку исследования составил 71 человек. Из них: 21 студент 1-го курса (из 50), 18 – со 2-го курса (из 47), 15 – с 3-го курса (из 45), 17 – с 4-го курса (из 40). Эмпирическая часть исследования и обработка массива информации выполнена магистрантами-социологами. При расчете средних значений коэффициентов связи ошибка не превышала 5 %.

Методика эмпирического исследования диагностики ценностно-целевой рефлексии как основания организационной культуры включает ряд этапов.

1. *Определение круга основных целей-ценностей.* Применительно к вузу это осуществлялось на основе анализа уставных документов университета и опроса экспертов [22]. В результате проведенной процедуры анализа актуальных документов по управлению вузами были составлены два ряда целей-ценностей: 18 терминальных целей-ценностей и 18 инструментальных целей-ценностей. Заметим, что для каждой конкретной организации они могут различаться. Инструментальные цели-ценности (методические, процедурные, технологические) были нами классифицированы по признакам «деловые – коммуникативные». Терминальные цели-ценности – по признакам важности для внутренней или внешней среды факультета. Перечни целей-ценностей обоих типов приведены ниже.

Терминальные цели-ценности:

1. Повышение международного рейтинга факультета.
2. Увеличение числа практических занятий в процессе подготовки студентов.
3. Развитие сотрудничества факультета с иностранными и российскими вузами.
4. Установление и развитие связей с работодателями (для организации практики студентов и трудоустройства выпускников).
5. Оптимизация работы административных подразделений факультета (службы технической поддержки, учебного отдела, бухгалтерии, диспетчерской).
6. Привлечение к преподаванию на факультете специалистов с опытом проведения эмпирических исследований, разрабатывающих актуальные темы.
7. Распространение профессионального знания среди широкой аудитории с целью повышения авторитета науки.
8. Внедрение и использование современных технических средств при проведении занятий и самостоятельной работы студентов на факультете.
9. Повышение информированности абитуриентов о факультете и учебных программах.
10. Повышение активности участия студентов и преподавателей факультета в конкурсах, научных конференциях, научных школах и других мероприятиях.
11. Организация научных исследований и мероприятий в рамках факультета.
12. Совершенствование системы социально-бытового обеспечения жизнедеятельности студентов факультета (спортзал, библиотека, столовая, общежитие).
13. Освещение мероприятий, проектов и достижений факультета в специализированных СМИ, журналах.
14. Повышение лояльности студентов, преподавателей и сотрудников к факультету.
15. Поддержка инициатив студентов и студенческих организаций.
16. Совершенствование системы стимулирования и мотивации студентов к участию в научно-исследовательской работе (стипендии, гранты, моральные стимулы).

17. Внедрение современных обучающих технологий в образовательный процесс.

18. Развитие системы подготовки, переподготовки преподавателей факультета.

Инструментальные цели-ценности:

1. Терпимость (ко взглядам и мнениям других, уважение чужих вкусов, привычек, обычаев).

2. Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово).

3. Широта взглядов (широкий кругозор).

4. Воспитанность (хорошие манеры).

5. Жизнерадостность (чувство юмора).

6. Чуткость (заботливость).

7. Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов.

8. Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность).

9. Образованность.

10. Аккуратность (умение содержать вещи и дела в порядке).

11. Дисциплинированность.

12. Самостоятельность (способность действовать решительно, самому принимать решения).

13. Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные и рациональные решения).

14. Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями).

15. Честность (правдивость, искренность).

16. Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина).

17. Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания).

18. Умение доходчиво выражать свои мысли, передавать знания.

2. Визуализация результатов диагностики рефлексии целей-ценностей. В интересах осуществления диагностики рефлексии выполнялась процедура сбора данных, включающая опрос декана и студентов по показанной выше методике. Для этого респонденты ранжировали по степени значимости 18 терминальных и 18 инструментальных целей-ценностей. Обработка полученных данных включала вычисление коэффициентов ранговой корреляции Спирмена между целями-ценностями руководителя с каждым из респондентов, а также между всеми парами учащихся на каждом курсе. По результатам расчетов формировались корреляционные матрицы двух типов: «декан – студент» и «студент – студент». Значительным потенциалом для количественного анализа и визуализации сетей обладают программные пакеты типа NetDraw (графика) и Ucinet, которые позволяют вычислять множество самых различных показателей сети, они были использованы в нашем исследовании.

Результаты визуализации приведены на рис. 1. На нем горизонтальная и вертикальная оси соответствуют корреляциям ценностей декана и студентов. По оси x откладывается коэффициент корреляции по терминальным ценностям (K_m), по оси y – инструментальным (K'_m), характеризующий меру связи ценностей декана и каждого студента. Звездочкой на иллюстрации отмечено положение полного совпадения K_m и K'_m декана и студентов.

Связи между точками отражают сеть, полученную путем расчета коэффициента корреляции по терминальным и инструментальным целям-ценностям между студентами.

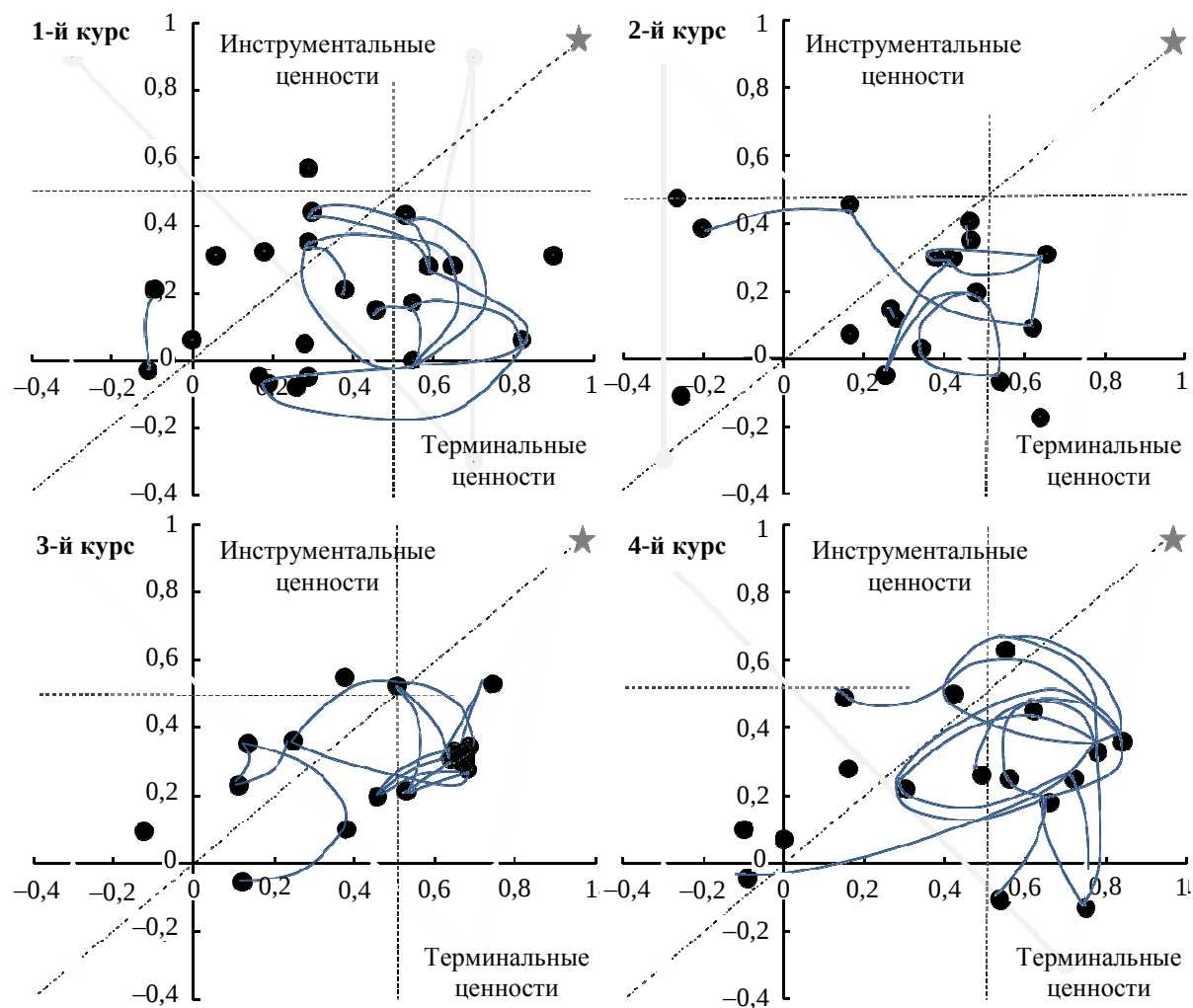

Рис. 1

Обобщенную количественную оценку силы и числа связей по каждой группе дает, в частности, среднее значение коэффициентов плотности ценностной сети (рис. 2).

В целом, приведенные данные означают, что по мере учебы на факультете отмечается рост единства ценностей организационной культуры между студентами внутри учебных групп. Это видно и на сетевых изображениях, показанных на рис. 1.

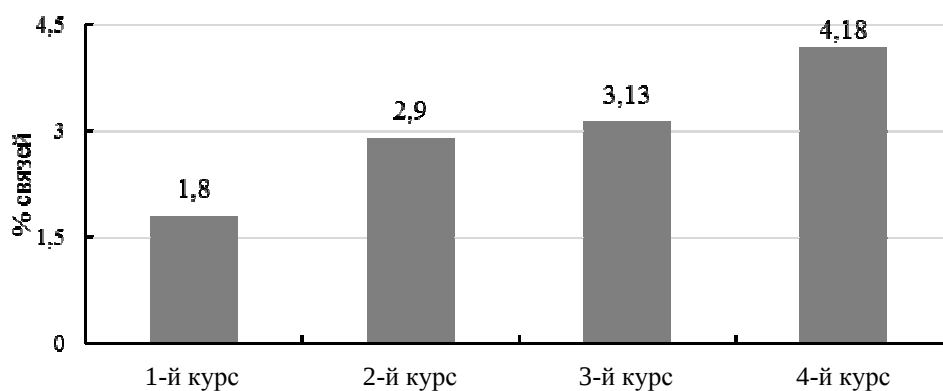

Рис. 2

На рис. 3 показаны графики средних значений коэффициентов корреляции между целями-ценностями декана и студентов разных курсов. Для получения этого параметра складывались значения K_m и $K_{\text{м}}$, рассчитанные по данным опроса декана и студентов, и делились на количество респондентов. Такая процедура выполнялась по каждому курсу отдельно.

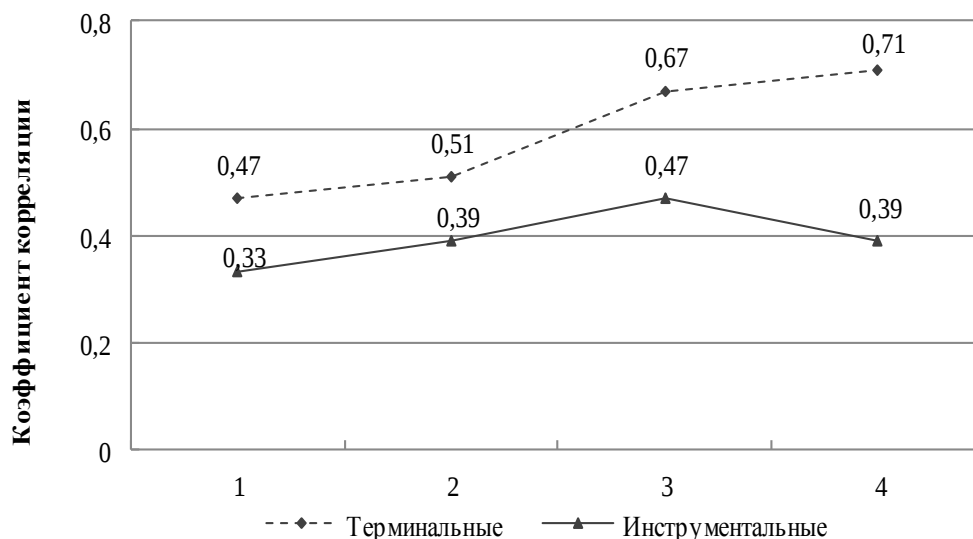

Рис. 3

Обращает на себя внимание, во-первых, тот факт, что характеристики содержательных ценностей по всем результатам исследования оказались значительно выше, чем инструментальные. По всей видимости, такое положение характерно для факультета как образовательного учреждения, где содержательное наполнение ценностей (терминальные ценности) реализуется более активно непосредственно в учебном процессе. Во-вторых, замечен не только постоянный рост единства терминальных ценностей, но и рост инструментальных ценностей. Некоторое снижение коэффициента K_m на 4-м (выпускном) курсе может объясняться большим отрывом выпускников от занятий на факультете и некоторым отдалением четверокурсников от жизни факультета и участия в его делах.

Эволюционное сближение целей-ценностей между деканом и студентами показывает важную особенность организационной культуры – ее рефлексивность. Наличие положительных трендов роста и развития ценностей верифицирует факт интеграции, сближения и единства организации вокруг стоящих перед ней целей, что составляет основной результат социологического диагностирования – наличие рефлексии между целями организации и ценностями респондентов. Все иные характеристики организационной культуры на наш взгляд следует рассматривать на основании представленного базового результата как аспекты или грани этого многоуровневого и многомерного феномена – организационной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: автореф. дис. ... д-ра соц. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2001.
2. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. СПб.: Питер, 2013. 352 с.
3. Соломанидина Т. А. Организационная культура компании. М.: ИНФРА-М, 2015. 624 с.
4. Пригожин А. И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. 432 с.

5. Бекарев А. М., Пак Г. С. Организационная культура как многомерный феномен // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII, вып. 2 (№ 63). С. 120–126.
6. Камерон К. С., Куин Р. Э. Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ.; под ред. И. В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
7. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. Оригинал. М.: Наследие ММК, 2005. 798 с.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003. 113 с.
9. Дерюгин П. П. Социальная диагностика межличностных отношений в истории западной и отечественной социологии. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 95 с.
10. Щербина В. В. Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // Социологические исслед. 1996. № 7. С. 47–55.
11. Щербина В. В., Попова Е. П. Организационное развитие. Теория и практика. М.: Шк. издательского и медиабизнеса, 2011. 297 с.
12. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
13. Ouchi W. C. Theory Z: how American business can meet the Japanese challenge. USA: Addison-Wesley Publishing Company, 1981. 283 p.
14. Hofstede G. Culture's Consequence. International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, London: SAGE Publications, 1980. 475 p.
15. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / пер. с англ. Г. Б. Рубальского; под ред. И. А. Ушакова. М.: Сов. радио, 1974. 269 с.
16. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1990. 440 с.
17. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 620 с.
18. Асп Э. К. Введение в социологию / пер. с фин. М. Аалто и П. Саари; ред. рус. пер. А. Рябова; под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Алетейя, 1998. 250 с.
19. Гуияр Ф. Ж. Преобразование организации / пер. с англ. М.: Дело, 2000. 376 с.
20. Шаповалова И. С. Перспектива поиска методологических подходов к исследованию организационной культуры // Фундаментальные исслед. 2008. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-poiska-metodologicheskikh-podhodov-k-issledovaniyu-organizatsionnoy-kultury> (дата обращения: 27.02.2015).
21. Красовский Ю. Д. Управленческие ценности руководителей // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 149–154.
22. Строгеецкая Е. В. Ориентиры организационного развития современных университетов России. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. 177 с.

P. P. Deryugin, A. S. Shilyaeva, M. V. Sivokon
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

S. V. Rasskazov
Saint Petersburg State University

TARGET VALUE – REFLECTION AS A BASIS FOR DIAGNOSIS OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN STRATEGY NETWORK APPROACH

Business culture diagnostics has an important practical meaning that makes theoretical research in this area a topical issue for corporate social engineering. Several researchers (E. Shayne, T. Solomanidina, A. Prigozhin et al) expressed an idea that reflection of business goals and personnel values is a foundation tool for business culture formation. Reflection elapses as a continuous self knowledge process, it is a way to implement and correct linkage between social, group or personal. It is a basis for developing unified ideas on senses and ways of cooperative activities, a core of corporate culture.

Organization, reflection, goals, values, diagnosing problems, network diagnostics, terminal values, tool values

УДК 316

В. Черны*Чешский университет естественных наук г. Прага***В. А. Глухих***Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ВНЕДРЕНИЕ БОЛОНСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ПРАГЕ)

Приводится опыт Чешского университета естественных наук г. Прага (CULS Prague) по внедрению Болонской системы обучения в высшей школе. Показываются достигнутые позитивные результаты и обозначаются проблемы, которые необходимо решить в ближайшем будущем.

Болонская система, высшее образование, обеспечение качества, ECTS кредиты, европейский стандарт

Последние пятнадцать лет характеризуются активным процессом объединения национальных университетских систем образования в целях создания единого европейского образовательного пространства. С момента подписания Болонской декларации в 1999 г. количество стран, участвующих в этом процессе, выросло с двадцати девяти до сорока семи. В настоящее время население этих стран составляет почти 800 млн человек.

Единое европейское образовательное пространство не является новой идеей в западно-европейской культуре. В средневековой католической Европе университеты образовывались на одинаковых основах и принципах. Например, в каждом из университетов существовали совместимые программы бакалавриата и магистратуры. Кроме того, преподавание осуществлялось на латинском языке, который выполнял функции *lingua franca*, что создавало условия для мобильности как преподавателей, так и студентов, а также беспрепятственного распространения новых научных знаний.

Но процесс формирования национальных государств и наций в современном смысле этого слова стал разрушительным для существовавшего в ту эпоху единого научно-образовательного пространства. С одной стороны, происходила демократизация обучения (преподавание на национальных языках в университетах), и преодолевалась элитарность университетского образования. С другой стороны, стала распадаться складывавшаяся несколько столетий единая образовательно-научная система в рамках западной цивилизации. В каждой отдельной стране или группе стран университетское образование развивается своим путем со специфическими циклами обучения, и в результате этого постепенно разрушается имевшийся уровень совместимости предлагаемых программ. Вследствие этого затрудняется развитие процессов обмена студентами и преподавателями и, соответственно, снижается эффективность их сотрудничества. Академические работники и студенты того времени как бы прикованы к своим национальным моделям.

Одной из основных целей, предложенных в Болонской декларации, является интеграция национальных систем высшего образования. Это означает создание свободного образовательного рынка прежде всего на базе европейских государств, где ECTS кредиты (European Credit Transfer System) являются как бы «единой валютой» (single currency), при помощи которой унифицированно оцениваются достижения каждого отдельно взятого студента в любом из университетов, что, в свою очередь, открывает большие возможности для студенческой мобильности.

Создание единого европейского образовательного пространства должно способствовать максимальной совместимости и сопоставимости существующих систем в каждой из стран, устранению преград для мобильности студентов, преподавателей, ученых и административных работников, что в конечном итоге должно повысить конкурентоспособность европейских университетов.

На практике это означает, что основные структуры национальных образовательных систем необходимо унифицировать, т. е. ввести одинаковые циклы обучения, присвоение степеней, механизмы контроля качества академической деятельности.

Так как существенные изменения национальных образовательных систем являются, несомненно, нелегким и болезненным процессом, то каждая страна должна в самом начале определиться по следующим вопросам:

- нужно ли данной стране иметь легко сопоставимую, совместимую и открытую образовательную систему;
- имеет ли данная страна цель создания условий для мобильности студентов и преподавателей внутри не только самого государства, но также Европы и всего мира;
- планируется ли участие в конкуренции за привлечение зарубежных студентов.

Конкретные ответы на эти вопросы зависят от вовлеченности государства в процесс глобализации, от осознания его специфического места и роли в этом процессе и от принятой национальной стратегии. Возможны варианты стратегии от «блестящей изоляции» (Splendid Isolation) до полной интеграции в сверхнациональные структуры и системы. Для Чехии, где все аспекты национальной жизни интегрированы в клубе двадцати восьми стран Евросоюза, ответы на эти вопросы были положительными.

В Чешском университете естественных наук (CULS Prague) внедрение Болонской системы началось в 2002 г., и в течение пяти лет все факультеты адаптировались к системе, основанной на двух уровнях подготовки: «undergraduate» (бакалавриат) и «postgraduate» (магистратура и PhD). Были определены ECTS кредиты для всех предметов. Один кредит равняется 25–30 часам работы среднего студента. Здесь надо отметить, что точкой отсчета являются не часы работы преподавателя, как это было в прошлом, а время работы самого студента. Например, пятикредитный предмет требует от студента в общем 125–150 часов работы, при этом контактные часы (contact hours) с преподавателем (лекции, семинары, консультации) на уровне бакалавриата составляют 56 часов, а остальное время – это самостоятельная работа студента по освоению требуемого учебного материала. На уровне магистратуры выделено только 42 контактных часа. Ставка преподавателя уже измеряется не просто количеством лекций или семинаров, а количеством кредитов, которые он обслуживает. Меняется и роль преподавателя. В этой системе преподаватель становится для студентов скорее тренером, чем проповедником.

После введения Болонских уровней обучения оказалось, что экономический факультет CULS Prague стал более конкурентоспособным среди чешских вузов, а также на международном уровне. За первые пять лет в магистратуру на английском языке число поступивших бакалавров из других чешских и зарубежных вузов возросло до 70 % от общего числа студентов. Если при старой системе университет «держал» своего студента весь период обучения (минимально 5 лет), то при новой бакалавр выбирает, где он будет продолжать обучение. Скорее всего, студент поступит в магистратуру в том же вузе только тогда, когда будет уверен, что качество магистратуры соответствует его представлениям о должном уровне. Необходимо добавить, что в первые годы после введения новой системы почти все учащиеся предпочитали продолжать обучение в магистратуре, но со временем стало нарастать количество студентов, которые заканчивали образование на уровне бакалавриата. В настоящее время на рынок труда уходят 20% бакалавров, и скорее всего, эта тенденция сохранится. В качестве доказательства можно привести опыт некоторых западных стран (в Англии эта цифра равна 80 %).

Вследствие проведенных реформ количество иностранных студентов в CULS Prague стало быстро расти. В 2015 г. в университете училось 20 тыс. студентов, в том числе 2800 иностранцев. Постепенно университет, наряду с другими чешскими вузами, стал активным участником академического бизнеса. Если говорить о всей Чехии, то в 2013 г. количество иностранных студентов составляло 40836 человек или почти 12 % от общего числа обучающихся. Чехия принимает в три раза больше иностранных студентов, чем отправляет своих учиться за границу. В CULS Prague сейчас обучаются студенты из 85 стран, при этом самое большое землячество представляют граждане России (654 человека), на втором месте – Казахстан (341) и на третьем – Словакия (207).

Иностранные студенты в Чехии помимо платы за обучение тратят более 1 млрд крон (37 млн евро) каждый год на проживание. Экономисты называют эти доходы чистым экспортом. Например, доходы Австралии от академического бизнеса выше, чем доходы от экспорта промышленной продукции. Чтобы понять масштабы международного академического рынка, приведем только одну цифру: ежегодно из Китая за границу на платную форму обучения уезжают более 300 000 студентов.

Болонская декларация – это также путь к упрощению процесса признания вузовских степеней и квалификаций. Это очень важно для трудоустройства выпускников в период глобализации. Желательно, чтобы вузовская квалификация признавалась не только на внутреннем рынке труда, но и была действительна в как можно большем количестве стран. В этом заинтересованы каждый университет и выпускник.

Чешское министерство образования ориентирует университеты на то, что называется интернационализацией вузовского образования, поддерживая данную деятельность в том числе и материально. 22 % финансовых средств, выделенных госбюджетом на высшее образование в 2015 г., распределялось не по количеству студентов, а на основе качественных показателей. 64,4 % этих средств выплачены за достижения в научно-исследовательской работе по итогам предыдущего года, а 35,6 % – за успехи в интернационализации. Министерство платит университетам за количество иностранных учащихся, за студентов на платной форме обучения и за каждого студента по обмену (exchange student), т. е. за выезжающего на один семестр в зарубежный вуз-партнер или, наоборот, приезжающего из вуза-партнера в Чехию. Например, в прошлом году экономический факультет CULS Prague получил из госбюджета только за интернационализацию почти 1 млн евро. Далеко не все чешские вузы добиваются выплат на основе указанных критериев.

Болонская декларация подчеркивает необходимость продвижения европейского стандарта (dimension) в целях развития учебных планов, интеринституционального сотрудничества, схем мобильности, интегрированных учебных программ (двойные дипломы), практических занятий и научно-исследовательской работы. Что такое европейский стандарт, нигде не определяется, но предполагается, что он должен вырасти из тесного международного сотрудничества университетов, студентов, преподавателей, ученых, которые благодаря этому усваивают передовой опыт (best practices) университетов-партнеров и внедряют его в своих академических учреждениях. В этом смысле речь идет об открытой системе, не предполагающей жесткого администрирования форм и содержания читаемых предметов или централизованного внедрения стандартов, утвержденных каким-либо руководящим органом. Предполагается, что активное и многостороннее сотрудничество университетов-партнеров создает возможность делиться передовым опытом и усваивать только лучшее.

Болонская декларация не упоминает роль английского языка в европейском образовательном пространстве. Потребность в общем языке общения для академической среды является одним из необходимых условий, обеспечивающих различные формы мобильности, так как национальные языки представляют существенное препятствие для студентов, желающих учиться за границей. Это особенно верно, когда мы говорим о малых странах с небольшим населением, как, например, Чехия, для изучения языка которой у большинства иностранных студентов нет достаточной мотивации. Поэтому с 1999 г. в CULS Prague идет преподавание на английском языке.

В 2015 г. на экономическом факультете уже действуют три англоязычные учебные программы для бакалавров (Business Administration; Economics and Management; Informatics) и четыре программы для магистров (Business Administration; European Agrarian Diplomacy; Economics and Management; Informatics). По этим программам на сегодняшний день обучается более 900 постоянных студентов (degree students) и, кроме того, еще 400 студентов приезжают на один семестр (exchange students). Первоначально слушателями программ на английском языке были исключительно чехи. В настоящее время доля иностранных студентов – более 60 %. Использование английского языка позволяет приглашать иностранных преподавателей из вузов-партнеров для чтения лекций и проведения практических занятий. В 2014–15 академическом году на экономический факультет CULS Prague приезжали минимум на неделю 63 зарубежных преподавателя.

Болонская декларация продвигает международное сотрудничество в области обеспечения качества (quality assurance) созданием внутренних и внешних систем оценки (evaluation). Каждый семестр студенты анонимно оценивают работу преподавателей. Международные оценки и аккредитации очень важны для развития каждого университета. Например, Grenoble Business School (один из вузов-партнеров CULS Prague) гордится тем, что принадлежит к одному проценту бизнес-школ в мире, которые добились аккредитации во всех трех наиболее значимых аккредитационных агентствах в области экономики и бизнеса: EQUIS (European Quality Improvement System), AMBA (The Association of MBA) и AACSB (The Association to Advanced Collegiate Schools of Business). Благодаря этой успешной международной аккредитации студенты готовы платить Grenoble Business School за один год обучения 16 000 евро.

В заключение статьи авторы хотели бы обратить внимание на основные проблемы чешской высшей школы, которые необходимо решить в ближайшем будущем:

1. За последние десять лет количество обучающихся в вузах студентов выросло более чем в два раза. Из общего числа двадцатилетних молодых людей в вузах учатся 72 %. Остро встает вопрос о поддержании качества вузовского образования.

2. Необходимо определить оптимальный способ финансирования университетов (соотношение госбюджетных денег, платы студентов за учебу и вузовской предпринимательской деятельности).

3. Старение профессорско-преподавательского состава. Каждому второму профессору более 61 года.

4. Низкие международные рейтинги чешских университетов.

5. Не определена стратегия относительно роли общедоступного и элитного образования. Чему необходимо отдавать предпочтение?

6. Как добиться более эффективной работы университетского менеджмента? Выбирать или назначать вузовское руководство и каким образом это делать?

Внедрение Болонской системы эти проблемы не решает, но делает их более видимыми для всех участников академического процесса. С одной стороны, описанные нами принципы позволяют легко сравнивать университеты по всем аспектам деятельности на международном уровне. С другой стороны, в этой ситуации нарастающая конкуренция ставит каждый отдельный университет в жесткие условия необходимости постоянного самосовершенствования. В этом смысле развитие в духе Болонской системы вынуждает университет находить наиболее оптимальные решения или, в противном случае, уступить место тем университетам, которые с этой задачей постоянного самосовершенствования справляются.

Какие бы ни были затраты на реализацию Болонской системы, Чехия не могла остаться в стороне от этого процесса интернационализации академической жизни. В интересах страны необходимо было быстро определиться, накопить опыт и попытаться стать участником этой международной инициативы. Можно констатировать, что в результате этой работы за последние пятнадцать лет произошли качественные изменения в системе чешского высшего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болонская декларация. URL: http://www.ehea.info/Uploads/Declarations/BOLOGNA_DECLARATION1.pdf (дата обращения: 02.05.2016).

2. Строгеецкая Е. В. Организационное развитие университетов в период институциональных кризисов: эффективность vs выживаемость // Высшее образование сегодня. 2011. № 12. С. 18–20.

V. Cerny
Czech University of Life Science, Prague

V. A. Glukhikh
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

BOLOGNA ACCORDS IMPLEMENTATION AS A FACTOR OF QUALITY ASSURANCE OF EUROPEAN HIGHER EDUCATION (EXPERIENCE OF THE CZECH UNIVERSITY OF LIFE SCIENCES PRAGUE)

The article presents the experience of the Czech University of Life Sciences Prague in implementation of the Bologna Accords in European Higher Education. Positive results are analyzed and some current problems are outlined.

Bologna Process, higher education, quality assurance, ECTS credits, European dimension

Брусакова Ирина Александровна

Д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (931) 257-36-70. E-mail: brusakovai@mail.ru

Глухих Владимир Александрович

Канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (905) 234-23-24. E-mail: vladimirglu@mail.ru

Дерюгин Павел Петрович

Д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (964) 323-61-65. E-mail: ppd1@rambler.ru

Джайлоев Зафар Миралиевич

Старший преподаватель Института энергетики Таджикистана, руководитель учебного департамента Института энергетики Таджикистана.

Тел.: 8-10 (992) 900-00-52-73. E-mail: Safar-71@mail.ru

Звонцов Александр Викторович

Канд. экон. наук, доцент кафедры прикладной экономики, декан факультета экономики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (812) 346-29-20. E-mail: AVZvontsov@etu.ru

Короткий Сергей Викторович

Канд. филос. наук, доцент кафедры организации и управления Национального минерально-сырьевого университета «Горный».

Тел.: +7 (921) 399-30-06. E-mail: s.v.korotkiy@gmail.com

Косухина Мария Александровна

Канд. экон. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (931) 201-13-19. E-mail: masha.kossukhina@mail.ru

Мамина Раиса Ильинична

Д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (812) 346-47-83. E-mail: MaminaRaisa@yandex.ru

Маслова Татьяна Дмитриевна

Д-р экон. наук, профессор кафедры маркетинга Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Тел.: +7 (921) 357-33-13. E-mail: mtd777@mail.ru

Медынская Ирина Вильевна

Д-р экон. наук, доцент кафедры прикладной экономики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (906) 253-43-61. E-mail: irinamedyn@mail.ru

Пивоваров Александр Михайлович

Канд. социол. наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (921) 795-60-34. E-mail: a-pivovarov@mail.ru

Пирайнен Евгения Викторовна

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (953) 145-30-59. E-mail: evpirainen@gmail.com

Радеев Артем Евгеньевич

Канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (905) 231-39-84. E-mail: artem_radeew@mail.ru

Рассказов Сергей Вениаминович

Канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (906) 225-71-91. E-mail: rasskazovs@rambler.ru

Середа Василий Михайлович

Д-р мед. наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (921) 941-28-60. E-mail: seredavm@mail.ru

Сивоконь Мария Викторовна

Аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 975-41-48. E-mail: mariasivokon@mail.ru

Фомин Владимир Ильич

Канд. техн. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (911) 113-67-89. E-mail: vfomin.vfomin@ya.ru

Чигирь Марина Васильевна

Канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой прикладной экономики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 318-81-03. E-mail: mvchigir@yandex.ru

Черны Властимил

Д-р наук, заведующий отделением международных отношений факультета экономики и менеджмента Чешского университета естественных наук г. Прага (CULS Prague).

Тел.: 8-10 (420) 234-381-804. E-mail: cerny@pef.czu.cz

Швецова Ольга Андреевна

Канд. экон. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 755-30-56. E-mail: shv_olga@rambler.ru

Шильева Анна Сергеевна

Аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 342-22-06. E-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru

Solheim Karsten

Региональный координатор по Восточной Европе международного департамента Норвежского Красного Креста.

Тел.: +47-480-39-547. E-mail: karsten.solheim@redcross.no

В редакционный совет журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- файлы на CD-диске (в отдельных случаях по предварительному согласованию с редакционным советом допустима передача материалов по электронной почте):
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - рукопись статьи (статья должна быть объемом до 1 п. л. (40 000 знаков, включая пробелы));
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендация кафедры с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - экспертное заключение о возможности опубликования материала в открытой печати;
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих (не обучающихся) в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Сведения об авторах должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью) автора.
2. Основное место работы.
3. Должность.
4. Ученую степень, ученое звание.
5. Контактный телефон, адрес электронной почты.

Все сведения печатаются в строку (без отступов между абзацами) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, содержать признаки научной публикации:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97;
- формат бумаги А4;
- параметры страницы: поля – верхнее, нижнее и левое 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
- основной текст статьи: шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; первая строка с абзачным отступом 0,8 см; междустрочный интервал «Множитель 1,15»; автоматическая расстановка переносов.

На первой странице указывается индекс УДК (в левом верхнем углу; шрифт «Times New Roman» 14 pt; междустрочный интервал одинарный); далее даются инициалы и фамилии авторов, затем основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на русском языке. Инициалы и фамилии авторов, основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на английском языке размещаются в конце публикации после библиографического списка.

Перечень авторов разделен запятыми, инициалы перед фамилиями (шрифт «Times New Roman» 12 pt, полужирный; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 20 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Основное место работы набирается строчными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, курсив; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 0 pt, после 8 pt, междустрочный интервал одинарный).

Название статьи набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 15 pt; полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него – 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Аннотация содержит 3–7 строк, характеризующих содержание статьи (шрифт «Times New Roman» 9 pt, курсив; выравнивание по ширине; отступы: слева и справа 0,8 см; интервалы перед абзацем 6 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Ключевые слова состоят из 3–10 слов и словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми, в конце их перечисления точка не ставится; шрифт «Times New Roman» 10 pt, полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Далее следует текст статьи.

После основного текста следует библиографический список, который включает:

➤ *заголовок* «Список литературы» набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, жирный; выравнивание по центру; интервалы: перед абзацем 12 pt, после него 8 pt; междустрочный интервал одинарный);

➤ *библиографическое описание источника* с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ 7.3–2003. Библиографическое описание документа. Введ. 01.07.2004 / Госкомстандарт. М., 2004 (отдельным абзацем; шрифт «Times New Roman» 10 pt; первая строка с абзацным отступом 0,8 см; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Сноски постраничные. Нумерация сносок сквозная в рамках страницы (шрифт «Times New Roman» 10 pt, обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Для создания *формул* используется редактор MathType. Необходимо использовать следующие установки редактора формул. Размеры: «полный» 12 pt, «подстрочный» 10 pt, «под-подстрочный» 8 pt, «символ» 16 pt, «подсимвол» 14 pt; стили: текст, функция, число – шрифт «Times New Roman», вектор-матрица – шрифт «Times New Roman», полужирный; греческий малый, греческий большой, символ – шрифт «Symbol», прямой; переменная – шрифт «Times New Roman», курсив.

При наборе формул без использования редактора формул индексы ставятся размером 10 pt со смещением на 3 pt вверх или вниз (Главная → Шрифт → Дополнительно → Смещение) в зависимости от того, надстрочный или подстрочный индекс. Не использовать Шрифт → Видоизменение → надстрочный/подстрочный. Если у величины есть одновременно и надстрочные, и подстрочные символы, то формула создается только в редакторе MathType.

Формулы, помещенные на отдельной строке, набираются с интервалами: перед формулой 4 pt, после нее 4 pt; междустрочный интервал одинарный.

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (напр.: рис. 1, табл. 3).

Текст в *таблицах* печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами (без знака номера перед ними и без точки на конце, интервал перед 6 pt, после 4 pt; выравнивается по правому краю таблицы и выделяется светлым курсивом). Ширина таблицы не более 16,5 см, интервал после нее 6 pt.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами (CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)) в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. Основные линии на рисунках (границы блоков и соединительные линии на схемах, линии графиков) имеют толщину 1 pt, вспомогательные (линии-выноски, оси, размерные линии) – 0,6 pt. Рисунки не вставлять в рамки или полотно.

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит только его номер (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) и располагается по центру под рисунком (например, *Рис. 1*). Все тексты и обозначения на рисунке даются шрифтом размером 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt с одинарным интервалом; цифровые обозначения на линиях выносок и номер рисунка даются курсивом. Буквенные обозначения фрагментов рисунка (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, *а*); интервалы: перед рисунком и после него 6 pt. Ширина рисунка не более 16,5 см.

Перечень основных тематических направлений журнала:

- Философские науки
- Экономика и управление народным хозяйством
- Социологические исследования

Рукописи аспирантов печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru